

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — 2021 — № 2 (19)

Тема номера: «НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ»

	От редактора	3
РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ		
Животова П.А.	Конфликты пореформенной эпохи в романе И.С. Тургенева «Новь»	5
Романов Р.Е.	Концепция безопасности государства в социально-политической мысли В.Н. Клембовского	10
Щербаков И.М.	Идея России как самобытной цивилизации: междунaродно-политический анализ классического евразийства и постсоветского неоевразийства	18
Беляков Г.С.	Общие тренды развития национализма в Европе (конец XX — начало XXI вв.)	26
Брехов Г.С.	Современный повстанческий анархизм: «Черный блок» в движении «Желтых жилетов»	31
Солодов Е.А.	Идея мессианизма России в творчестве В.Ф. Одоевского и А.И. Герцена	40
РАЗДЕЛ II. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА, ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОПОРЯДКА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ		
Гузаеров Р.И.	Центральная Азия: столкновение идейно-ценностных кон-структов и интересы России	45
Андриантенаина А.П.	Управление миграционными процессами в Африке: между-народные и региональные подходы	52
Кануте Сумайла	Влияние религии на политические отношения в Мали	58
Жиманов Я.Р.	Проблема строительства наднациональных органов Союзного государства Беларуси и России	61
РАЗДЕЛ III. НОВАЯ ЦИФРОВАЯ ЭПОХА		
Казак О.Г., Цыбулькина М.А.	Интернет как инструмент коммуникативной деятельности партий Республики Беларусь	66
Антонян А.	Использование информационных технологий в формиро-вании электорального поведения граждан	72
Королев И., Чабанюк В.	Цифровые технологии как инструмент привлечения граждан к управлению регионом на примере Орловской области	75
РАЗДЕЛ IV. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА		
Кукреш Д.С.	Эволюция подхода к экологической политики Японии	82
Тимофеев В.В.	Горнодобывающие компании и миротворческая деятель-ность Канады в Мали	87
РАЗДЕЛ V. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19		
Кузнецова В.А.	Ограничения свободы в демократических режимах в усло-виях пандемии COVID-19 в контексте политической фило-софии Дж. Агамбена	98

Ламаш М.	Политические и социально-экономические последствия пандемии COVID-19 для США	103
Мафуанг Супатат	Влияние пандемии COVID-19 на процессы глобализации	109
РАЗДЕЛ VI. НАУЧНАЯ, ЦИФРОВАЯ, КУЛЬТУРНАЯ, СПОРТИВНАЯ И ИНЫЕ ВИДЫ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ		
Чернявская К.Ю.	Цифровая дипломатия — инструмент внешней политики Российской Федерации	116
Кокорева А.И.	Трансформация китайского подхода к публичной дипломатии в условиях пандемии COVID-19	121
РАЗДЕЛ VII. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ЛОББИЗМА		
Соловьев Д.А.	Главные действующие лица региональной политики: смена элит на фоне транзита власти (Тамбовская область, 2010–2018 гг.)	127
Хуснатдинов И.А.	Проектный подход в государственном управлении на примере реализации национальных целей развития в Московской области	135
Стафеичев А.А.	Институционализация лоббизма в политических системах различного типа: мировая и российская практика	143
РАЗДЕЛ VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИИ		
Сокрюкин А.В.	Экстернализация «должного» в политическом сознании современной российской молодежи	149
Назарова М.С.	Роль медиафрейминга в процессе политической коммуникации	154
РАЗДЕЛ IX. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ВОЛОНТЕРСТВО		
Хачатурян С.О.	Институциональные особенности добровольческой деятельности в Краснодарском крае: состояние и проблемы развития	160
Серебряков К.Д.	Специфика госкорпоративного сектора экономики Китая и этапы формирования структуры лоббирования интересов сырьевых компаний	167
SUMMARY		174
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		185
ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ		185
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ		187
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ		189
РЕДАКЦИЯ		191

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящий выпуск включены статьи победителей международного конкурса «**Лучшая статья молодого политолога — 2021**». Это уже четвертый конкурс, который проведен журналом «Русская политология — Russian Political Science» совместно с АНО «Лаборатория гуманитарных проектов».

В 2021 году в конкурсе приняли участие 77 молодых политологов, представляющих следующие страны: Россия, Армения, Беларусь, Таджикистан, ДНР, Китай, США, Буркина-Фасо, Республика Мадагаскар, Мали.

Участники из России были представлены из 24 университетов, из всех федеральных округов, при этом традиционно наибольшее количество участников — из ведущих университетов страны, где осуществляется подготовка будущих политологов: МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО (У) МИД России, РУДН, НИУ ВШЭ.

Выражаю огромную благодарность экспертам конкурса! За четыре года его существования сформировался достойный состав профессионалов из 34 докторов и кандидатов наук, а также практиков с многолетним профессиональным опытом в науке, бизнесе, политике из 10 стран (Россия, Беларусь, Сербия, Бразилия, Индия, Австрия, Япония, Бельгия, Польша, США).

И большое спасибо партнерам конкурса: молодежным отделениям Российского общества политологов и Российской ассоциации политической науки, Московскому университету имени С.Ю. Витте, компании «Joys», Креативному центру «ВХОД», форуму «Дигория», Координационному совету СВАО Москвы по развитию молодежной науки. Коллеги, надеюсь на дальнейшее сотрудничество с вами.

В конкурсе в 2021 году было несколько нововведений:

Первое. В организации конкурса принимал участие молодежный координационный совет, который сформирован из молодых политологов разных университетов — участников конкурсов прошлых лет. В дальнейшем в этот молодежный совет будут входить и новые участники: представители конкурса из регионов России и других стран. Необходимо отметить, что представители данного молодежного совета получили возможность, наряду с победителями конкурса, опубликовать свои исследования в нашем журнале.

Второе. По ряду тематических направлений участникам конкурса будет предложено подготовить коллективные доклады: по экологической политике, социально-политическим последствиям пандемии COVID-19, по новой цифровой эпохе и т.д. Надеюсь, общими усилиями международного состава авторов получится создать аналитические материалы, особенно по теме, связанной с последствиями COVID-19.

Третье. Совместно с экспертами и партнерами конкурса планируются семинары и конференции, в том числе и международные, по некоторым тематическим направлениям конкурса.

Четвертое. Как и было заявлено, победителям конкурса будет предложено выбрать акции или акцию определенных российских компаний для формирования своего «долгосрочного инвестиционного фонда». Такие акции нельзя продавать, передавать или дарить в течение 10 лет. Соответствующий договор будет заключен с каждым из победителей конкурса.

Конечно, это будут небольшие объемы — попытка со стороны организаторов конкурса показать одно из направлений возможного самостоятельного финансирования (софинансирования) научных исследований и научной деятельности.

При этом победителям будет предложено обсудить инициативу формирования частного фонда поддержки научных исследований из призового фонда конкурса. Соответственно, каждый победитель решит сам, хочет он оставить подарок (акцию/акции) себе или стать участником формирования фонда поддержки научных исследований. Да, будем ориентироваться на формирование эндаумента (целевого капитала, в котором расходуется только доход от него. Такой подход, установленный законом, позволяет фонду существовать вечно). Мы понимаем, что это задача не одного года, но будем двигаться в данном направлении.

Помимо вышеперечисленного, по итогам конкурса и консультаций с экспертами конкурса организаторы мероприятия обсудят вариант профессионального сопровождения победителей и участников конкурса

на базе журнала и партнерских организаций.

И конечно, в конкурсе сохранены традиционные поощрения победителей и участников:

- Каждый победитель получает диплом, участник конкурса — сертификат.
- Статьи победителей конкурса публикуются в нашем журнале «Русская политология — Russian Political Science».
- Участники конкурса получают рекомендации экспертов по продолжению своих исследований.

Будем и в дальнейшем развивать наш международный проект «Лучшая статья молодого политолога»

Надеюсь, уважаемые друзья и коллеги, на вашу поддержку!

А молодых политологов приглашаю принять участие в конкурсе в следующем — 2022 году.

Всем добра и счастья!

Всегда ваш

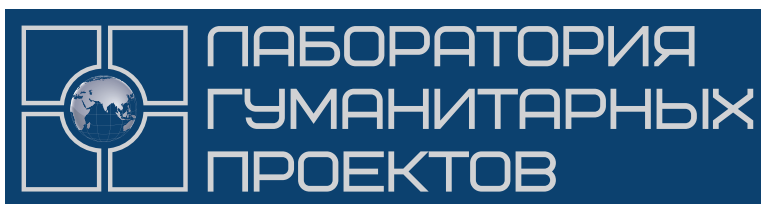
Андрей Горохов

главный редактор журнала

«Русская политология — Russian Political Science»,

кандидат политических наук

Журнал издается при поддержке АНО «Лаборатория гуманитарных проектов»

КОНФЛИКТЫ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»

Аннотация

В статье предпринимается попытка разобраться в социально-политическом содержании романа И.С. Тургенева «Новь», посвященного народническому движению середины 70-х гг. XIX века. В «Нови» Тургенев поднял вопрос о правомерности идеологии народничества и ее осуществлении на практике, а также предложил свою альтернативу программе революционных народников — «постепеновство снизу» и просвещение.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Новь», народничество, Ткачев, Лавров.

Автор

Полина Андреевна Животова

Студентка магистратуры кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

В 70-е годы XIX столетия для Тургенева стало очевидно, что либеральные круги российского общества составляют лишь словесную оппозицию реакции. Ноты этого разочарования прозвучали уже в романе «Дым» [2]. В этот период Тургенев проявлял глубокий интерес к революционному движению в России, следил за политическими процессами 70-х годов, из российских и иностранных газет ему были известны материалы «нечаевского дела», процессов Д.М. Дьякова и А.И. Сирякова и других [3]. Тургенев беседовал с адвокатами, выступавшими на этих процессах, а в 1877 году лично присутствовал на процессе «Южно-русского рабочего союза». Писатель живо интересовался бытом и нравами радикальной молодежи, его внимание привлекала «цюрихская колония», членами которой он пытался встретиться в 1873 году. Постоянно проживая за границей, Тургенев имел возможность общаться с такими представителями русской политической эмиграции, как П.Л. Лавров, С.М. Кравчинский, П.А. Кропоткин, Г.А. Лопатин, Н.В. Чайковский и многие другие. Особенно

близкие отношения связывали Тургенева с Лавровым: они вели активную переписку, часто встречались и дискутировали по важным общественным вопросам. Более того, Тургенев содействовал изданию народнического журнала «Вперед!», редактором которого был Лавров. Взгляды Тургенева и Лаврова по ряду вопросов расходились, но в целом писатель сочувствовал любой оппозиции самодержавию.

В 1874 г. имела место известная полемика между крупнейшими представителями революционного народничества — П.Н. Ткачевым и П.Л. Лавровым. Ткачев верил в революцию «для народа, но без народа» [9]. Революция для него — это вооруженное восстание заговорщической организации. Лавров же отстаивал идею перестройки общества не только для народа, но и при активной помощи народа. По мнению Лаврова, революция требует длительной подготовки, ее нельзя вызвать искусственно. Революция — это не продукт деятельности небольшой группы, а результат целого ряда сложных исторических процессов.

Эта полемика также нашла отражение в романе «Новь». Тургенев изучил брошюры и другую пропагандистскую литературу, которую распространяли оба «лагеря», и в этом споре встал на сторону Лаврова. Poleмика 1874 года обогатила представление Тургенева о различных направлениях в среде русской революционной молодежи и повлияла на изображение народников в «Нови».

В печати «Новь» появилась в двух первых номерах «Вестника Европы» за 1877 год. Опубликовать роман, посвященный злободневным проблемам российского общества, было не так просто. Чтобы произведение прошло цензуру, Тургеневу пришлось обойти в нем некоторые опасные места и прибегнуть к намекам больше, чем в предыдущих своих произведениях. Как и «Дым», «Новь» не встретила одобрения со стороны ни левых, ни правых сил русского общества. Консерваторы были возмущены сатирическим изображением в романе «прогрессивного» чиновника Сипягина, его супруги и их друга Калломейцева. О карикатурности и намеренном авторском искажении образов этих героев единодушно заявляли такие печатные издания, как «Русский вестник», «Голос», «Русский мир», «Гражданин» и другие. Остальная же печать 1870-х годов находила изображение фигур Сипягина и Калломейцева точным и правдивым. Выражая общее впечатление, публицист П.Ф. Алисов отметил: «Либерал и консерватор, выведенные в романе, не исключительные лица, это — типы типов, имя им легион; государственный высший мир ими живет и дышит» [14].

Главное внимание критики было сосредоточено на героях, которые стремятся поднять крестьянство на борьбу с монархическим строем. В оценке картины народнического движения мнения критиков разделились. Крупный теоретик народничества Н.К. Михайловский упрекнул Тургенева в по-

верхностном отношении к избранной теме, в «...легкомысленном желании подать свой голос в чужом для него деле» [7]. По мнению Михайловского, Нежданов — не «новый» человек, а избалованный Тургеневым гамлетовский тип, окруженный новой обстановкой. Ткачев был менее критичен по отношению к Нежданову, чем Михайловский, но тоже заметил близость Нежданова к «лишним людям». Г.А. Лопатин упрекал Тургенева в том, что он сосредоточил свое внимание не на последовательных и энергичных деятелях народнического движения, а на слабых, непрактичных и наивных личностях [4]. Такого же мнения придерживались публицисты народнического направления С.Н. Кривенко и Н.С. Русанов. Русанов отметил, что революционное движение в России приобрело такой размах, потому что в рядах народников «большинство составляли не Неждановы, а люди сильного ума и удивительной энергии» [8]. Лавров принял «Новь» более благосклонно. В отличие от других критиков, он считал, что при всех недостатках радикальная молодежь представлена достойно, это «единственная представительница высокого нравственного начала» в романе [6]. Лавров не отрицал реальность и распространенность среди народников таких людей, как Нежданов, Машурина, Остродумов и Маркелов, однако были и другие типы, которых Тургенев не показал в силу его малой осведомленности о ситуации в России. Кропоткин, как и Лавров, отметил, что «Новь» не дает полного и правильного представления о революционном движении в силу того, что на момент написания и публикации романа Тургеневу не были известны многие факты героических поступков народников. Тем не менее писателю удалось точно схватить две характерные черты раннего этапа народничества: непонимание агитаторами крестьянства и отсутствие решительных действий.

Со временем негативное отношение к роману Тургенева, которое неоднократно высказывалось в печати, стало сглаживаться. В первую очередь это было связано с оглашением материалов судебного следствия по «процессу пятидесяти» в марте 1877 года. Подробный отчет о деле народников-пропагандистов печатался во всех крупных газетах того времени, и многие современники, в том числе критики романа, были удивлены сходством сцен «Нови» с показаниями революционеров. «Процесс пятидесяти» показал, что гамлетизм Нежданова — не авторская выдумка и не попытка перенести тип «лишнего» человека на новую почву, а черта, которая действительно была присуща представителям народничества. А когда в 1878 году огромный резонанс получил судебный процесс Веры Засулич, многие критики увидели близость революционерки и тургеневской Марианны. Отношение радикальной молодежи к роману «Новь» и к творчеству Тургенева в целом тоже изменилось. Об этом свидетельствует написанная революционером-народовольцем П.Ф. Якубовичем прокламация, выпущенная в день похорон писателя. В этой листовке члены «Народной воли» признали, что либерал Тургенев «служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее “святой” и самоотверженной» [15].

Приступая к написанию произведения, Тургенев ставил перед собой задачу правдивого изображения молодежи 70-х годов. «Молодое поколение, — писал он М.М. Стасюлевичу, — было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых, несправедливо, — а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того, вредно. Я решился выбрать

среднюю дорогу — стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и не жизненно, что не может не привести их к полному фиаско» [10]. В центре романа «Новь» находится группа молодых практиков революционного дела — Нежданов, Марианна, Маркелов, Остродумов, Машурина. Формально действие романа происходит в районе 1868 года, но объективно связано с событиями 1874–1875 годов — массовым «хождением в народ», в котором приняли участие около двух тысяч юношей и девушек. Главный герой, студент Нежданов, кончает жизнь самоубийством после неудачной попытки пропаганды среди крестьян. Другого пропагандиста, молодого помещика Маркелова, крестьяне сдают полиции, он идет под суд. Остродумова и вовсе убивает мещанин, которого он подговаривал к восстанию.

Тургенев симпатизировал своим героям как личностям, но не разделял их цели и методы борьбы с самодержавным режимом. Скептицизм по поводу тщетности революционной пропаганды он выразил еще в 1862–1863 годах во время полемики с Герценом. Причины, заставившие героев приобщиться к делу революции, ясны, однако общественный идеал, к которому они стремятся, остается до конца не раскрытым. Тем не менее из биографий героев и их пристрастия к произведениям Герцена становится понятно, что речь идет о социалистической идее. Тургенев не был ярким противником социализма, но в равной мере не был и его сторонником [5]. Признавая право социализма на существование в ряду других идеологий, Тургенев не принимал его русскую революционную версию. Он отстаивал общность основных черт исторического процесса для всех стран, не противопоставляя Россию Западной Европе. Кроме того, Тургенев замечал и тенденцию к капиталистическому развитию

в пределах русской сельской общины, поэтому правоту народнической идеологии Тургенев видел только в отторжении несправедливых порядков пореформенной России.

Сочувственное отношение Тургенева к народнической молодежи подчеркнуто сатирическим изображением ее противников: помещика-реакционера Калломейцева и лицемера Сипягина, строящего из себя либерала, а на деле — охранителя существующего порядка. Эти герои ратуют за усиление позиций поместного дворянства и возвращение ему утраченных наследственных привилегий. Однако при всей своей симпатии к народнической молодежи Тургенев устами героя «Нови» Паклина, признал, что ее цель — поднять крестьян на революцию — так же бессмысленна, как и попытки дворянства вернуть себе былую роль: «И там чепуха — и здесь чепуха... Только та чепуха, чепуха XVIII века, ближе к русской сути, чем этот XX век» [11]. Несостоятельность собственных устремлений признает и сам Нежданов: «Да, наш народ спит... Но, мне кажется, если что его разбудит — это будет не то, что мы думаем...» [12]. Умирает дворянство, но вместе с ним заканчивает жизнь самоубийством и Нежданов, его смерть символизирует неудачу народнического движения.

Настоящий «герой» романа не Маркелов, Марианна или Нежданов, а механик, управляющий фабрикой Соломин. Ему Нежданов «завещает» свою невесту. Соломин не выдающийся человек, однако его сильный характер, трезвый ум, близость к народу, умение управлять производством делают его гораздо выше практиков революции. В конце романа звучит апофеоз Соломину: «Он — молодец! А главное: он не внезапный исцелитель общественных ран. Потому ведь мы, русские, такой народ! Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь — и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной

зуб... А Соломин не такой: нет, — он зубов не выдергивает. — Он молодец!» [13]. Образ Соломина был создан в назидание народнической молодежи, поверившей в скорую и легкую победу над самодержавным строем. Программе революционных народников Тургенев предложил свою альтернативу — «постепеновство снизу» и просвещение. В образе Соломина соединились и либерально-реформаторская программа, и идеи длительной подготовки крестьянской революции, и теория малых дел. По сути, фигура Соломина не новая в галерее тургеньевских героев. Соломин напоминает Лежнева из «Рудина», Лаврецкого из «Дворянского гнезда», Литвинова из «Дыма». Всех этих героев объединяет стремление приносить пользу родине своим тихим, конкретным, ежедневным трудом. Можно заметить, что интерес к подобному типу людей зародился у писателя давно, а в «Нови» раскрылся наиболее полно. И все же в последних строках романа звучит тоска по красивой и сильной натуре. «Безымянная Русь!», — в конце романа тревожно восклицает Паклин. «Безымянная Русь» была предвестием революционного пожара, случившегося в стране позднее, когда немое большинство в лице крестьянства и рабочего класса вооружилось идеологией революционной борьбы [4].

Таким образом, последний роман Тургенева, созданный в годы интенсивного развития народнического движения в России, стал своего рода завещанием писателя новому поколению. В «Нови» отразились многолетние размышления писателя о судьбе и перспективах дальнейшего развития России. В этом произведении Тургенев стремился указать наиболее подходящий путь служения России и ее народу. Роман «Новь» — логическое завершение творческой деятельности Тургенева, создавшего яркие образы русских людей 40–70-х годов XIX века.

Литература

1. *Дубовиков А.Н.* Герман Лопатин о Тургеневе: неизданные материалы // И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1967. — С. 252.
2. *Животова П.А.* Конфликты пореформенной эпохи в романе И.С. Тургенева «Дым» // SCHOLA-2021: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. — М.: Издательство Московского университета, 2021. — С. 804–808.
3. *Животова П.А.* Народническое движение в романе И.С. Тургенева «Новь» // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. — М.: Издательство Московского университета, 2020. — С. 216–219.
4. *Жукова О.А.* Новые люди в российской истории (Новь Ивана Тургенева) // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8. — № 1. — С. 71–84.
5. *Китаев В.А.* И.С. Тургенев и социализм (1870 — начало 1880-х гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2018. — № 2. — С. 23–28.
6. *Лавров П.Л.* И.С. Тургенев и развитие русского общества // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. — М.: Academia, 1930. — URL: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st026.shtml> (дата обращения: 15.05.2020).
7. *Михайловский Н.К.* Новь // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. — С. 164.
8. *Русанов Н.С.* Из литературных воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. — М.: Academia, 1930. — С. 40.
9. *Ткачев П.Н.* Революция и государство // Ткачев П.Н. Соч.: В 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1976. — С. 141.
10. *Тургенев И.С.* М.М. Стасюлевичу 22, декабря 1876 (3 января 1877) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Т. 15. — Кн. 1. Письма. — 1876. — М.: Наука, 2012. — С. 268.
11. *Тургенев И.С.* Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Т. 9. — М.: Наука, 1982. — С. 255.
12. *Тургенев И.С.* Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Т. 9. — М.: Наука, 1982. — С. 329.
13. *Тургенев И.С.* Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Т. 9. — М.: Наука, 1982. — С. 384–385.
14. Цит. по: *Цейтлин А. Г.* Новь // И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования: [Сб. ст.]. — М.: Наука, 1967. — С. 116.
15. *Якубович П.Ф.* И.С. Тургенев // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. — М.: Academia, 1930. — С. 8.

КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В.Н. КЛЕМБОВСКОГО

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды военного генерала, теоретика разведки и контрразведки В.Н. Клембовского на обеспечение безопасности государства от внешнего противника. События Франко-прусской войны 1870–1871 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. свидетельствуют о расширении масштабов «тайной войны», ситуации, когда противостоящие государства используют шпионов для выяснения секретной информации о противнике с целью нанесения ему максимального ущерба. Генерал В.Н. Клембовский, участник Русско-японской войны, на этих исторических примерах доказывает необходимость системной деятельности разведки для получения секретных сведений о пригрозивших противника к намечающейся войне и в то же время — необходимость контршпионства для противодействия наплыву вражеской агентуры, что составляет единый процесс. По мнению В.Н. Клембовского, такая системная деятельность разведки и контрразведки должна обеспечить безопасность государства от внешней угрозы.

Ключевые слова: разведка (шпионаж, шпионство), контрразведка (контршпионство), шпион.

Автор

Роман Евгеньевич Романов

Студент кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Владислав Наполеонович Клембовский (1860–1921) — генерал, участник Русско-японской и Первой мировой войн, военный теоретик разведки и контрразведки, автор труда «Тайные разведки: военное шпионство» (1892). О В.Н. Клембовском писали в первую очередь бывшие царские военачальники, с которыми он служил. Среди них были главнокомандующий Юго-Западным фронтом в годы Первой мировой войны, а затем поддержавший советскую власть А.А. Брусилов, участники Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, видные представители Белого движения — А.И. Деникин, П.Н. Врангель, П.Н. Краснов; дежурный генерал при Ставке Верховного Главнокомандующего П.К. Кондзеровский.

А.А. Брусилов, товарищ В.Н. Клембовского, дает позитивную характеристику, называя В.Н. Клембовского «дельным, умным генералом, способным к самостоятельной высокой командной должности» [2]. В свою очередь, П.К. Кондзеровский характеризует В.Н. Клембовского как карьериста, а не талантливого военного, как человека, который «стремился все прибрать к рукам» в период его пребывания в Ставке при императоре и позже, при Временном правительстве [8]. Сходное мнение выражает бывший министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, который комментирует действия В.Н. Клембовского следующим образом: «...крайне осторожный и расчетливый, ге-

нерал Клембовский, видимо, чувствуя, что поставил не на ту лошадь, поспешил отмежеваться от действий своих друзей в Верховном командовании» [6. — С. 249]. Таким образом, одни, как А.А. Брусилов, видят во В.Н. Клембовском талантливое военного генерала, способного к исполнению командных должностей, а другие, как А.Ф. Керенский, П.К. Кондзеровский, видят в нем карьериста, расчетливого человека, который быстро продвигается по карьерной лестнице, стремясь все взять под контроль.

Научные изыскания В.Н. Клембовского в области теории разведки и контрразведки были отмечены последующими теоретиками шпионажа — бывшим начальником разведотделения штаба Северного фронта, перешедшим на сторону белых в Гражданской войне, — Павлом Федоровичем Рябиковым, начальником контрразведывательного отделения пограничных войск Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления по Западному краю Станиславом Степановичем Турло. В своих работах, посвященных разведке и контрразведке, они неоднократно ссылались на В.Н. Клембовского. Значимость идей В.Н. Клембовского позволила П.Ф. Рябикову назвать его «знатоком разведывательной службы» [9. — С. 174].

Современные историки разведки, в частности д.и.н., генерал-лейтенант Федеральной службы безопасности в отставке А.А. Зданович, к.и.н. А.А. Иванов, д.и.н., специалист по истории отечественной военной разведки М.Н. Алексеев, д.ю.н. А.Г. Шаваев, внесли огромный вклад в изучение жизни и творчества В.Н. Клембовского. А.А. Зданович в предисловии к работе «Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924» называет В.Н. Клембовского первопроходцем в изучении теории разведки и контрразведки, поскольку его книга «сохранила и по-

ныне свежесть и глубину восприятия проблем разворачивавшейся масштабной тайной войны в начале XX века» [7. — С. 10]. Аналогично высказывается А.Г. Шаваев в работе «История военной контрразведки. СМЕРШ Империй», называя В.Н. Клембовского «виднейшим теоретиком российской военной контрразведки, заложившим базовую часть ее фундаментальной научной основы, прежде всего в методологии познания противника» [11].

Кем же был на самом деле В.Н. Клембовский? Он за всю свою жизнь, как выразился А.И. Куприн, «дважды менял религию в интересах карьеры, ловя которую за хвост он до войны получил кличку “мыловара”, а во время войны — “кондитера” [3. — С. 67]. Такая едкая характеристика деятельности военного генерала, теоретика разведки и контрразведки была обусловлена тем, что В.Н. Клембовский служил разным политическим режимам — императору, Временному правительству и советской власти. Он получил георгиевское оружие за вклад в победу на Юго-Западном фронте (Луцкий прорыв) при императоре Николае II, отказался от предложения министра, председателя Временного правительства А.Ф. Керенского занять главный военный пост — верховного главнокомандующего — и стал членом Особого совещания при главнокомандующем Рабоче-крестьянской Красной армии в годы советской власти. В таком контексте военный генерал воспринимается как карьерист, готовый на многое ради продвижения по служебной лестнице. Но здесь не все так просто. В годы революции В.Н. Клембовский пытался противостоять развалу армии и падению дисциплины, считая, что «угроза внешнего врага целостности родины и свободы повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии» [6. — С. 245]. В период начала деятельности Временного правитель-

ства он выступил против приказа № 1, изданного Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 года, по которому воинские части в политических выступлениях подчинялись не офицерам, как ранее, а созданным выборным комитетам и Совету, что способствовало демократизации армии. В.Н. Клембовский был патриотом, готовым «служить родине до последней капли крови» [6. — С. 244].

Важной в биографии генерала В.Н. Клембовского является его преподавательская и научная деятельность в Тверском кавалерийском училище. В училище он занимается переводом и редактированием многотомной «Международной военно-исторической библиотеки» [11]. Ознакомившись с идеями видных политических и военных деятелей разного времени, В.Н. Клембовский написал работу под названием «Тайные разведки: военное шпионство», первое издание которой вышло в 1892 году в Петербурге. На вопрос о поводе для выпуска данной работы В.Н. Клембовский ответил еще в предисловии к первому изданию так: «...сведения о противнике составляют основу каждого шага на войне, все средства, клонящиеся к сбору их, должны быть разработаны возможно полнее...», «...желательно, чтобы вопрос о тайных разведках подвергся гласному обсуждению в мирное время» [7. — С. 21], и ссылается на опыт Франко-прусской войны, в которой Франция до 1871 года «почти совсем не пользовалась услугами лазутчиков», что и обусловило ее невыгодное положение перед Пруссией, которая имела развитую агентурную разведывательную сеть. Особое мнение относительно условий выпуска работы В.Н. Клембовского высказывает кандидат исторических наук А.А. Иванов. Он полагает, что В.Н. Клембовский выпущенной работой подвел итог исторической заочной дискуссии между представителями общественности о целесообразности

использования разведки и контрразведки [5. — С. 145].

Выпущенная в 1892 г. работа была оценена по достоинству лишь в военных кругах и была забыта фактически на 18 лет. Тем не менее уже спустя два года после выхода упомянутой работы мировую общественность сотряс шпионский скандал — в прессе широко распространилась сенсационная информация о «деле Дрейфуса», офицера французского генштаба капитана Альфреда Дрейфуса, безосновательно обвиненного в шпионаже в пользу Германской империи, что могло свидетельствовать о росте масштабов тайной войны — шпионажа.

Второе издание этой работы последовало лишь в 1911 г., когда, по утверждению В.Н. Клембовского, «военное дело усложнилось, вооруженные силы государств увеличились, и попутно с этим возросло и усовершенствовалось шпионство как средство узнать военные тайны соседей» [7. — С. 23]. Что имеет в виду В.Н. Клембовский? Важность шпионства была обусловлена мировыми событиями, связанными с борьбой крупнейших европейских стран за гегемонию, и позже оформлением двух блоков — Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Россия, Великобритания, Франция). Страны указанных блоков начали активно наращивать военный потенциал в преддверии намечавшегося конфликта. Во Франции были созданы пулеметные и мотоциклетные подразделения в пехоте и кавалерии, весной 1914 г. — мощный корпус кавалерии, стала развиваться военная авиация. В Великобритании был заложен броненосец нового поколения «Дредноут». Не отставала от Великобритании и Германия, выпуская суда такого же типа. Германия стала лидером в дирижаблестроении, выпуская боевые воздушные корабли.

В условиях гонки вооружений шпионство как способ узнать военные

секреты потенциальных противников приобрело большое значение, поскольку при добыче наиболее важных сведений увеличилась возможность изменить ход войны в свою пользу. Как отмечает историк, советский разведчик Константин Кириллович Звонарев, наиболее активно шпионскую деятельность вела Германия. Во главе всей разведывательной сети Германии стоял III-й отдел Большого Генштаба, созданный еще в 1889 г. К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. Германия сосредоточила военных агентов в 14 государствах (Швейцарии, Бельгии, Румынии, Америке, Австрии, Турции, Англии, Испании, Франции, Китае, России, Италии, Швеции, Японии) [4. — С. 387]. Особое значение для Германии имели Россия и Франция как основные предполагаемые противники в будущей войне.

Немаловажным в этом контексте стали события Русско-японской войны, о которых упоминает В.Н. Клембовский. Она показала несостоятельность отечественных спецслужб в противостоянии противнику — японцам, которые в очень высокой степени были готовы к исполнению обязанностей шпионов по официальному требованию Генштаба и к проявлению собственной инициативы — «национальной воли», добровольно осуществляя разведывательные действия. Создавались организации национального характера (например, «Черный дракон» во главе с Рехаем Утидой), они добровольно осуществляли операции по добыче секретных сведений через создание сети публичных домов, мелких лавочек и ресторанов [10]. Все это способствовало пониманию необходимости предварительного изучения вопроса постановки шпионской деятельности.

Одна из центральных идей В.Н. Клембовского заключается в том, что шпионство как особый вид деятельности должно применяться каждым государством, поскольку «идеи о все-

общем разоружении и о всесветном мире не вышли из области мечтаний и, соответственно, каждое государство должно быть готово к войне со своими соседями» [7. — С. 21]. Вероятно, здесь В.Н. Клембовский осторожно затронул инициативу Николая II по созыву мирной конференции по разоружению, поскольку тот промежуток времени можно было охарактеризовать как обострение международной напряженности. Значит, государь всегда должен учитывать международную обстановку, быть готовым к ведению боевых действий против других государств. Но всегда, к чему и подводит сам В.Н. Клембовский, необходимо знать о других государствах больше, поскольку недооценка или полное незнание потенциального противника могут иметь губительные последствия для страны. Конечно, в качестве примера В.Н. Клембовский берет события Русско-японской войны (в которой он сам принимал участие), когда, по его словам, «мы не знали японцев, считали их армию слабой и плохо подготовленной, думали легко и быстро расправиться с ней и... потерпели полную неудачу» [Там же]. Основная наша ошибка, по мнению В.Н. Клембовского, в недооценке сил противника. Недостаточное внимание было оказано изучению подготовки противника к войне, основных театров боевых действий и т.д. Как стоит действовать в этой ситуации? По опыту войн — использовать подготовленных «шпионов», которых В.Н. Клембовский одновременно называет и лазутчиками, и тайными агентами [1]. Шпионы, в отличие от кавалерийской разведки, могут забраться в тыл противника, изучить там всевозможные подготовительные работы и донести эти сведения до Генштаба армии [7. — С. 23].

В.Н. Клембовский в своих размышлениях о шпионстве полагался на французских военных мыслителей второй половины XVIII в., в частности маршала Франции, участника наполеоновских

войн Тома Робера Бюжо, который утверждал: «...шпионство не импровизируется мгновенно» [7. — С. 28]. Тем самым В.Н. Клембовский выдвинул вторую центральную идею своей работы — необходим значительный промежуток времени на подготовку нижних чинов к исполнению ролей шпионов в соседнем государстве. Поэтому В.Н. Клембовский говорил о необходимости использования шпионов не только в военное, но и в мирное время, отделяя их друг от друга. К тому же благодаря развитию прессы, обсуждению государственных вопросов в парламентах и сеймах было облегчено изучение соседних стран. По мнению В.Н. Клембовского, такая ситуация «приоткрыла занавес тайны» над тем, что ранее находилось в секрете. Любые распоряжения, отчеты соседнего государства можно использовать для подробного изучения его международного положения, внутреннего общественно-политического состояния и прочей информации, начиная именно с мирного времени.

В.Н. Клембовский рассуждал о том, сведения какого характера нужно добыть еще в мирное время, чтобы повернуть исход будущей войны в свою пользу. Так, он выделил сведения четырех типов:

1. О вооруженных силах государств. Эти данные необходимы при обороне, осаде, блокаде крепостей. Чем слабее численно армия, тем большее значение приобретает деятельность шпиона по поиску секретных сведений.

2. О местности в предполагаемом районе военных действий. Клембовский утверждает необходимость изучения территории предполагаемых действий именно в мирное время путешествующими военными для оценки возможности маневренности движения войск, что позволит нанести внезапный удар по противнику или же отвести более безопасным маршрутом свою армию.

3. Сведения о населении. Агенты, пробираясь на вражескую территорию, могут вербовать определенные категории граждан, предлагая им деньги за сведения, или же манипулировать их слабостями. Большую ценность представляют сведения от чиновников министерств, генералитета.

4. Сведения о производительности края — экономическая деятельность [7. — С. 22]. Так одно государство, имея секретные сведения относительно потенциально вражеских государств, получает больше преимуществ в намечающейся войне.

Стоит учесть, что В.Н. Клембовский рассуждает о добыче секретных сведений о других государствах с целью получения преимуществ и для мирного времени. В этом контексте он различает шпионство политическое и военное. Основное отличие в том, что шпионаж политический подлжит действию общеуголовных законов (или гражданских), а шпионаж военный — действию законов военного времени, поскольку в понимании В.Н. Клембовского политический шпионаж можно определить как деятельность, характеризующуюся слежкой «за политической организацией иностранных государств» именно в мирное время [7. — С. 33]. Вероятно, под политической организацией государств В.Н. Клембовский имел в виду деятельность политических партий, министерств, конкретных политических деятелей, взаимоотношений между ветвями власти и т.д. Среди политических деятелей в том или ином государстве могут быть сторонники как мира, так и войны, которых можно подкупить и получать достоверную информацию из первых уст о взглядах чиновников на политические отношения с другими державами и, соответственно, быть готовым ко всему. Государство должно учитывать сведения, поступающие от политических агентов, и направлять свою дипломатию на урегулирование возможных проблем на международ-

ной арене, поскольку от этой информации может зависеть сохранение мира или же наступление его противоположности — войны.

В.Н. Клембовский является создателем авторской классификации шпионов: по характеру вербовки — добровольные и подневольные; по количеству сторон, снабжаемых секретными сведениями, — простые и двойные; по продолжительности сотрудничества и количеству доносимых сведений — временные и постоянные; по способу действия — подвижные и неподвижные (местные) [7. — С. 47]. Об этой классификации подробно размышляет историк М.Н. Алексеев в своем труде «Лексика русской разведки. История разведки в терминах» [1]. На основании анализа категорий шпионства, приведенного В.Н. Клембовским в работе, можно сказать, что наиболее полезными категориями в шпионской деятельности и в мирное, и военное время являются шпионы добровольные, простые, постоянные, подвижные и неподвижные. Они действуют в рамках общих требований. Основным источником мотивации к сотрудничеству таких шпионов является материальная составляющая (деньги). В.Н. Клембовский отметил, что при подборе кадров для шпионской деятельности нужно «ознакомиться с его семейной обстановкой, с окружающими его лицами и через них с его нравственностью, а в военное время надо знать, какие сношения он имеет с противником» [7. — С. 51]. В.Н. Клембовский сделал различия между шпионами мирного и военного времени. В мирное время для шпионской деятельности подходят и комиссионеры, и торговцы, и ремесленники, которые отлично знают местность и могут по необходимости указать маршруты для наиболее удобного передвижения армии. Особую роль в разведке В.Н. Клембовский отдал женщинам, поскольку их «чары» способны добыть информацию из любого мужчины, что

подтверждалось историческими примерами [7. — С. 52–53]. «Управление шпионством <...> требует глубокого знания человеческой природы и проницательности» [7. — С. 58]. Не каждый способен управлять разведывательной сетью. Важной характеристикой кандидата на роль лидера в управлении шпионством является его желание, «личная склонность» к подобному делу [11].

По логике рассуждения В.Н. Клембовского, осознание неизбежности войны с другими государствами, в том числе и с соседями, обуславливает необходимость не только подготовки к ведению шпионажа в сопредельных странах, но и развития контрразведывательной сети внутри своего государства. Это позволит, с одной стороны, нанести упреждающий удар, с другой — подготовиться к возможным диверсиям. В.Н. Клембовский рассуждал о необходимости сохранения в тайне сведений, «касающихся его [государства. — Р. Р.] настолько соседнему правительству выгодно еще до войны раскрыть эту тайну» [7. — С. 22]. Поэтому В.Н. Клембовский выдвинул четвертую важную идею: государство, помимо отправки шпионов во вражеский стан (разведка), должно организовать агентурную сеть на собственной территории для противодействия наплыву вражеских шпионов (контрразведка). Он считал, что важно иметь хороших шпионов; но важнее не допускать к работе в своей среде иностранных и неприятельских шпионов [7. — С. 92]. Все это должно способствовать достижению одной главной цели — обеспечению безопасности собственного государства. В этом плане он повторил мысль известного политика Никколо Макиавелли, который писал: «...когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости...» [7. — С. 26–27].

Здесь В.Н. Клембовский как военный генерал, осознающий необходимость достижения победы в баталии, выдвинул пятую идею о том, что «шпионство не так позорно, как кажется с первого взгляда» [7. — С. 21], тем самым откладывая давний вопрос о морально-нравственном аспекте шпионской деятельности в сторону перед необходимостью спасения отечества от врага. Это является достаточно прогрессивным моментом по сравнению с воззрениями предшествующих мыслителей.

В целом принципиальная новизна труда В.Н. Клембовского заключается в том, что это первая отечественная работа, посвященная детальной характеристике разведки и контрразведки на основе научных изысканий русских и зарубежных мыслителей с использованием многочисленных исторических примеров. В.Н. Клембовский первым среди русских теоретиков разведки и контрразведки определил необходимость постоянного использования шпионажа не только в военное, но и в мирное время, чтобы была возможность основательно подготовиться и дать отпор противнику. Этой же цели должна отвечать правильная организация шпионства именно в мирное время, охарактеризованная В.Н. Клембовским. Вопрос о нравственной стороне шпионской деятельности был отведен на второй план, поскольку безопасность государства — превыше всего. Новаторство В.Н. Клембовского также отразилось в выдвигании оригинальной классификации шпионов по ряду критериев — по характеру вербовки,

по месту действия и пр. Его идеи впоследствии транслировались теоретиками разведки и контрразведки П.Ф. Рябиковым, С.С. Турло, Н.С. Батюшиным, что говорит о важности данных мыслей в контексте расширения тайной войны начала XX в.

Выводы В.Н. Клембовского о том, что системная разведывательная и контрразведывательная деятельность составляют единый процесс, сопутствующий достижению главной цели — обеспечению безопасности государства перед лицом внешней угрозы, что актуально и по сей день. Необходимость постоянной системной агентурной разведки и контрразведки была оправдана расширением масштабов «тайных войн» в годы Первой и Второй мировых войн, что впоследствии обусловило дальнейшее организационное строительство соответствующих органов и расширение масштабов их деятельности, особенно в нашей стране. Добыча разведчиками сведений о других государствах имеет определенное значение, не только в контексте войны, но и для реализации собственных интересов на международной политической арене. Все это позволяет говорить о разведывательной и контрразведывательной деятельности как важнейшей составной части государственного механизма, политической системы любой страны. Идеи В.Н. Клембовского нашли продолжение в трудах теоретиков спецслужб, тем самым вписав имя данного автора в историю социально-политической мысли как одного из первых отечественных теоретиков разведки и контрразведки.

Литература

1. *Алексеев М.Н.* Лексика русской разведки. История разведки в терминах. — М.: Алгоритм, 2018. — URL: <https://litresp.ru/skachat/ru/A/alekseev-mihail-nikolaevich/leksika-russkoj-razvedki-istoriya-razvedki-v-terminah>.
2. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. — М.: Отдел воен. лит., 1929. — URL: http://dugward.ru/library/brusilov/brusilov_moi_vospominania.html.
3. *Ганин А.В.* «Я готов вам дать удовлетворение оружием...» Несостоявшийся поединок писателя А.И. Куприна и сына генерала В.Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое. — 2017. — № 2. — С. 63–76.

4. Звонарев К.К. Агентурная разведка. — Кн. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. — Киев: Княгиня Ольга, 2005. — С. 385–390.
5. Иванов А.А. Проблема шпионажа в России в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. — 2014. — № 4. — С. 143–147.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. — М.: Республика, 1993. — С. 244–249.
7. Клембовский В.Н. Тайные разведки: военное шпионство // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924 / Вступ. статья А.А. Здановича. — М.: Кучково поле, 2007. — С. 8–111.
8. Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. — М.: Русский Хронографъ, 2012. — URL: http://www.gwar.ru/library/Kondzerovsky/DG_15.html.
9. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924 / Вступ. статья А.А. Здановича. — М.: Кучково поле, 2007. — С. 112–291.
10. Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. — СПб., 2006. — URL: <https://coollib.net/b/180169-boris-a-starkov-ohotniki-na-shpionov-kontrrazvedka-rossiyskoy-imperii-1903-1914/read>.
11. Шаваев А.Г. История военной контрразведки. СМЕРШ Империй. — СПб.: Питер, 2018. — URL: <https://document.wikireading.ru/hSdAwEfyoC>.

ИДЕЯ РОССИИ КАК САМОБЫТНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА И ПОСТСОВЕТСКОГО НЕОЕВРАЗИЙСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются основы идеи России как самобытной цивилизации в работах некоторых представителей классического евразийства 1920–1930-х годов и постсоветского неоевразийства 1990–2000-х годов и их практической и юридической реализации сегодня. Автор приходит к выводу, что идеологи классического евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий) разрабатывали модель идеократической евразийской империи, являющейся культурно-экономическим связующим элементом между Западом и Востоком. Некоторые представители неоевразийства (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский) переосмыслили постулаты классического евразийства в новых условиях постсоветского строительства России. На практико-политическом уровне ряд «евразийских» положений мы можем встретить в базовых внешнеполитических документах РФ: противостояние Западу и его «вестернизированной» ценностной парадигме, сохранение духовно-нравственных ценностей национальной культуры, сближение с интеграционными объединениями (Евр)Азии для взаимовыгодной кооперации и сотрудничества.

Ключевые слова: классическое евразийство, Россия, месторазвитие, идеократия, неоевразийство, ЕАЭС.

Автор

Илья Михайлович Щербаков

Студент магистратуры факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
координатор Экспертного совета молодых политологов
журнала «Русская политология — Russian Political Science»
(Москва, Россия)

Классическое евразийство 1920–1930-х годов

Обычно зарождение идей, которые стали фундаментом для становления классического евразийства, относят ко времени возникновения кружка славянофилов и панславистского течения. При этом нельзя сказать точно о предшественниках данного течения. Евразийство, начавшее свое оформление в эмигрантской среде в 1920–1930-х годах, «было одним из самых оригинальных течений русской эмиграции, потому что в противовес славянофильским и панславистским течениям XIX столетия речь идет не о

консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении» [10]. В 1920–1930-е годы евразийство развивалось, во-первых, представителями либеральной отечественной мысли, выступавшими за примат индивидуальных (персоналистских) политических прав, которые руководство России не гарантировало в полной мере [2]. Во-вторых, евразийцы также находились в оппозиции к представителям консервативного течения политической мысли в среде русской эмиграции (И.А. Ильин [7]), которые защищали идеи возвращения обновленной Российской империи для объединения государственной власти

с «отколовшимися» нациями-государствами: Финляндией, Прибалтийскими странами, Польшей, Молдавией, Украиной.

В отечественном общественно-политическом дискурсе начала XX века существовали разные оценки классического евразийства. Н.А. Бердяев не принимал радикального антизападничества евразийцев, так как оно было «превратно и ложно, и подобное отношение заслуживает наименования азиатства, а не евразийства» [1]. Политический деятель и историк П.Н. Милюков в противовес евразийцам замечал, что наша страна «скорее Азиопа» [13], чем Евразия. Переходя к социально-историческому контексту возникновения евразийства, мы должны обратиться к мнению профессора философского факультета МГУ и специалиста по истории русской философии М.А. Маслина. Он заявляет, что евразийство как философское течение «возникло в русском послеоктябрьском зарубежье как идейное течение, отразившее реакцию отечественного сознания на крупнейшие сдвиги в мировой истории, происшедшие в начале XX столетия» [11]. Одним из таких сдвигов являлась Первая мировая война, ставшая катализатором системных изменений в международных отношениях 1910–1920-х гг. Сдвиги в плоскости практической политики мы можем увидеть на примере распада империй «старой формации»: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Сдвигом в сфере политической философии стало разочарование в прогрессистском, линейном подходе к анализу окружающих процессов, заложенном еще в эпоху Просвещения XVII–XVIII вв.

Для наиболее полного понимания сути евразийской политической мысли стоит обратиться к таким важным идеям течения, как «особый («срединный») мир» и диалог культур. П.Н. Савицкий пишет, что «Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр —

и все остальные его части <...> превращаются как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир есть то звено, которое спаивает в единство их все» [19]. Одним из факторов, формирующих эту «особость», является территория. Если мы сравним размеры Европейского континента и России (СССР на момент 1920–1930-х годов), то площадь России в четыре раза превышала пространство Старого Света. Таким образом, динамику геополитического развития нашей страны нельзя рассматривать в отрыве от обширности Российского государства. Вторым фактором является исторически обусловленная объединительная роль России-Евразии, которую она приобрела после нашествия монгольских кочевников в XIII–XV веках. Их международно-политическое преобладание на Евразийском континенте предопределило получение ими статуса «межэтнических посредников» между исторически разрозненными культурными частями, в том числе и с Россией. «Силой не устранимых фактов русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур, снимается противоположение между Востоком и Западом» [19]. При сложении вышеперечисленных факторов авторы евразийства приводят географические и геополитические доказательства того, что Россия является самобытной цивилизацией.

Составным компонентом представлений классических евразийцев является пара концептов: месторазвитие и идеократия. Согласно евразийцам, «месторазвитие» — это совокупность общежитий широкого порядка, строящихся на основе «генетических вековечных связей» между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, чело-

веком, его бытом и даже духовным миром — с другой» [20]. Евразийское месторазвитие должно выглядеть как «географический индивидуум», в котором локальные месторазвития гармонично объединяются в более крупные образования. В евразийской традиции данная категория тесно связана с «особым миром». Этот концепт, по сути, является «визитной карточкой» классического евразийства. Идеократия была идеей-правительницей, которая выражается в служении благу своего месторазвития и подавлении каких-либо националистических и классовых целей и, соответственно, реализации «соборного мышления» [23]. Идеократический компонент является внутренним стержнем большого месторазвития России-Евразии, делая его, таким образом, монолитным и неподверженным трансформирующим воздействиям извне. Кроме того, важным продолжением существования идеократического «стержня» является гармоничное взаимное религиозное обогащение православия и ислама. В. Попов утверждает, что «и православное христианство, и ислам, несмотря на их явную доктринально догматическую несовместимость, благодаря общим чертам религиозной психологии евразийских народов и в результате исторического укоренения на пространстве России-Евразии, приобрели сходные социокультурные черты» [16. — С. 162–163]. Тем не менее уместно говорить, что следует разрабатывать соответствующие механизмы мирного взаимодействия религиозных течений, поскольку, несмотря на сходство, они являются разными по «духу», быту и практической социальной реализации. Кроме того, следует отметить, что классическое евразийство не ограничивается работами ранее проанализированных авторов. Для более углубленного понимания сути евразийского течения можно обратиться к трудам данных авторов: Г.В. Вернадского [4. — С. 82–83], Р.О. Якобсона [26], П.П. Сувчинского

[21]. Трудно переоценить количество приверженцев данного общественно-политического течения, что говорит о его популярности и актуальности для своего времени.

Как итог, по мнению автора, ключевыми идейными постулатами классического евразийства (в срезе международной политики) являются:

- срединное историко-географическое и социокультурное положение России-Евразии (со всеми соответствующими технологическими и логистическими изменениями);
- существование идеально-духовного «стержня», базирующегося на диалоге культур и взаимном религиозном обогащении;
- континенталистское геополитическое мышление (по терминологии К. Шмитта).

Постсоветское неоевразийство 1990–2000-х годов

Неоевразийское общественно-политическое течение через своих представителей стало логико-исторической фазой эволюции евразийства 1920–1930-х годов. Если мы обратимся к социально-историческому контексту этих направлений, то увидим, что они оба возникают в периоды «коренной ломки» государственной системы России. Евразийство стало реакцией на Первую мировую войну и Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Неоевразийство актуализировалось после распада СССР и Организации Варшавского договора (ОВД) и перехода нашей страны на либерально-демократические основы построения общества. В те годы неоевразийство соседствовало с либерально-западническим течением. «Либеральные западники (А. Козырев [8], Е.Т. Гайдар [3], Д. Тренин [22]) возвратили и осветили тему естественного «родства» их страны (России) с Западом, основанного на таких разделяемых всеми ценностях,

как демократия, права человека и рыночная экономика» [28. — Р. 767]. Однако в противостоянии данному направлению постсоветское неоевразийство оформлялось как течение и обогащалось за счет притока новых авторов: В. Лукина [27], С. Станкевича [ibid], Г. Павловского [28, р. 768]). Кроме того, достаточно популярной сегодня является неоевразийская теория российского политолога А.Г. Дугина.

При анализе базовых взглядов А.Г. Дугина мы должны сказать, что он защищал постоянное наращивание сил для территориальной экспансии как единственно правильный вариант борьбы. В геополитическом конфликте с «торговой цивилизацией» США А.Г. Дугин выступал за создание широкой геополитической оси союзников: Германии, Ирана, Японии — с целью противостояния Атлантистскому влиянию [6]. На практике частичная реализация этих представлений заметна в сближении внешнеполитических позиций России и Ирана, например, по вопросу конфликта в Сирии (Астанинский формат между РФ, Ираном и Турцией). Политолог выделяет четыре международно-политических полюса силы: Североамериканский, Евразийский (Российский), Китайский и Евросоюз. По мнению политолога, в Евразийском полюсе «Россия рассматривается здесь не как страна, а как цивилизация, евразийская интеграция предполагает вовлечение других государств в большое пространство. Сегодня это и происходит, Россия переходит в состояние цивилизационного полюса как православная цивилизация с традиционными ценностями, суверенитетом, интегрирующая другие страны» [5]. Таким образом, между культурно-духовным понятием «цивилизация» и «властным» понятием «геополитика» в неоевразийстве, в отличие от мнений классиков евразийской мысли, акценты смещены в сторону геополитики.

Но «Евразия» А.Г. Дугина не является четко обозначенным геополитическим объектом и поэтому не дает полноценного понимания ее концептуальных основ. Немецкий политолог, исследователь русского ультрационализма А. Умланд заявляет, что «дугинская “Евразия” может включать в себя самые разные территории за пределами бывших царской и советской империй: например, центральную и континентальную Западную Европу, различные азиатские страны или даже совершенно другие части мира, если только они решатся придерживаться — в дугинском понимании этих расплывчатых понятий — “теллурократических” или “интегрально-традиционалистских” ценностей» [24]. В практике международных отношений мы констатируем, что полноценная реализация представлений политолога невозможна, в силу сложной культурной специфики Евразии.

Немаловажной фигурой в «неоевразийском цехе» следует считать русского философа А.С. Панарина. Во-первых, его позиция заключается в «новом синтезе формационной и цивилизационной парадигм, прорыве в будущее не на основе культурного разоружения и обезличивания, а с сохранением культурно-цивилизационного многообразия человечества» [14. — С. 204]. В современных условиях сохранение собственной идентичности возможно в рамках диалога культур, который, с одной стороны, уменьшает риск возникновения каких-либо конфликтов между государствами, с другой стороны, улучшает в перспективе обмен опытом и сотрудничество в стратегических сферах. На практике мы можем это увидеть через деятельность Россотрудничества сегодня: расширение сети «русских домов», которые знакомят представителей других культур с отечественным наследием России [31]. Хотя, конечно, стоит оговорить, что еще требуют доработки направления и

формы деятельности российских общественных организаций для эффективного направления своей «мягкой силы» в социокультурном аспекте.

Во-вторых, «будучи отличной от Запада и сознающей свое отличие, она [российская цивилизация], тем не менее, никогда не обнаруживала склонности ни к сепаратному обустройству, ни к тому, чтобы свалить с себя ответственность за судьбы мира» [15. — С. 56]. Таким образом, А.С. Панарин, подтвердив тезис классических евразийцев об уникальности географического положения, заключает, что Россия играет определяющую роль в евразийском регионе, поскольку ее географические границы де-факто совпадают с границами Евразии. Какие-либо попытки пересмотра данной формулы влекут за собой «изоляционный сепаратизм» и отказ от своего геостратегического положения в регионе. В то же время уместно подчеркнуть, что, в отличие от тех же классиков эмигрантского евразийства, А.С. Панарин не отказывался окончательно от взаимовыгодного сотрудничества с Западом.

В-третьих, А.С. Панарин предложил «оценить цивилизационный потенциал России, коренящийся, в частности, в ее православном архетипе» [14. — С. 205]. Философ рассматривает существование современной российской цивилизации с точки зрения сохранения ее исконных культурных основ, то есть, если говорить современным языком, о «мессианском» статусе России, который оспаривается на международной арене со стороны других участников (Атлантистских государств) и выкристаллизовывается из глубины российского народа. Именно здесь не последнюю роль занимают и православие (через деятельность Русской православной церкви), и мусульманство (религиозное паломничество по святым местам ислама), и другие конфессии и течения. Кроме того, А.С. Панарин отвергал различные «этноцентричные духовные

системы» как опоры современной государственной политики, потому что тогда «люди другого этноса или другого государства при этом чувствовали бы себя изгоями» [15. — С. 150]. Таким образом, мы можем понять, что российский философ связывал ядро цивилизации с мировыми религиями, а не с ориентацией на доминирующий по каким-либо характеристикам этнос. Фетишизация этноса и этноцентризма чревата ослаблением внимания к остальным элементам социально-политического порядка в государстве (духовность, экономические возможности, политические традиции организации).

По мнению автора статьи, нельзя в полной мере согласиться с мнением А.С. Панарина. Во-первых, с учетом того, что его работы были написаны в 1990-е — начале 2000-х годов, приоритеты и инструменты внешнеполитического поведения России изменились. Во-вторых, православный архетип или православие как один из структурных элементов российской государственности не могут рассматриваться как фундаментальная основа, так как в этом случае девальвируются две основы конституционного строя РФ: светский характер нашей страны и многонациональность российского народа. В-третьих, теоретические наработки А.С. Панарина имеют тенденцию к сложности практической реализации. Происходит качественная диагностика проблем нашего государства без предложения пошагового алгоритма их разрешения.

Еще один политолог-неоевразиец, который предлагал свой вариант «перестройки» современной России, — это В.Л. Цымбурский. Он выступал за качественно новое переосмысление геополитической реальности, существовавшей вокруг нашего государства, посредством определения специфического паттерна идентичности. Описывая российскую цивилизацию через категорию «острова», окруженного поясом культурно чуждых государств

постсоветского пространства (Великий Лимитроф), В.Л. Цымбурский, по нашему мнению, хотел сделать акцент на развитии национального пространства России и ее отдельных неразвитых территорий. «Откат России с ее параевропейских и параазиатских пределов, “отход на остров”, должен способствовать регионализации и выдвиганию на первый план проблем внутренней геополитики, особенно относящихся к трудным пространствам Новой России за Уралом» [9. — С. 30]. Несмотря на оригинальный геополитический взгляд, позиция политолога не была обойдена критикой некоторых исследователей: например, А.С. Панарин характеризовал «Остров России» как «сочетание заемного “разумного эгоизма” с языческим натурализмом» [9. — С. 30].

Таким образом, если сводить воедино идейный «образ» неоевразийства, России присущи следующие черты:

- она представляется евразийским социокультурным полюсом, привлекающим остальные государства к цивилизационному противостоянию Атлантизму Запада;
- реализация попыток отказа от части международных обязательств «чести и долга» перед некоторыми постсоветскими государствами, приобретшими независимый статус;
- трансформация роли религиозной духовности, закрепляющей «мессианский» авторитет России при разрешении определенных международно-политических вопросов.

Евразийская «сущность» в стратегических документах РФ

Применительно к базовым стратегическим документам внешнеполитического поведения РФ мы должны говорить о нескольких зафиксированных в них принципах. Если рассматривать Концепцию внешней политики, то авторами отмечается «значение

религиозного фактора в формировании системы современных международных отношений, в частности их нравственного основания. Эту задачу невозможно решить без обращения к общему нравственному знаменателю, всегда существовавшему у основных мировых религий» [17]. Таким образом, используется одно из положений евразийства, трансформированное во внешний фактор, влияющий на поведение России на международной арене. Сегодня это проявляется, например, в поиске правильного и скоординированного отношения руководства РФ и других государств Евразии к пришедшему к власти в Афганистане движению «Талибан» (запрещено в России) и восстановлению там теократического эмирата в качестве формы правления.

Другим положением евразийства является «развитие региональной и субрегиональной интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ), в Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском регионах, Африке и Латинской Америке» [17]. Кроме того, делается ремарка, что евро-атлантические интеграционные объединения имеют «особый» подход к принятию в свой состав новых членов и игнорируют основы международного права (своеобразный «кодекс чести» государств). Сегодня основополагающими группировками, в которых активна Россия, являются ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ОДКБ. Сюда присоединяются объединения с «азиатским акцентом»: АТЭС, ОПЕК (в качестве участника соглашения ОПЕК+), ВЭФ.

Что касается Стратегии национальной безопасности РФ, обновленной в июле 2021 года, то авторы документа «по-евразийски» отмечают проблему критики традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, которые «подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также

со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций» [18]. Сегодня «на страже» универсалистских (вестернизированных) ценностей стоит группа цифровых гигантов Big Tech (термин Э. Шмидта): Google, Microsoft, Facebook, Amazon. Через регулирование контента они влияют на социально-эмоциональный порядок в обществе, и государства уже начинают сталкиваться с их интересами в рамках различных ситуаций [29]. Последнее евразийское положение в Стратегии, которое мы отметим, — это «углубление сотрудничества с государствами — участниками СНГ <...> в первую очередь Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзного государства» [18]. Это положение несколько изменилось по сравнению с формулировкой Концепции, но тем не менее оно также носит евразийский характер. Попыткой его практической

реализации частично является недавнее одобрение всех 28 союзных программ интеграции России и Белоруссии: от сферы макроэкономической политики до регулирования вопросов таможенного и налогового законодательства [30].

Заключение

Данные примеры подтверждают, что положения евразийских концепций (как основы идеи России — самобытной цивилизации) эффективно применяются во внешней политике РФ: они задействованы в отображении борьбы ценностей и идентичностей, экономических интеграционных процессов и сохранении социокультурного потенциала России. Эти области являются одними из стратегических полей конфликтов нашего государства с оппонентами на международной арене, поскольку победа в них является залогом сохранения собственного места в мировой истории.

Литература

1. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. — № 1. — 1925. — С. 134–138. — URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_2 (дата обращения: 25.01.2022).
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. — М.: Путь, 1911. — 280 с.
3. Гайдар Е.Т. Государство и Эволюция. — М.: Евразия, 1997. — 206 с.
4. Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / ред. Л.П. Репина, В.И. Уколова; Институт всеобщей истории РАН. — Вып. 9. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 380 с.
5. Дугин А.Г. Александр Дугин: Горизонты многополярного мира // Изборский клуб. — 18.02.2020. — URL: <https://izborsk-club.ru/18820> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Дугин А.Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997. — 599 с.
7. Ильин И.А. О монархии и республике / Ред., предисл. и прил. Н.П. Полторацкого. — Нью-Йорк: Содружество, 1979. — 329 с.
8. Козырев А.В. Преображение. — М.: Международные отношения, 1995. — 333 с.
9. Конъюнктуры Земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. — М.: Европа, 2011. — 370 с.
10. Люкс Л. Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра Дугина и о «классическом» евразийстве // Вопросы философии. — 2000. — № 5. — URL: https://istorex.ru/page/lyuks_l_kratkie_zametki_k_diskussii_o_neoevraziystve_aleksandra_dugina_i_o_klassicheskom_evraziystve_na_sayte_gefterru (дата обращения: 28.01.2022).
11. Маслин М.А. Евразийство как пореволюционное идейное течение // Историко-философский ежегодник. — 2011. — С. 362–380.
12. Маслин М.А. Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. — № 4. — М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. — 232 с.

13. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры // Соч. в 3 т. — М.: Прогресс, 1993–1994. — 491 с.
14. Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национально-государственной идеологии. — М., 1994. — 262 с.
15. Панарин А.С. Православная цивилизация. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1248 с.
16. Попов В. Евразийская сущность Российской цивилизации // Религия и общество на Востоке. — Вып. III. — 2019. — С. 154–191.
17. Российская Федерация. Законы. Концепция внешней политики РФ: Указ Президента РФ: подписан Президентом РФ 30 ноября 2016 г. // Информационно-правовой портал Гарант.ру. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/#1000> (дата обращения: 27.01.2022).
18. Российская Федерация. Законы. Стратегия национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ: подписан Президентом РФ 2 июля 2021 г. // Официальный сетевой ресурс Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 01.01.2022).
19. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. — URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn05.htm> (дата обращения: 02.01.2022).
20. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия / сост., послесл., примеч. А.Г. Дугина. — М.: Аграф, 1997. — 461 с. (Новая история). — URL: <https://history.wikireading.ru/153908> (дата обращения 03.01.2022).
21. Сувчинский П.П. Рах Eurasiana // Евразия. — 1929. — № 10. — С. 2–11.
22. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». — М.: Московский Центр Карнеги, 2006. — 404 с.
23. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns16.htm> (дата обращения: 02.02.2022).
24. Умланд А. «Евразийские» проекты Путина и Дугина — сходства и различия // ИноСМИ. — 22.06.2012. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20120622/193954633.html> (дата обращения: 29.01.2022).
25. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. — 1993. — № 5. — С. 6–53.
26. Якобсон Р.О. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. — 1931. — С. 7–12.
27. Rethinking Russia's National Interests / S. Sestanovich. — Washington DC: Center for Strategic and International Studies, 1994. — 115 p.
28. Tsygankov A.P. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. — 2008. — № 10. — P. 762–775.
29. Роскомнадзор поставил ультиматум Twitter, Facebook и Google // Информационное агентство URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052480261> (дата обращения: 25.01.2022).
30. Власти впервые раскрыли 28 пунктов соглашения об интеграции с Белоруссией // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2021/613b36b99a794750b47b04a3> (дата обращения: 01.02.2022).
31. Россотрудничество готовится открыть 20 «русских домов» в некоторых странах // ТАСС. — 4.09.2021. — URL: <https://tass.ru/politika/12302683> (дата обращения: 08.02.2022).

ОБЩИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЕВРОПЕ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI В.)

Аннотация

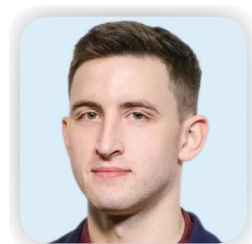
В статье анализируется современный этап развития национализма в Европе. Автором выделены ключевые тренды, изменившие характер идеологии: исчезновение жесткой связи между государством и нацией и, как следствие, возможная угроза официальным властям со стороны националистически настроенных групп; активное развитие этнонационализма, выступающего за дробление политического пространства; превращение гражданского национализма в реактивную идеологию, противостоящую процессам глобализации и миграционным потокам, размывающим национальную идентичность.

Ключевые слова: идеология, национализм, национальное государство, глобализация, этнонационализм, Европа.

Автор

Глеб Сергеевич Беляков

Студент факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Во второй половине XX в. в научной среде складывается представление о постепенном уходе национализма как феномена, актуального для развитых регионов мира, за счет выстраивания глобального сообщества, свободного от кровопролитных этнических конфликтов¹. Тем не менее события 90-х гг. с настоящим взрывом этнонационализма на постсоветском пространстве и Балканском полуострове продемонстрировали преждевременность подобных выводов.

¹ В частности, подобные выводы сделали такие известные исследователи, как Э. Хобсбаум и Э. Геллнер. Э. Хобсбаум писал о неминуемом ослаблении и исчезновении национализма в связи с экономическими трансформациями развитых обществ [10. — С. 302–305]. Э. Геллнер предрекал снижение остроты националистических конфликтов, и в этом смысле был прав. Сомнительной кажется точка зрения ученого относительно окончательного ухода национализма на второй план: «В зрелом индустриальном обществе больше не рождаются те глубокие социальные противоречия, которые могут затем усиливаться этничностью» [12. — С. 118].

И если борьба этнических меньшинств в либеральных демократиях Европы действительно носит относительно мирный характер, то этнические конфликты в Азии и Африке по-прежнему отличаются крайней жесткостью — события, которые американский политолог Ф. Риггс назвал «Третьим цунами» этнического национализма [15]. Одно из его последствий — поток беженцев — уже стало важнейшим фактором, деформирующим политическое пространство в ЕС, вызывая, в свою очередь, новый виток развития националистических настроений, на фоне которых все большую поддержку получают правопопулистские силы [9]. Таким образом, в конце XX — начале XXI в. можно наблюдать несколько новых трендов развития идеологии национализма в государствах Европы, которые мы проанализируем в данной работе.

К концу XX в. в развитых странах происходят значительные изменения

общественной структуры, часто определяемые как «эпоха постмодерна». Общество становится постиндустриальным (информационным), формируется массовая культура потребления, классические идеологии теряют популярность, актуализируются ценности свободы, культурного плюрализма, многообразия. «Национальные идентичности уступают место субнациональным, групповым, религиозным идентичностям <...> происходит фрагментация идентичности». [8. — С. 37]. Наблюдается постепенное ослабление государства, на протяжении всего XX в. играющего решающую роль в жизни общества, внутренняя и внешняя политика сближаются, появляются новые политические акторы, обладающие значительной символической властью: СМИ, НКО, религиозные сообщества, ТНК, преступные группировки. Растет роль процессов глобализации, увеличивается число мигрантов, повышается культурное давление стран «центра» на страны «периферии». Вместе с этим трансформируется и национализм, превращаясь, с одной стороны, в идеологию дробления политического пространства национальных государств, а с другой — в идеологию реакции на процессы глобализации.

«Классические теории» национализма, развивающиеся в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Смита, Т. Нейрна, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Э. Хобсбаума, М. Хроха, по замечанию Т.Л. Полянникова, оказываются мало пригодными для описания происходящих изменений [5]. Но теория «нового национализма» (общепринятого термина не существует до сих пор) на данный момент не имеет разработанных концептуальных схем. Можно выделить лишь некоторые работы зарубежных и российских авторов, в разное время писавших о «национализме после Холодной войны» [13], «современном национализме» [14], «Третьем цунами» этнического национализма [15], «неклассическом национализме» [5].

С нашей точки зрения, не вполне правомерно говорить о появлении «нового» вида национализма, потому что, строго говоря, никакого «старого» национализма как единой, четко определенной идеологии никогда не существовало. Следовательно, мы остановимся на рассмотрении современного этапа развития данной идеологии, первая отличительная черта которого — особый характер взаимоотношений с государственными акторами.

Исторически национализм¹ был «новым способом связать воедино пространство, время и человеческую солидарность» [1. — С. 9]. Нация имела неразрывную связь с государством; во всяком случае, именно политический суверенитет являлся целью националистических устремлений. В классическом националистическом дискурсе государство признавалось единственным актором, способным встать на защиту национальной культуры и поддерживать ее доминирование на определенной территории. Тем не менее долговечность связки нации и государства ставится под вопрос. Так, Б. Андерсон в сборнике «Mapping the nation» (1996 г.) писал об угрозе «разрушения той смысловой черточки, которой в течение двух столетий были сопряжены между собой государство и нация» [2. — С. 16]. Некогда обретение собственных государств казалось необходимым условием процветания, а государство получало безусловно преданное большинство. В современном мире положение вещей меняется.

Как отмечает политолог Б. Джессоп, национальная государственность всегда была далека от того, чтобы стать чем-то обычным [3 — С. 29]. Это доказывают факты существования наций без государств (баски, курды как наи-

¹ Национализм — это политическая идеология, в которой «нация», понимаемая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти [4. — С. 18].

более известные примеры), государств-наций (в противовес национальным государствам), заявляющих (во всяком случае, на уровне основного закона) о том, что они поддерживают принцип равенства наций, расположенных на их территории. Можно сделать следующий шаг и сказать, что само по себе государство более не столь необходимо зрелым нациям.

Так, К.О. Телин и К.Г. Филимонов выражают сомнение в способности современных государств претендовать на монополию в вопросе контроля над национальной идентичностью. «Именно по причине зрелости “нации” и ее авторитета, «государство» — в лице правительства, бюрократического аппарата и лиц, принимающих решения, — чаще всего не способно ее контролировать» [6]. Все большее значение приобретают негосударственные акторы: СМИ, бизнес, землячества, религиозные организации, творческие объединения, способные принять националистическую повестку и использовать ее против официальных властей. Государство, впрочем, может привлекать новых акторов к осуществлению национальной политики, однако для этого необходимо одно важное (и фактически невыполнимое) условие — наличие у всех вовлеченных групп общего понимания целей и задач этой политики. Следовательно, можно наблюдать такой тренд, как «ускользание» нации от государства, и вместе с тем возможная конфронтация национализма (идеологии, непрерывно поддерживающей существование нации) и этатизма. В подобных условиях заигрывание с национализмом становится еще более опасным: вырвавшись из волшебной лампы, джинн национализма способен разрушить государственное образование¹.

¹ В частности, существование плохо контролируемых националистических группировок на территории Украины является серьезным дестабилизирующим фактором для государственных институтов.

Следующий тренд современного этапа развития национализма касается масштаба его проявления. В историческом «противостоянии» этнического и гражданского национализма верх вновь одерживает первый, направленный на дробление политического пространства². «Культура постмодерна» актуализирует ценности свободы, плюрализма, многообразия. Мыслившееся единым социокультурное пространство фрагментируется, распадается; модернистским проектам объединения постмодерн «противопоставляет возврат, хотя бы и в игровой форме, к естественным, органическим формам сознания» [5]. Эти процессы неизбежно затрагивают и национальную идентичность. В таких условиях более активным становится феномен этнонационализма — националистических настроений этнических меньшинств в государствах-нациях, на протяжении предыдущих столетий постепенно поглощаемых и теряющих культурную самобытность. Наиболее яркими примерами в данном вопросе являются национальные движения баварцев, басков, корсиканцев, ломбардцев — в противовес немецкому, испанскому и итальянскому «макронационализму» предыдущей эпохи.

Этот процесс можно рассматривать и в качестве реакции на процессы глобализации. Локальные сообщества в данном случае играют компенсаторную роль для психики человека в условиях социального отчуждения. Уже в 1973 г. З. Бжезинский писал, во многом прогнозируя будущее: «...чем шире развивается транснациональная кооперация, само определение того, чем является национальная общность, может стано-

² Заметим, что деление на гражданский и этнический национализм носит весьма условный характер, поскольку, как правило, гражданская идентичность использует аспекты этнической (язык, идея общего происхождения и др.), а этническая — элементы гражданской (часто они необходимы для того, чтобы привлечь малые этносы).

виться все более и более ограниченным <...> возникают новые и более широкие рамки кооперации и в возрастающей степени становится возможной эффективная интеграция значительно меньших и внутренне теснее связанных единиц в более широкие целостности в силу развития компьютеров, кибернетики, коммуникаций и т.д.» [11. — С. 55]. Крупное национальное государство перестает быть необходимостью, появляется множество очагов этнического сепаратизма, локальные сообщества выдвигают требования развития автономии — вплоть до сецессии. Таким образом, мы можем выделить второй тренд — преимущественную роль этно-национализма малых народов, выступающих за дробление политического пространства Европы.

Важнейшим аспектом глобализации в конце XX — начале XXI в. становится растущий поток миграции в развитые страны, неизбежно размывающий национальную идентичность. На фоне растущего недовольства граждан все большую поддержку получают правопопулистские партии, активно использующие националистическую риторику, направленную против мигрантов [7]. В некоторых странах ЕС (Польша, Венгрия) правые популисты уже добились власти, в других остаются на позициях политических маргиналов. Тем не менее сам факт их существования вынуждает системные партии включать в собственную программу ряд положений популистской риторики противника — феномен «заражения популизмом».

Развивая концепцию Ф. Риггса о «Третьем цунами» этнического национализма, можно выстроить следующую модель: многочисленные этнические конфликты в странах Азии и Африки ведут к росту числа беженцев в Европу, где под влиянием миграционного потока создается благоприятная ситуация для развития националистических движений (в частности правопопулистских). Так, «Третье цунами» (этно)

национализма распространяется по всему миру. Этот процесс существует параллельно с развитием этнического национализма малых народов, борющихся за культурную и политическую автономию в национальных государствах Европы.

Итак, сегодня национальное государство сталкивается с угрозами, разрушающими его символическую гегемонию. Власть государственных институтов (в том числе и в вопросе проведения национальной политики) оспаривается со стороны институтов гражданского общества, этнических сообществ, религиозных организаций, с одной стороны, и транснациональных корпораций, влиятельных НКО, террористических и преступных организаций — с другой. В развитых регионах мира большее значение приобретают ценности свободы, плюрализма и многообразия, а крупное национальное государство перестает казаться экономически наиболее эффективной формой жизни людей. На этом фоне существенным изменениям подвергается и идеология национализма, по-прежнему играющая значимую роль в жизни людей.

В рамках данной статьи были выделены следующие тренды развития идеологии национализма на современном этапе:

- потеря государством монополии на проведение национальной политики и контроля над националистической повесткой, появление новых акторов, оспаривающих ведущую роль правительственных структур;
- актуализация этнического национализма малых народов, выступающих за дробление политического пространства. С развитием сетевых и наднациональных структур и информационным развитием общества добиться экономического процветания они могут и без центрального правительства;
- актуализация национализма доминирующих этносов (наций), но

в качестве реакции на процессы глобализации и растущий поток мигрантов, о чем свидетельствуют успехи правопопулистских партий на парламентских выборах в Европе.

Выделенные тренды нуждаются в дальнейшей проработке, однако уже сейчас можно констатировать, что,

несмотря на процессы культурной и экономической интеграции развитых стран, идеология национализма не теряет своих позиций. Более того, чем активнее будут протекать данные процессы, тем сильнее национализм будет заявлять о себе, и спрогнозировать результат данного противостояния невозможно.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. *Андерсон Б.* Введение // *Нации и национализм.* — М., 2002. — 418 с.
3. *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее. — М.: Издательский дом «ДЕЛО», 2019. — 504 с.
4. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. — М.: КДУ, 2005.
5. *Поляничков Т.М.* Национализм в (пост)современном мире // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз».* — М., 2006. — № 3. — С. 67–95.
6. *Телин К.О.* Проблемы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства / *К.О. Телин, К.Г. Филимонов* // *Социологическое обозрение.* — М., 2019. — Т. 19. — № 1. — С. 35–73.
7. *Узнародов И.М.* Новый национализм // *Современная Европа.* — М., 2015. — № 5. — С. 79–90.
8. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 635 с.
9. *Харкевич М.В.* Архаика и современный правый популизм в Европе / М.В. Харкевич, В.А. Музалевский, П.В. Осколков // *Современная Европа.* — М., 2018. — № 1. — С. 59–68.
10. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998. — 308 с.
11. *Brzezinski Z.* Between two ages: America's role in the technetronic era. — New York: Viking press, 1970. — XVII, 334 p.
12. *Gellner E.* Nations and Nationalism. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983. — 150 p.
13. *Knaut K.* Nationalism in the Post Cold-War World. — Honors College Capstone Experience / Thesis Projects. — 1996. — P. 87.
14. *Perry M.* The evolution of modern European nationalism // *Journal of East and West Studies.* — 2007. — Vol. XIII. — No. 2 (Fall-Winter, 1984). — P. 23–41.
15. *Riggs F.W.* Ethnonationalism, Industrialism, and the Modern State. — *Third World Quarterly.* — 1994. — Vol. 15. — P. 597–601.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ: «ЧЕРНЫЙ БЛОК» В ДВИЖЕНИИ «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ»

Аннотация

Среди трактовок анархизма до сегодняшнего дня дожило и его повстанческое проявление, которое не несет в себе положительных эффектов как для идеологии в целом, так и для политической обстановки конкретных стран. В статье предпринята попытка изучить современный повстанческий анархизм и его влияние на общество на примере «Черного блока», деятельность которого наиболее ярко проявилась в движении «Желтых жилетов». В ходе исследования выяснилось, что, несмотря на отсутствие открытого сотрудничества между «Черным блоком» и «Желтыми жилетами», анархисты успешно интегрировались в протестную волну и нанесли своими действиями серьезный ущерб Франции — за годы протестов страна потеряла несколько миллиардов евро. Несмотря на то что действия активистов «Черного блока» испортили репутацию анархистов во всем мире, их активность напомнила общественности о существовании анархизма и его способности влиять на общественно-политическую ситуацию.

Ключевые слова: анархизм, повстанческий анархизм, «Черный блок», «Желтые жилеты», протест.

Автор

Глеб Сергеевич Брехов

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Течение повстанческого анархизма, как составляющая общей идеологии, достаточно подробно изучено в научной практике. Так, исследованием проблемы повстанческого мятежа и насилия в рамках анархизма занимался Майкл Лоаденталь [16]; разработкой развития течения на примере конкретных стран — Давиде Туркато [23. — Р. 407–444], Франческо Мароне [17. — Р. 194–214] и Саку Пинта [19. — Р. 421–450]; а изучением движения в целом — Джо Блэк [4. — Р. 19] и Хуан Авилес Фарре [7. — Р. 143]. Научных работ, посвященных движению «Желтых жилетов», также довольно много: протесты «жилетов» изучали Патрик Чаморель [6. — С. 48–62], Эмилиано Гроссман [13. — С. 30–34] и многие

другие авторы. И хотя исследований, связывающих воедино анархистов, «Желтые жилеты» и «Черный блок», не так много, последний феномен подробно описан в статьях Александра Галлоуэйя [9. — С. 238–249], Джеффри Юриса [14. — С. 413–432] и А.К. Томпсона [22].

Повстанческий анархизм — это революционная теория внутри анархического движения, которая выделяет мятежи и восстания как основу революционной практики. Согласно архиву данных и статей об анархизме The Anarchist Library, для повстанческого анархизма (который является постоянной практикой, направленной на уничтожение господства государства) также характерно критическое отношение к формальным организациям, та-

ким как профсоюзы или федерации — вместо этого активисты предпочитают неформальную организацию, основанную на небольших группах по интересам. Анархисты-мятежники придерживаются тактики «прямого действия», обостряют классовые противоречия, привлекая к ним внимание общественности, и принципиально не вступают в переговоры с властями [22]. При этом на сегодняшний день сосуществуют два крыла повстанческого анархизма: с одной стороны, полностью военизированные группировки, ведущие фактически войну против определенных врагов (например, Anarchist Struggle в Сирии, Antagonic Nuclei of the New Urban Guerrilla в Чили, Conspiracy of Fire Nuclei в Греции и многие другие), и анархические объединения активистов-вандалов, ведущие борьбу против несправедливости в правительстве своих стран (как, например, «Черный блок») — с другой.

Как следует из определения, представленного ранее, повстанческий анархизм не формирует отдельной организации или полноценного течения, что характерно для многих других форм анархизма. В то же время большинство теоретиков повстанческого анархизма из-за деятельной специфики течения выступают одновременно и практиками, то есть действующими анархо-активистами. В связи с этим наблюдаются и некоторые сложности в изучении повстанческого анархизма как явления. С одной стороны, идеи, характерные для этой теории, встречаются как в работах, так и в деятельности многих классиков анархизма, которые представляли другие течения: например, сюда можно отнести Эмму Гольдман [11], анархо-феминистку, пропагандирующую «прямое действие»; Макса Штирнера с его «анархо-эгоизмом» и «правом сильного» получать желаемое любыми способами [25]; Альфредо Мария Бонанно, который считается главным современным те-

оретиком повстанческого анархизма (его книги «From Riot to Insurrection: Analysis for an anarchist perspective against post-industrial capitalism» и «For An Anti-authoritarian Insurrectionalist International»), а также некоторые другие. Кроме того, существуют и исследования самой теории, представленные, например, работами Давиде Туркато, Франческо Мароне, Саку Пинта и других авторов, но только в контексте событий прошлого или в военный период. Поэтому представляется интересным кейс современного протестного движения «Желтые жилеты», которое возникло в 2018 году во Франции (и проявляет активность по сей день) — сами «жилеты» никогда не были анархистами, но в ходе протестных выступлений к ним присоединился «Черный блок», известная сеть анархистов-мятежников, что дает шанс рассмотреть деятельность последователей теории революционного анархизма в рамках достаточно институционализированного протеста в мирное время.

Сам по себе «Черный блок» — это не движение и не организация. Это тактика протестных выступлений, появившаяся еще в прошлом веке. Ее суть заключается в полной защите тела протестующего от полицейских средств подавления митингов: дубинок, слезоточивого газа и резиновых пуль [5]. Активисты одеваются в черную прочную одежду, носят черные маски и защитные шлемы (делая процесс распознавания лица невозможным), откуда и берет свои истоки название «Черный блок». Подобные опознавательные знаки и общий формат репрезентации позволяют протестующим предстать как одна сплоченная масса, при этом таковой не являясь [6].

Первым примером использования «черной» тактики протестов (хотя тогда она еще не получила своего современного названия) можно считать выступление анархической группы Up Against the Wall Motherfucker про-

тив военной политики США — тогда активисты вышли на улицы в черной одежде и балаклавах, но использовали их не для маскировки или защиты, а для демонстрации идентичности — разношерстная толпа объединилась под знаменами общей идеи. Это событие, по мнению исследователей, могло предвосхитить появление нынешнего «Черного блока» и повлиять на него [12. — С. 194].

Сама же описываемая тактика протестов возникла в 80-х годах XX века. Ее появление связывают с началом митингов автономистского движения в Европе. Автономами (или автономистами) сегодня принято считать участников различных леворадикально-либертарных или анархистских движений, придерживающихся идей самоорганизации и выступающих против любого вида дискриминации. В конце XX века автономисты выступали против ядерной энергии, ограничений на аборт и выселения сквоттеров (людей, которые самовольно занимают чужие пустующие здания и помещения). Позднее, в 1987–1988 годах, тактику «Черного блока» переняли протестующие в Германии — тогда в стране прошли крупные демонстрации на первое мая, которые закончились серьезными столкновениями с полицией, разгромом магазинов и возведением баррикад [2]. Широкий резонанс на международном уровне «Черный блок» привлек во время протестов 1999 года в Сиэтле. Поводом для протестов стал проходящий в том году съезд представителей Всемирной торговой организации — на его фоне анархисты разгромили множество торговых точек международных компаний, таких как Gap, Starbucks и Old Navy [15]. Впоследствии активисты «Черного блока» были замечены среди участников протеста против саммита G20 в Торонто в 2010 году, среди противников инаугурации Дональда Трампа в качестве президента США в 2017 году, а также в рамках некоторых протестов в Египте

и Бразилии в 10–20-х годах XXI века. Исходя из представленной истории «Черного блока», можно вывести периодизацию развития этого явления и изменение социальной структуры его участников:

1. 1980-е годы — «Черный блок» представлен автономистами;
2. 1990–2000-е годы — «Черный блок» представлен антиглобалистами;
3. 2010-е — 2020 год — «Черный блок» представлен популистами различного толка;
4. Начиная с 2020 года «Черный блок» представлен ковид-диссидентами и прочими выступающими против ограничений во время пандемии.

Примечателен и тот факт, что если в начале своего становления к тактике «Черного блока» прибегали только левые движения и активисты, то начиная с 2010 года (а особенно — на современном этапе) ей пользуются представители различных полюсов политического спектра.

Но наибольшую известность для широкой публики «Черный блок» в целом и воинственные активисты в черных одеждах в частности получили в ходе освещения СМИ протестов «Желтых жилетов» во Франции, которые начались в ноябре 2018 года. Именно в рамках этого движения «Черный блок» максимально раскрылся, нанес стране наибольший материальный ущерб, а также в символическом плане навредил и всему анархическому движению.

«Черный блок» принято ассоциировать с анархо-коммунизмом, идеи которого не пропагандировали вандализм или террористические действия. На основе того анархического течения возникло такое воинственное движение, как Революционная повстанческая армия Украины под руководством Нестора Махно. Отсюда следует интересный вывод — в движении наблюдается очевидное противоречие между идейными истоками и современными политическими практиками.

Активисты, которые придерживаются тактики «Черного блока», следуют принципам «прямого действия» повстанческих анархических организаций, что приводит к серьезным погромам и стычкам с полицией. Примечателен и тот факт, что активисты «Черного блока» часто выступают против полицейского произвола и насилия.

Обычно представители «Черного блока» (или поддерживающие их протестующие) организуются в группы по 400–500 человек, после чего, маскируясь под основную массу протестующих, устраивают погромы и стычки с полицией. Для «Черного блока» характерны вандализм против частной собственности, строительство баррикад и несогласованные демонстрации. Несмотря на то что за последние два десятилетия несколько раз предпринимались попытки координировать (например, полицейские в Квебеке маскировались под протестующих, а во время протестов против G8 в Генуе были свидетелями того, что некоторых демонстрантов высаживали из полицейских фургонов) и организовать деятельность протестующих из «Черного блока», успехом подобные инициативы не увенчались — даже в рамках одной протестной акции может существовать пара блоков, состоящих из активистов с противоположными политическими взглядами. При этом примечательно, что у «Черного блока» есть общий свод правил (ссылки на выдержки из него приводятся в работе Джеффри Пэриса «The black bloc's ungovernable protest» [18. — С. 317–322]) поведения на митингах, опубликованный в сети Интернет, где рассказывается, как оставаться безнаказанным и не быть арестованным после акций протеста.

За последние несколько десятилетий на территории Европы прошло (и проходит) множество различных протестных акций. Митингующие выдвигали довольно большой спектр различных требований: от улучшения экономической ситуации в странах

до решения вопросов с мигрантами и пандемией. Одним из самых разрушительных и запоминающихся широкой публике стало движение «Желтых жилетов».

Движение зародилось спонтанно 17 ноября 2018 года во Франции. У «жилетов» не было лидера, поэтому оно считается одним из самых крупных низовых движений в истории Европы. Изначально протесты начались из-за намерения президента Франции Эмманюэля Макрона повысить налог на углеродное топливо — протестующие добивались экономической справедливости для обычных граждан, выступали за снижение стоимости жизни и против классового неравенства. В дальнейшем же движение перешло и в политическую сферу, а участники манифестаций представили список из 25 требований, в том числе: повышение заработной платы, реформа налогообложения, переработка конституции, отмена приватизации национальной собственности и гарантия гражданских свобод.

Стоит отметить, что «Желтые жилеты» включили в себя идеи с разных сторон политического спектра. Такая неоднородность подтверждалась опросами протестующих: например, среди них были как те, кто голосовал за Макрона ранее, так и поддерживающие на прошедших президентских выборах ультраправых или ультралевых кандидатов [20]. Государственная политика не оставила равнодушными и граждан, которые в прошлом не проявляли интереса к политической жизни своей страны и не голосовали на выборах. Учитывая этот факт и такой огромный список, который включал в себя пункты из всех сфер общественно-политической и экономической жизни и сам по себе выглядел популистским, некоторые исследователи сравнивают «Желтые жилеты» с «Захвати Уолл-стрит» — американским движением, после изучения которого впоследствии была выведена теория анархо-популизма.

Факт сходства с «Захвати» и широкий политический охват привели к тому, что в движение «Желтых жилетов» со временем влились и анархисты — только не мирные анархо-популисты, которые, по сути, представлены обычными гражданами, а радикальные сторонники «Черного блока». И хотя активисты «Черного блока» выбрали митинги «Желтых жилетов» как площадку для привлечения внимания к своему движению, это не единственная причина, почему их часто отождествляют. Изначальные требования «Желтых» были далеки от анархической идеологии, но потом борьба сосредоточилась на социальном неравенстве и осуждении насилия со стороны полиции. Именно второй пункт, вместе с критикой глобализации, выступает в роли основного мотива действий современных представителей «Черного блока», поэтому анархисты и влились в протесты и радикализировали их.

Остановимся подробнее на тактике прямого действия «Черного блока» и действиях его представителей во Франции в описываемый период. Несмотря на то что большинство «Желтых жилетов» выступают за мирные демонстрации, со временем многие начали поддерживать антикапиталистические взгляды анархистов, в том числе вандализм с грабежами — такой путь был выбран специально, чтобы усилить конфронтацию с властями. И это сработало — в одном из своих заявлений Макрон хотя и осудил насилие со стороны протестующих, но признал гнев протестующих «глубоким и во многих отношениях законным» [10], что наглядно иллюстрирует проявление политики ресентимента с ее влиянием на общественно-политическую активность масс [25].

Во французских протестах, по усредненным подсчетам, приняло участие около 1200 активистов «Черного блока», а их основные действия пришлось на Париж, Тулузу и Бордо. Именно

анархистам приписывают грабежи и разгромы во время демонстраций на Елисейских полях или разграбление Триумфальной арки, за что во Франции их часто называют «кассёрами» (что в переводе означает «вандалы»). Не все представители «Черного блока» — кассёры, но большая часть — да. За анархистами также числятся попытка взять штурмом Северный вокзал во Франции и множество поджогов (помимо прочих, более локальных актов вандализма) — в целом практика захвата транспортных узлов прослеживается на многих подобных современных демонстрациях, как отражение идей В.И. Ленина о необходимости в первую очередь атаковать связь и транспорт для свершения революции.

За два года протестов во Франции за «Желтыми жилетами» и «Черным блоком» числится немало противоправных и вандальных акций.

Ситуация с насилием и беспорядками достигла такой точки, что правительству страны пришлось вводить войска в некоторые регионы страны. В течение следующего года ситуация не улучшилась: протестующие взломали дверь в здание правительства Франции, устроили несколько перестрелок с полицией, уничтожили более 80 элитных магазинов. И такие вандалистские, а иногда и террористические действия принесли стране значительные убытки: как экономические, так и репутационные.

Если говорить о пострадавших во время протестов, то за несколько лет различные травмы получили тысячи человек: жертвами стали как активисты, так и полицейские. По данным французского правительства, в период с ноября 2018 года по февраль 2019 года в ходе акций протеста было ранено около 2000 мирных жителей. Государственное агентство, занимающееся расследованиями превышений полномочий со стороны полиции, начало 116 расследований в отношении полицейских, подавляющих протесты.

В первые дни протестов в автомобильных авариях, вызванных блокадой дорог, погибло несколько протестующих, а один мирный житель скончался из-за ранения после взрыва снаряда со слезоточивым газом. На фоне описываемых событий группа из 59 юристов опубликовала открытое письмо, в котором осудила обращение с протестующими в судах, в том числе — вынесение спешных приговоров и ошибки в расследованиях.

Материальные убытки также колоссальны. Только за первые два дня протестов Франции был нанесен ущерб в 1,5 миллиона евро, а к декабрю эта цифра выросла более чем в два раза. Всего за месяцы протестных акций были сожжены или повреждены сотни автомобилей, чуть более 100 единиц только за декабрь, и, как заявлял министр внутренних дел Франции, вандализму подверглись около 60% всех дорожных камер страны. Из-за протестов только за ноябрь и декабрь 2018 года частный торговый сектор потерял в общем более двух миллиардов евро оборота — из-за блокирования городской инфраструктуры (как протестующими, так и властями) и повального вандализма. Представители крупных сетевых супермаркетов оценили предновогодний ущерб в 600 миллионов евро, а по данным Vinci SA, одной из крупнейших строительных компаний в стране, которая обладает примерно половиной концессий на шоссейные дороги во Франции, дорожный трафик по всей стране упал на 9% всего за три месяца, что ведет к значительным убыткам для всех структур, использующих дорожные перевозки. Пострадал и туризм — количество желающих посетить Францию перед летним сезоном 2019 года упало из-за протестов «Желтых жилетов». Увеличилось и количество отмен забронированных отелей — Франция испытала наибольшее сокращение туристического потока по сравнению со всеми другими европей-

скими странами. В итоге протесты достигли такого огромного масштаба, что правительству Франции пришлось принимать специальные законы, увеличивающие штрафы за участие в митингах, расширяющие полномочия полиции и даже запрещающие ношение черных масок по время демонстраций.

Но несмотря на огромный ущерб как частной собственности, так и стране в целом, интересны цифры поддержки движения по Франции. В 2018 году от 70 до 85% французов поддерживали движение «Желтых жилетов», в котором приняло участие более 300 тысяч человек. Впоследствии, за год, цифра поддержки уменьшилась до ~45% опрошенных респондентов, но такое количество все равно очень велико, особенно на фоне того факта, что 85% опрошенных выступали против какого-либо насилия или вандализма во время протестов. В связи с этим образуется интересный парадокс — воинственное меньшинство анархистов, влившихся в «Желтые жилеты», учинило огромное количество беспорядков во время протестов, но даже их вандалистские действия не смогли серьезно повлиять на уровень поддержки движения.

Также стоит отметить, что, хотя на репутации государственной власти (рейтинг Макрона в 2018 году составил всего 23%, что сравняло его с антирекордом Франсуа Олланда как самого наименее поддерживаемого президента Франции) события, в рамках которых полиция не смогла эффективно защитить имущество ни в чем неповинных граждан от разграбления, оставили негативный отпечаток (после окончания протестов рейтинг президента страны вырос практически в два раза, до 47%), для анархистов по всему миру такие действия обернулись чуть ли не худшими последствиями. В XXI веке небольшие группы анархистов часто принимали участие практически во всех протестах по всей Европе: сюда можно отнести и ежегодные первомайские демонстрации в Германии, и «Марш за

альтернативу» в Лондоне в 2011 году, и протесты против ограничений на фоне коронавируса в Испании — таких примеров десятки. Анархисты (а часто — и активисты «Черного блока») часто занимают воинственную позицию в протестных движениях, громя магазины и устраивая стычки с полицией (или другими протестующими), что само по себе способствует формированию негативного отношения к идеологии в сознании масс (особенно на фоне все еще действующих повстанческих организаций на Ближнем Востоке).

Теперь же, после того как СМИ сообщили о вандализме анархистов на весь мир, последних стали еще меньше воспринимать всерьез. Активисты «Черного блока», вероятно, не задумываются о том, какие последствия будут у их действий, — и это неудивительно, ведь идеология анархизма всю историю своего существования была удобным прикрытием для агрессивного настроенных радикалов. Подобное поведение также исследовалось различными западными учеными — например, представители университета Темпл из США выяснили, что примерно 20% протестующих (в общем) видят выгоду не в том, чтобы добиться от государства внимания к своим требованиям, а в том, чтобы потворствовать «вредному» политическому поведению, разрушающему государство, самому по себе, что гораздо проще делать, если ты прикрываешься «антигосударственными» идеями анархии и хаоса.

Повстанческий анархизм — явление далеко не новое. Течение появилось еще в XIX веке на основе идей Макса Штирнера и Михаила Бакунина. Пройдя историческое развитие, это анархическое течение приняло несколько трактовок и проявлений: военизированные организации с одной стороны и локальные вандалы — с другой. Но несмотря на объективно различные цели и способы достижения желаемого, все современные (как, правда, и прошлые) примеры организаций и движений, ко-

торые можно отнести к повстанческому или воинственному анархизму, строятся на насилии, страхе и причинении вреда имуществу, чем в некоторых случаях, под влиянием информационного общества, отождествляются с анархотерроризмом.

При очевидной опасности даже локальных проявлений отдельных движений «Черный блок» — это международное явление. С некоторыми допущениями его можно даже назвать проявлением политической франшизы. Хотя выделить «положительные» стороны в репутации «Черного блока» довольно сложно (а это является одним из элементов франшизы в политике), основные опознавательные знаки и тактики протестов применяются одинаково в разных странах.

Очень интересным представляется тот факт, что, когда проходили задержания наиболее опасных митингующих (коих было более двух сотен), полиция Франции выяснила, что это были те же люди, которые принимали участие в митингах против саммита G8 в Италии. Исследователи движения отмечают, что раньше они фокусировались на крупных международных саммитах, но теперь нацелены и на обычные демонстрации, которые вместе с Францией прошли в Бельгии, Болгарии, Финляндии, Германии, Нидерландах и других странах Европы — подобный феномен уже был назван «Европейским туром насилия». Факт того, что на протестах в разных странах представлены одни и те же люди, также развеивает отчасти искусственно созданный миф о безакторности «Черного блока» и отсутствии у движения формальных лидеров.

Хотя активисты «Черного блока» и влились в протесты как часть «Желтых жилетов», эти два движения никогда официально не сотрудничали. Однако из-за образовавшегося симбиоза, когда «Желтых» стали часто ассоциировать с анархистами, удалось лучше исследовать сам «Черный блок», что, несо-

мненно, является плюсом для научного сообщества.

Минусов же у последней активности «Черного блока» куда больше. Своими действиями анархо-активисты не только серьезно пошатнули внутреннюю безопасность некоторых европейских стран (в основном — Франции), но и на-

несли непоправимый удар имиджу всего анархического движения, которое на Западе показало себя очень полезным во время пандемии коронавируса. «Черный блок» — это глобальная проблема, которую необходимо решать сообща как всем разведслужбам Евросоюза, так и другим, мирным анархистам.

Литература

1. *Amiel S.* Yellow vests, Black Blocs, casseurs: what's the difference? Euronews explains // Euronews. — 2019. — URL: <https://www.euronews.com/2019/05/02/yellow-vests-black-blocs-casseurs-what-s-the-difference-euronews-explains> (дата обращения: 14.12.2021).
2. *Anker J.* Die Nacht, als Bolle in Kreuzberg abbrannte // Berliner Morgenpost. — 2007. — URL: <https://www.morgenpost.de/printarchiv/berlin/article103188476/Die-Nacht-als-Bolle-in-Kreuzberg-abbrannte.html> (дата обращения: 14.12.2021).
3. 'Black blocs' et 'gilets jaunes': Convergence radicale en jaune et noir // Capital. — 2019. — URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/black-blocs-et-gilets-jaunes-convergence-radical-en-jaune-et-noir-1332624> (дата обращения: 14.12.2021).
4. *Black J.* Anarchism, insurrections and Insurrectionalism // Red & Black Revolution. — 2006. — Vol. 11. — P. 19.
5. *Carlson K.* The Black Bloc: A look at the anarchists who could be the biggest G20 security threat // National Post. — 2010. — URL: <https://nationalpost.com/posted-toronto/the-black-bloc-a-look-at-the-anarchists-who-post-the-biggest-g20-security-threat> (дата обращения: 14.12.2021).
6. *Chamorel P.* Macron versus the yellow vests // Journal of Democracy. — 2019. — Vol. 30. — № 4. — P. 48–62.
7. *Farré J.A.* Is Mateo Morral back. 21st Century Insurrectionary Anarchism and its Historical Background / J.A. Farré, M. Pallarés // Cuadernos de Historia Contemporánea. — 2016. — Vol. 38. — P. 143.
8. Fashion Tips for the Brave // CrimethInc. — 2008. — URL: <https://ru.crimethinc.com/2008/10/11/fashion-tips-for-the-brave> (дата обращения: 14.12.2021).
9. *Galloway A.* Black box, black bloc // Communization and its discontents: Contestation, critique, and contemporary struggles. — 2011. — P. 238–249.
10. Gilets jaunes: «J'entends la colère», dit Emmanuel Macron // Le Parisien. — 2018. — URL: <https://www.leparisien.fr/politique/emmanuel-macron-sur-tf1-suivez-l-interview-en-direct-14-11-2018-7943142.php> (дата обращения: 14.12.2021).
11. *Goldman E.* Anarchism and Other Essays. — New York: Mother Earth Publishing Association, 1910. — P. 277.
12. *Grindon G.* Poetry Written in Gasoline: Black Mask and Up Against the Wall Motherfucker // Art History. — 2015. — Vol. 38. — P. 194. — DOI: 10.1111/1467-8365.12129.
13. *Grossman E.* France's Yellow Vests — Symptom of a Chronic Disease // Political Insight. — 2019. — Vol. 10. — № 1. — P. 30–34.
14. *Juris J.S.* Violence performed and imagined: Militant action, the Black Bloc and the mass media in Genoa // Critique of anthropology. — 2005. — Vol. 25. — № 4. — P. 413–432.
15. *Lennard N.* Neo-Nazi Richard Spencer Punched — You Can Thank the Black Bloc // National Post. — 2017. — URL: <https://www.thenation.com/article/archive/if-you-appreciated-seeing-neo-nazi-richard-spencer-get-punched-thank-the-black-bloc/> (дата обращения: 14.12.2021).
16. *Loadenthal M.* The politics of the attack: communiqués and insurrectionary violence. — Manchester: Manchester University Press, 2017.
17. *Marone F.* The rise of insurrectionary anarchist terrorism in Italy // Dynamics of Asymmetric Conflict. — 2015. — Vol. 8. — № 3. — P. 194–214.
18. *Paris J.* The black bloc's ungovernable protest // Peace Review. — 2003. — Vol. 15:3. — P. 317–322. — DOI: 10.1080/1040265032000130913.

19. *Pinta S.* Anarchism, Marxism, and the ideological composition of the Chicago Idea // Working USA. — 2009. — Vol. 12. — № 3. — P. 421–450.
20. *Rose M.* No leader, lots of anger: can France's 'yellow vests' become a political force? / M. Rose, L. Baker // Reuters. — 2018. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-protests-future-idUSKBN1O51ON> (дата обращения: 14.12.2021).
21. *Sasha K.* Some notes on Insurrectionary Anarchism // The Anarchist library. — 2009. — URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/sasha-k-some-notes-on-insurrectionary-anarchism> (дата обращения: 14.12.2021).
22. *Thompson A.K.* Black bloc, white riot: Anti-globalization and the genealogy of dissent. — London: AK Press, 2010.
23. *Turcato D.* Italian anarchism as a transnational movement, 1885–1915 // International Review of Social History. — 2007. — Vol. 52. — № 3. — P. 407–444.
24. *Казаринова Д.Б.* Политическая наука в эпоху ресентимента // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 13 (1). — С. 169–183. — URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-169-183>.
25. *Штирнер М.* Единственный и его достояние. — Лейпциг: Otto Wigand, 1844.

ИДЕЯ МЕССИАНИЗМА РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Ф. ОДОЕВСКОГО И А.И. ГЕРЦЕНА

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка проследить истоки формирования идеи мессианизма России. Показывается, как в первой половине XIX столетия проблема поиска места и значения России стала одной из магистральных. Показательно, что самоидентификация русского народа осуществлялась через противопоставление России Западу. Запад исполнил свое великое дело и теперь должен сойти со сцены, как полагали отечественные мыслители, для того чтобы уступить место «юной» и «свежей» России. Примечательно, что эта идея мессианизма в дальнейшем получила развитие и в русском хранительстве, и в русском освободительном движении, что наталкивает на мысль о необходимости пересмотра традиционных воззрений на оба течения общественной мысли.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, А.И. Герцен, Россия, гибель Запада, стихия всеобщности, русский социализм

Автор

Евгений Александрович Солодов

Студент кафедры истории
социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Промышленный, положительный, это ясно, как дважды два — четыре» [11. — С. 171], — именно так рассуждает один из героев «Русских ночей» В.Ф. Одоевского о характере XIX столетия. Сегодня не вызывает сомнений мысль о том, что основные события XIX века разворачивались на фоне промышленного переворота, который радикальным образом изменил жизни людей. Быстрый рост производства, содействуя развитию внутренней торговли, породил необходимость роста городского населения, преобразования транспортных средств, расширения сети каналов и дорог, распространения научных открытий и технических изобретений. Сети железных дорог стали покрывать западные страны, железные корабли на паровой тяге — пароходы — стали бороздить моря, телеграфные столбы протяну-

лись между континентами и связали крупные города друг с другом¹. «Весь мир преклоняется перед Западом» [11. — С. 150], — продолжая мысль героя Одоевского, — в этот «железный» век. Но как же русские интеллектуалы обнаружили признаки гибели там, где «железные дороги пересекают из края в край; промышленность дошла до чудесного; война сделалась невозможностью; науки идут исполинскими шагами» [11. — С. 150]?

¹ Первенство в изобретении многих технических новинок, быстро приобретших популярность в европейских странах, в действительности принадлежало русским ученым. Например, первый телеграф был создан членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук Павлом Львовичем Шиллингом. Под его руководством в 1832 году была проведена телеграфная линия между Зимним дворцом и зданием Министерства путей сообщения. Однако эффективность внедрения изобретений в Европе была все же на порядок выше.

Одним из первых отечественных мыслителей, который за «позитивными» преобразованиями в западном мире увидел симптомы болезни, был князь Владимир Федорович Одоевский (1804–1869)¹. Он родился в Москве в семье аристократа из рода Рюриковичей и получил подобающее его происхождению образование. В 1823 году он, подобно другим «архивным юношам», поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. В те годы русское общество внимательно следило за творческими изысканиями немецких идеалистов (Гегель, Фихте, Шеллинг), оказавших в высшей степени плодотворное влияние на пробуждение отечественного философствования [1. — С. 61]. Интересно, что последний (Шеллинг) и сам был не далек от рефлексии относительно будущего Европы и России. Одоевский вспоминает, как во время одной из бесед с немецким философом тот сказал ему: «Чудное дело ваша Россия. Нельзя определить, на что она назначена и куда идет, но к чему-то важному назначена» [10. — С. 142].

Будучи выходцем из шеллингианского кружка, получившего название «общество любомудрия»², Одоевский выработал собственную романтическую концепцию движения истории, законченное выражение которой изложил на страницах философского романа «Русские ночи»³. В эпилоге романа автор устами Фауста громко заявил:

¹ Одоевский представлял собой редкий тип универсального ученого-энциклопедиста. Он не только писал художественные и публицистические произведения, но и хорошо разбирался в правоведении, архивном деле, увлекался гуманитарными и естественными науками, был музыкантом и музыковедом.

² Из любомудров вышли славянофилы И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков, поборники «официальной народности» М.П. Погодин, С.П. Шевырев и «русский европеец» Ф.И. Тютчев.

³ Отдельные фрагменты романа печатались с 1831 по 1839 г. в альманахах «Московский наблюдатель», «Северные цветы», «Новоселье», «Деница», «Альциона», а также в журнале «Современник». Впервые полностью роман был

«Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени — слишком простым: *Запад гибнет!*» [11. — С. 147]. Идеалиста Одоевского особенно пугало нравственное падение западной культуры, сокрытое за ее научными и промышленными достижениями. Всякий социальный организм, по его мысли, «страждет полноты жизни», стремится к поддержанию целостности, сохранению гармонии⁴, чего невозможно достичь в условиях атомизации общества. «Гибельная специальность» ограничивает широту мысли и полет фантазии человека, понуждает его сосредотачиваться на том, чтобы целые годы делать одну и ту же незатейливую операцию. «Чудеса английской промышленности происходят оттого, что там если человек делает винт, то делает его целую жизнь и ничего, кроме этого винта, в мире не знает» [11. — С. 164]. Таким образом, опредмечивание личности, вращение человека в промышленный механизм приводят к распаду общественных отношений — люди превращаются в придатки «индустриальных игрушек»⁵. Промышленная революция в западном мире привела к казенной иерархии ценностей, разрушению целостного отношения к миру и в конце концов

опубликован в собрании сочинений писателя в 1844 году.

⁴ Этому понятию Одоевский уделял особое внимание, подчеркивая необходимость достижения такой гармонии, что из отдельных звуков складывается лирическая мелодия. Музыкальные образы в романе «Русские ночи», вероятно, неслучайны. Дело в том, что В.Ф. Одоевский был одним из основоположников музыковедения в России, и его любовь к этому искусству, видимо, не могла не выходить за рамки исключительно музыкально-критических статей.

⁵ Мысли Одоевского о последствиях промышленной революции в сфере человеческих отношений на удивление созвучны марксистской концепции отчуждения. «Предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя», — писал по этому поводу К. Маркс [9].

торжеству «*вульгарного материализма*». Одоевский тонко почувствовал характер новой исторической эпохи и запущенных ею изменений в политике, науке, искусстве, человеческих отношениях.

Обнаружив симптомы «гибели Запада», Одоевский изобразил эсхатологическую картину крушения европейского мира. «Горькое и странное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора — убийственное, насмешливое равнодушие!» [11. — С. 146]. Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца. В момент его предсмертной агонии на историческую сцену должен выступить новый народ — юный, свежий, полный духовных сил, — русский народ. Западный мир в своей беспокойной, кипучей деятельности потерял равновесие, — «дал развитие одной [стихии] и задушил другие» [11. — С. 181] и теперь, чтобы завершить целостное развитие основных общечеловеческих стихий, нуждается в России, в присущей ей «*стихии всеобщности*», стремлении к всесторонности и полноте.

Множество созвучных мыслей встречается в работах младшего современника Одоевского — Александра Ивановича Герцена (1812–1870). Несмотря на большое различие между ними, много идей и жанрово-стилистических черт роднят творческое наследие этих писателей. Особенно много общего прослеживается у Одоевского с Герценом 1830–1840-х гг.: «платоновская» диалогичность, универсальный энциклопедизм, решительная борьба за целостность.

Принципиально иной является судьба Герцена, которая развивалась совсем по другой траектории. В отличие от Одоевского, он сначала обнаружил симптомы нравственного разложения в России: «Все у этих господ исправно, чинно, на месте, — писал он, — они правильно любят добродетель и бегут

порока; все у них не лишено известной прелести серенького летнего дня, без дождя и солнца, а чего-то нет... а без того и все остальное не в честь» [3. — С. 187]. Герцен родился в Москве в семье богатого помещика И.А. Яковлева и дочери мелкого немецкого чиновника¹, получил традиционное дворянское домашнее образование. В 1829 году, вероятно, под влиянием «дяди-химика», поступил на физико-математический факультет Московского университета, где заинтересовался утопическим социализмом и немецкой философией. Через два года вместе с ближайшим другом детства, Н.П. Огаревым, он создал революционный кружок², за участие в котором в 1834 году был отправлен в ссылку.

После смерти отца в 1847 году Герцен навсегда покинул Россию и «захлебнулся, — по замечанию Р.В. Иванова-Разумника, — в мещанстве европейской буржуазии» [8. — С. 15]. Его широкой душе, по всей видимости, ни в чиновничьем Петербурге, ни в купеческой Москве не хватало простора, который он ожидал обнаружить в Париже. Но и там, как оказалось, все благородные рыцари давно уже перевелись, и остались одни лишь крикливые торгаши и лавочники. Впоследствии он вспоминал первые дни жизни в эмиграции как дни крушения его надежд и мечтаний: пока последний рабочий стремится выбиться в лавочники и зажечь буржуазной жизнью, мещанство, «как тина, покрывает зеленью своей всю Францию» [2. — С. 50]. Оказавшись за границей, Герцен на себе ощутил то, что немногим ранее описал Одоевский на страницах романа «Русские ночи», и назвал этот недуг «*мещанством*»,

¹ Поскольку брак родителей не был оформлен, он получил фамилию, придуманную отцом: «Герцен» — «сын сердца» (от немецкого слова Herz — сердце).

² В демократический кружок Герцена–Огарева входили студенты Московского университета, среди которых Н.И. Сазонов, Н.М. Сатин, Н.Х. Кетчер, В.В. Пассек.

под которым он понимал окончательное успокоение нравственных сил общества, начало его бесшумной агонии. «Под влиянием мещанства все переменилось в Европе. Рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вежливость — чопорностью, гордость — обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостиницами, открытыми для всех, т.е. для всех имеющих деньги» [5. — С. 127]. Торжество среднего человека превратило индивидуальность, которую так стремился обнаружить Герцен, в товар, продаваемый на рынке. Именно против этого унижения и ограничения личности он поднял бунт, который стал побудительным мотивом к складыванию *теории «русского социализма»* [8. — С. 19].

Столкнувшись лично с последствиями революции, Герцен написал: «Мне кажется, что роль теперешней Европы кончена» [6. — С. 168], но прошло совсем немного времени, и он обнаружил выход из тупика. Этим выходом для него стала вера в Россию, в ее «социалистическое» начало. Мещанство, как полагал Герцен, еще не достигло России, ее принцип самодержавия частной собственности еще не отравил *коммунальные начала русского крестьянства*. «Это была вера, — как говорил впоследствии И.С. Тургенев¹, — в девственные, незараженные мещанством силы русского народа, вера в крестьянский тулуп» [7; 12].

Русский народ предстал в воображении Герцена как глубоко «антимещанский» народ, природе которого противны навязанные извне буржуазные законы и порядки. В общине мужики честны друг перед другом, они редко обманывают, между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных договоров, а все решают по правде; на

своих сходках они сообща решают хозяйственные дела деревни и сообща же владеют землей; они вместе обрабатывают землю, вместе используют луга и пастбища. Развитие и распространение общинного начала, по мысли автора, должны обеспечить достижение социального идеала Запада: «...то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, — для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем» [3. — С. 205].

«Славянский мир гораздо моложе Европы. Он моложе политически... Он складывался медленнее; он не развился, он еще мир недавний и едва только вступающий в великий поток истории» [6. — С. 184]. В этой фразе Герцена без труда угадывается тот же лейтмотив вступления России на историческую авансцену, что волновал Одоевского и других отечественных мыслителей: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы» [11. — С. 148]. Более того, и Герцен, и Одоевский, несмотря на некоторые различия в мыслях о способах исполнения Россией ее исторического предназначения, не исключали Запад из своих «футурологических» предсказаний. Европа больна, ее духовные силы иссякли, и она, будто по инерции, продолжает произвольно бросаться в разные направления. Однако в будущем Россия не должна отвернуться от нее, не должна стереть всякую память о ее былом величии, а должна «*исцелить*» и возродить ее древнюю культуру, поскольку «не одно тело должны спасти мы — но и душу Европы» [11. — С. 148].

Таким образом, под влиянием целого ряда внутренних и внешних обстоятельств в отечественной социально-политической мысли, на разных ее флангах, возникла идея особого предназначения России. Одним из таких обстоятельств, не уменьшая значения остальных, мы считаем промышленную

¹ Это широко известное выражение приписывается И.С. Тургеневу, однако в работах писателя нам его обнаружить не удалось.

революцию в европейских странах, разнообразные последствия которой серьезно напугали русских мыслителей. Опасения того, что и Россия пойдет по тому же пути — к «мещанству» или к «гибельной специальности», — побудили их обратить взор на самих себя.

Пробуждение национальной гордости, как ни странно, поглотило сторонников и освободительного, и охранительного движений. Ответить на вопрос, почему «гибель Запада» увлекла людей, с первого взгляда совершенно разных политических воз-

зрений, попытался писатель-западник И.С. Тургенев. Один из героев его романа «Дым», отставной надворный советник Потугин, не без издевки заметил: «Сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос... о значении, о будущности России... Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу» [13. — С. 270]. И.С. Тургенев, таким образом, наводит на мысль, что полюсы русской социально-политической традиции могут быть лишь отдельными проявлениями общего стремления к великой России.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 300 с.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. VI. С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 7–145.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. VII. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1851 годов. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 307–340.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. IX. Былое и думы. 1852–1868. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 353 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. X. Былое и думы. 1852–1868. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 535 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — Т. XII. Произведения 1852–1857 годов. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 167–201.
7. Иванов-Разумник Р.В. А.И. Герцен. 1870–1920. — Петроград: Колос, 1920. — 185 с.
8. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. — Т. 2. — М.: Республика; ТЕРРА, 1997. — 400 с.
9. Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Гос. издательство политической литературы, 1956. — С. 517–642.
10. Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. — М.: Современник, 1982. — 224 с.
11. Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975. — 316 с.
12. Плеханов Г.В. Сочинения: В 24 т. — Т. XIV. — М.: Гос. издательство, 1923. — С. 259–345.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. — М.: Наука, 1981. — Т. 7. — С. 247–407.
14. Шириняц А.А., Кононенко О.С. Россия и Запад в социально-политической мысли В.Ф. Одоевского / А.А. Шириняц, О.С. Кононенко // Русская политология. — 2018. — № 1 (6). — С. 14–21.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Аннотация

Статья посвящена анализу идеологического фактора в развитии Центральной Азии. Автор исходит из того, что Центрально-Азиатский регион стал пространством развития ряда идеологических конструктов, соперничающих друг с другом. Автором рассмотрены три идеологии: пантюркизм, исламизм и национализм. В статье анализируются истоки данных идеологий, их текущий уровень развития, а также влияние на интересы России. Делается вывод о пагубности представленных идеологий для развития региона и необходимости создания Россией собственных идейно-ценностных конструктов.

Ключевые слова: Центральная Азия, идеология, пантюркизм, исламизм, национализм.

Автор

Разиль Илшатович Гузаеров

Младший научный сотрудник
Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН
(Москва, Россия)

Центральная Азия — с точки зрения геополитических, этнических и религиозных факторов регион сложный, однако привлекательный благодаря наличию больших запасов углеводородов и других полезных ископаемых, транспортных магистралей, транзитных путей. Регион является стратегическим с точки зрения внешнеполитического курса России. С нашей страной его связывают многовековая общая история, культурное единство, обширные экономические и политические связи. С момента обретения независимости странами Центрально-Азиатский регион привлек интерес со стороны других держав, которые захотели увеличить влияние на регион. Помимо традиционного экономического, политического противостояния, которые стали традиционными сферами соперничества государств, Центрально-Азиатский регион выступил пространством столкновения различных

идейно-ценностных концептов, среди которых на сегодняшний день особо выделяются турецкий пантюркизм, исламизм и национализм.

Неопантюркизм — угроза самости региона

В широком смысле пантюркизм — это взгляд на мир, процессы и явления в нем через призму роли «турок». Пантюркизм охватывает все сферы жизнедеятельности человека, представляя собой гипертрофированное отражение этой деятельности [7. — С. 8]. Истоки турецкого пантюркизма берут начало со времен Османской империи. Во внутренней политике концепт выразился в форме туркизма. Туркизм был взят на вооружение турецкой политической элитой М. Кемалю Ататюрку для создания единого и унифицированного турецкого общества. Так начал культивироваться феномен турецкого

национализма, провозглашавший величие турецкой нации и отрицавший существование других национальностей внутри Турции. Туркизм постепенно перешел в международную политику. Пантюркисты выдвигали тезис о том, что понятие «турецкой нации» включает всех турок (тюрков), находящихся за пределами Турции [20. — С. 7–8]. Вполне очевидно, что внешнеполитический пантюркизм подразумевает под собой туркоцентричную модель развития Тюркского мира.

На тюркском пространстве Анкара работает с первых дней обретения центральноазиатскими государствами независимости. Турцией созданы целые агентства, фонды, школы и даже университет, активно продвигающие интересы Турции в регионе. Деятельности этих институтов и их роли в регионе посвящено множество работ отечественных исследователей [1]. Поэтому хотелось бы подчеркнуть новый этап развития турецкого пантюркизма. В 2021 году Турция продемонстрировала, что она перешла к четкой идентификации и интеграции тюркского пространства и к постановкам стратегических задач в данном регионе.

Проведение VIII саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств стало большим успехом турецкой внешней политики. По итогам заседания Совет был переименован в Организацию тюркских государств и, что более важно, члены-участники (Турция, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Азербайджан; наблюдатели — Венгрия и Туркменистан) приняли документ «Видение тюркского мира — 2040». Помимо целей большей экономической, политической интеграции государств-членов, документ предусматривает интенсификацию культурного взаимодействия. Особенно интересными выглядят пункты по «продвижению единой тюркской идентичности», «достижению единства в алфавите и терминологии», «созданию единого

медийного и информационного пространства» [21]. Примечательно, что в тюркских языках нет разницы между словами «турецкий» и «тюркский». Закладывая подобные цели в документы организации, Турция умело оперирует понятиями, поэтому Анкара будет навязывать туркоцентричный взгляд на все пункты общей программы. По сути, все идет к постепенной замене тюркского на турецкое.

Турция безусловный лидер в данном объединении, именно она будет развивать все интеграционные проекты. Создание Инвестиционного фонда тюркоязычных государств необходимо для получения дополнительных средств. Турция переживает тяжелый экономический кризис и не способна оплачивать внешнеполитическую деятельность. Средства фонда помогут осуществлять важные задачи «Видения тюркского мира — 2040», все больше увеличивая политическое, экономическое и культурное влияние Турции на тюркские государства [4]. В краткосрочной перспективе следует ожидать возрождения лозунга «шесть государств — одна нация», который Р.Т. Эрдоган озвучивал еще на VII саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Только нация в их понимании будет «турецкой», а не «тюркской».

Подобная наступательная и агрессивная политика Турции на идейном пространстве направлена на отдаление региона от России. Идеи неопантюркизма направлены на уничтожение культуры и самости региона, которую сохранили, культивировали и поддерживали в Российской империи и СССР. Созидательная политика России в регионе поставлена под угрозу. Существует опасность распространения неопантюркских идей в регионах России, где проживает тюркское население. Это уже угроза национальной безопасности страны. Турецкий пантюркизм в любом своем виде традиционно имел антирусскую направленность [7. — С. 58].

На данный момент турецкий неопантюркизм только начинает свой путь. Элиты центральноазиатских государств не готовы отдавать свой суверенитет и власть. Однако чем больше молодежи пройдет через турецкие институты, чем больше информационного пространства захватит Турция, тем больше вероятность того, что последующие поколения будут воспринимать идеи неопантюркизма как само собой разумеющееся. Деятельность Турции по распространению неопантюркских идей направлена на долгосрочную перспективу, и пока рано делать выводы о ее безуспешности.

Исламизм: новая волна радикализма

Второй опасный идейно-ценностный конструкт для Центральной Азии — радикальный исламизм. После всплеска деятельности исламистов в 90-е годы обстановка в регионе стабилизировалась. Однако в последние годы в странах региона наметилась тенденция роста исламского населения, количества религиозных учреждений и т.д. Особую роль ислам начинает играть в молодежной среде. Так, 34 % молодежи в Кыргызстане не против изменения формы государственного управления и перехода к шариатскому режиму [18]. В остальных государствах Центральной Азии наметилась тенденция к исламскому пробуждению [11].

В регионе действуют ячейки «Исламского движения Туркестана», «Исламского государства», «Хизб ут-Тахрир»¹ и других. С началом революции в Сирии более 2000 жителей Центральной Азии (ЦА) вступили в ряды террористических организаций и уехали воевать в Сирию и Ирак [5]. Возвращение боевиков на родину усилит присутствующие в регионе исламистские ячейки. Увеличение последователей ислама открывает

пути и возможности для вербовщиков. Показателем роста обеспокоенности данным вопросом является обновление и дополнение законодательства в области противодействия терроризму государствами ЦА [7].

Росту исламизма может способствовать проблема бедности в странах ЦА. Согласно отчетам международных финансовых структур, несмотря на общее снижение уровня бедности в странах ЦА, ее уровень остается все равно высоким [18]. Наблюдается сложность в обеспечении занятости среди женщин и молодежи. Еще одна центральноазиатская тенденция — сосредоточение среднего класса в крупных городах, в то время как уровень жизни в сельской местности растет меньшими темпами. К тому же именно в сельской местности происходит рост исповедующих ислам. Столкновение бедности и религии создает новые угрозы для центральноазиатских республик. В среднесрочной перспективе сочетание этих факторов при отсутствии экономических и демографических изменений видится автору как потенциал для роста исламизма в странах ЦА [7. — С. 192–208]. Процесс архаизации в исламской среде осложняется тем фактом, что за это время в ЦА не сложилось собственного течения в исламской мысли, поэтому регион импортирует исламские проекты из других частей планеты [3].

Угроза исламского радикализма напрямую повлияет на Россию. Обширные границы, большое количество трудовых мигрантов и т.д. прочно связывают ЦА и Россию. На фоне успешной борьбы с терроризмом деятельность террористических организаций будет направлена на подрыв внутренней обстановки в России. ЦА может стать идеальным плацдармом для подобной деятельности. Поэтому России необходимо превратить ЦА в форпост борьбы с терроризмом. Перетекание радикальных группировок должно быть остановлено на дальних рубежах.

¹ Здесь и далее: террористические организации, запрещенные на территории России.

Учитывая интересы стран ЦА в борьбе с этим явлением, необходимо использовать весь потенциал отношений стран.

Осложняют данную ситуацию события в Афганистане. Уход западной коалиции из страны и приход к власти «Талибана»¹ вызвали неоднозначную реакцию в экспертной среде. По отношению к Центральной Азии такое положение дел создает новые вызовы. «Талибан» сотрудничает с террористическими движениями «Аль-Каида»², «Исламская партия восточного Туркестана», «Исламское движение Узбекистана»³ и др. Существуют целые районы в Афганистане, например, афганский Бадахшан [13], которые находятся под контролем радикальных групп и которые стали прибежищем в том числе для многочисленных выходцев из Центральной Азии. Регион продолжительное время не контролируется ни бывшим правительством, ни «Талибаном», поэтому было бы наивно полагать, что новые афганские власти быстро возьмут под контроль радикальные группы. Вместе с беженцами, которых только в Таджикистане накопилось 14 тыс. человек [9], в ЦА из Афганистана могут перейти и сторонники данных организаций, готовые встать на путь вооруженной борьбы и дестабилизировать регион. С новой ролью «Талибана» открываются новые возможности и для подобных организаций, которые начнут более активную деятельность в Центральной Азии. На фоне декларируемого успеха «Талибана» деятельность вербовщиков значительно облегчится. Бедное и безработное население, недовольное властью и сложившейся системой, легче пойдет на уловки исламистов, потому что «Талибан» предстанет для них воплощением справедливости.

¹ Здесь и далее: террористические организации, запрещенные на территории России.

² Здесь и далее: террористические организации, запрещенные на территории России.

³ Здесь и далее: террористические организации, запрещенные на территории России.

Не исключено, что «Талибан» сам сможет использовать террористические организации в корыстных целях. На фоне давления на руководство Афганистана со стороны Таджикистана [17] «Талибан» может использовать потенциал террористических группировок в качестве активных внешних шагов, чтобы принудить соседа к диалогу [15]. Учитывая сложность контроля афганотаджикской границы и уже имеющейся активности радикальных групп на границе [8], «Талибан» имеет большие возможности для деятельности в данной области.

Национализм: мифологизация общества

Следующей тенденцией в идеологическом пространстве в регионе стал рост внутреннего национализма. Эгоцентричные власти центральноазиатских республик перешли к строительству национальных государств, где в основу фундамента заложили этнические и языковые факторы. Это явление стало активно обсуждаться в экспертной среде и даже было затронуто в статье С.В. Лаврова [2]. Повсеместно в странах региона начали проявляться случаи притеснения русскоговорящего населения, русский язык изымается из государственного документооборота, появляются целые патрули из сторонников пещерного национализма, которые охотятся за русскоговорящим населением, а избиение русских детей сверстниками стало обыденностью для региона. С другой стороны, растет и ненависть к Китаю. Все чаще начали проходить митинги против китайской экспансии. Каждое открытие Китаем нового производства сопровождается недовольством со стороны местного населения [13]. Что русофобия, что синофобия быстро переходят с логического на эмоциональный уровень и обладают большим конфликтным потенциалом, способным внести де-

структив в общественный строй. Ситуация усугубляется тем, что подобные националистические движения активно поддерживаются местными властями, а некоторые представители подобных кругов доходят до больших государственных должностей [11].

При строительстве своих этнократий местные элиты обходят стороной вопрос исторической правды, для них он вторичен. Период пребывания государств в составе Российской империи и СССР описывается в негативном ключе, как период угнетения и колонизации. На подобные темы активно снимаются фильмы, через которые культивируются национальные герои. Дальше всех в деле нацистроительства пошел Казахстан. Указом президента была создана Комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий [16]. В числе подобных репрессированных оказались и представители Туркестанского легиона, пособники нацистской Германии. В попытках отвязать себя от общей с Россией истории обществу в качестве героев откровенно навязывают бандитов и преступников. Чем заканчиваются такие процессы, мы уже увидели на Украине. Остальные республики прибегают к инструменту национализма реже, чем Казахстан, однако тенденция набирает обороты.

Негативные результаты культивации национализма мы можем наблюдать уже сейчас. Исследование отечественных психологов [10] продемонстрировало, что приезжей молодежи из Центральной Азии свойственны этноизоляционизм и этнонигилизм. В отличие от российской молодежи, студенты из ЦА обладают большей национальной нетерпимостью. Высокие показатели по шкалам этноизоляционизма и этнофанатизма характеризуют убежденность выходцев из ЦА в превосходстве своего народа и готовность

к любым действиям ради сохранения своей культуры. Можно сделать вывод о том, что молодежь из ЦА все меньше способна к пониманию и принятию другой культуры.

Заключение

В целом в регионе доминируют идеологии, связанные либо с религиозным сознанием, либо с различными формами этнического национализма. Каждая из идеологий стремится подчинить себе весь регион. В средне- и долгосрочной перспективе возможны и столкновения идеологий. Религия и этнический национализм несовместимы, в своем ядре они имеют абсолютно противоположные догмы. Различные формы национализма приведут к разобщению региона. Приграничные конфликты между Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, ограниченность водных ресурсов, диаспоральные споры демонстрируют большой конфликтный потенциал региона. Культивация местного национализма со временем лишь усугубит обстановку в регионе, а потенциальные конфликты станут новым этапом роста уровня радикального исламизма в ЦА. Активно развивающиеся на данный момент идеологии не сулят региону стабильности и развития. Показывая положительный для элит результат в краткосрочной перспективе, в будущем каждая из идеологий может стать фактором нестабильности. Решение данной проблемы — выдвигание Россией своей идеологической парадигмы. Наша страна успешно создала институты взаимодействия с регионом (ОДКБ, ЕВРАЗЭС, ШОС и др.), однако сейчас необходимо дополнить их идейно-ценностным содержанием. Именно Россия может выступить объединяющим фактором и обеспечить стабильное развитие и процветание региона.

Литература

1. *Аватков В.А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет / Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2021. — № 14 (5). — С. 162–176. — URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/859> (дата обращения: 22.11.2021).
2. *Гордеев В.* Лавров назвал цели ксенофобии в отношении русскоговорящих в Казахстане // РБК. — 2021. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/11/2021/618a013a9a7947012039b5ac> (дата обращения: 27.11.2021).
3. *Звягельская И.* Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. — М., 2019. — С. 64–73.
4. *Исамова А.* Центральная Азия хочет уравновесить Китай и Россию Турцией // ia-centr.ru. — 2021. — URL: <https://ia-centr.ru/experts/aida-isamova/tsentralnaya-aziya-khochet-uravnovesit-kitay-i-rossiyu-turtsiy/> (дата обращения: 24.11.2021).
5. *Мальшев Д.В.* Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии // Проблемы европейской безопасности. — 2017. № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siriyskiy-krizis-i-ugroza-radikalizatsii-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 23.11.2021).
6. *Муртазин М.Ф.* Государства Центральной Азии и угрозы религиозного экстремизма // Россия и новые государства Евразии. — 2017. — № 1 (34). — С. 41–55.
7. *Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. — М.: Русская панорама, 2017. — 316 с.
8. Некоторые подробности нападения на погранзаставу в Таджикистане // Военное обозрение. — 2019. — URL: <https://topwar.ru/164402-nekotorye-podrobnosti-napadenija-na-pogranzastavu-v-tadzhikistane.html> (дата обращения: 27.11.2021).
9. ООН озвучила новое число афганских беженцев в Таджикистане // Sputnik Таджикистан. — 2021. — URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211123/un-tochnoe-chislo-afganskikh-bezhentsev-tajikistan-1043712603.html> (дата обращения: 25.11.2021).
10. *Подольская М.В.* Исследование этнической идентичности у молодежи России и молодых мигрантов из Центральной Азии с личностной беспомощностью и самостоятельностью / М.В. Подольская, И.В. Пономарева, А.И. Евдокимов // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020. № 12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-etnicheskoy-identichnosti-u-molodezhi-rossii-i-molodyh-migrantov-iz-tsentralnoy-azii-s-lichnostnoy-bespomoshchnostyu-i> (дата обращения: 28.11.2021).
11. *Пономарева Е.Г.* Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // Актуальные проблемы мировой политики. — 2020. — Вып. 10. — С. 465–483.
12. *Лухаев А.* Казахский национализм — составляющая внутренней политики Казахстана // EADaily. — 2021. — URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/08/16/kazahskiy-nacionalizm-sostavlyayushchaya-vnutrenney-politiki-kazahstana> (дата обращения: 27.11.2021).
13. *Розов М.* Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты // Ритм Евразии. — 2019. — URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane-versii-i-fakty-44863> (дата обращения: 25.11.2021).
14. *Семенов К.* Пример для подражания: чем победа талибов грозит странам Центральной Азии // Forbes. — URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/437715-primer-dlya-podrazhaniya-chem-pobeda-talibov-grozit-stranam-centralnoy-azii> (дата обращения: 26.11.2021).
15. *Семенов К.* Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы. — 2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/> (дата обращения: 26.11.2021).
16. Состоялось первое заседание Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — 2020. — URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_news/sostoyalos-pervoe-zasedanie-gosudarstvennoy-komissii-po-polnoy-reabilitacii-zhertv-politicheskikh-repressii (дата обращения: 28.11.2021).
17. Таджикистан и «Талибан» обменялись угрозами // Газета.Uz. — 2021. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/29/tajikistan-taliban/> (дата обращения: 26.11.2021).

18. Треть кыргызстанской молодежи поддерживает жизнь по шариату // Gezitter. — 2021. — URL: https://www.gezitter.org/society/76748_tret_kyrgyzstanskoy_molodeji_podderjiva-et_jizn_po_shariatu/ (дата обращения: 26.11.2021).
19. Шустов А. Бедность в Центральной Азии: угрозы для основ евразийской интеграции // Ритм Евразии. — 2019. — URL: <https://central-asia.institute/bednost-v-czentralnoj-azii-ugrozy-dlya-osnov-evrazijskoj-integraczii/> (дата обращения: 24.11.2021).
20. Davut Taş. Alparslan Türkeş — Dokuz Işık Özet // Academia.edu. — URL: https://www.academia.edu/37620975/Alparslan_Türkeş_Dokuz_Işık_Özet (дата обращения: 22.11.2021).
21. Turkic World Vision — 2040 // Organization of Turkic States. — 2021. — URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 23.11.2021).

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В АФРИКЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация

В последнее время в условиях глобального кризиса, связанного с беженцами, миграция из Африки в Европу привлекла огромное внимание общественности и политических кругов, особенно в Европе. Независимо от того, уделяется ли основное внимание мигрантам и беженцам, прибывающим на европейские берега, или укреплению безопасности границ в африканских странах, Международная организация по миграции всегда играет важнейшую роль в управлении миграционными процессами. С другой стороны, в контексте усиления (суб)региональной миграции большое значение отводится региональным организациям. В рамках представленного исследования автором проанализирована деятельность МОМ и основных региональных организаций в Африке с целью выявить, какую роль играют МОМ и региональные объединения (ЭКОВАС и IGAD) в процессе управления миграционными потоками, а также определить основные направления работы организаций в данной сфере, предполагая, что их деятельность варьируется в зависимости от области миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, Африка, ЭКОВАС, IGAD, МОМ, управление миграцией, миграционная политика.

Автор

Асинавалона Патрисиа Андрианантенаина

Студентка магистратуры кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

В последнее время в контексте глобального кризиса, связанного с беженцами, транссахарская и транссредиземноморская (нерегулируемая) миграция из Африки в Европу привлекла огромное внимание общественности и политических кругов, особенно в Европе. В европейском политическом дискурсе доминировали призывы к сокращению и сдерживанию потоков нелегальных мигрантов и устранению коренных причин вынужденной миграции. Однако миграция внутри Африканского континента более распространена, чем миграция из Африки в Европу или другие части мира. Около двух третей африканских международных мигрантов проживают

в другой африканской стране [1. — С. 102–118]. На этом фоне Африканский союз определил нормы и стратегические руководящие принципы, регулирующие миграцию и принудительное перемещение, а региональные организации, такие как Межправительственный орган по вопросам развития (IGAD) на Африканском Роге и Экономическое сообщество Западноафриканских государств (ЭКОВАС), создали структуры управления миграцией в регионе.

Региональные режимы мобильности и соответствующие организации в Африке все чаще становятся объектами сотрудничества со стороны международных организаций по вопросам развития, а также в контексте недавних

европейских соглашений, связанных с миграцией. Более того, региональное управление миграцией приобрело важное значение в качестве объекта научных исследований, особенно при изучении международных отношений и сравнительного регионализма.

Помимо прочего, независимо от того, уделяется ли основное внимание мигрантам и беженцам, прибывающим на европейские берега, переселению беженцев в Канаду или укреплению безопасности границ в африканских странах, Международная организация по миграции (МОМ) всегда играет важнейшую роль в управлении миграционными процессами [2]. Международная организация по миграции считает себя лидером и разработчиком стандартов [3], а также ответственной за управление миграцией и мобильностью в глобальном масштабе [4]. Таким образом, влияние МОМ выходит за рамки простой концептуализации статической межгосударственной системы.

В данной статье автор анализирует деятельность МОМ и региональных африканских организаций по управлению международной миграцией. Основной акцент сделан на миграционном процессе в Африке: рассмотрены подходы к решению вопросов миграции в регионе со стороны МОМ, а также роль региональных организаций в управлении миграцией в Африке.

Деятельность МОМ по управлению миграционным процессом в Африке

Международная организация по миграции играет важную роль в управлении глобальной миграцией, поскольку ее миссия — содействие поиску практических решений проблем международной миграции и оказание гуманитарной помощи нуждающимся мигрантам и беженцам, а также внутренне перемещенным лицам в границах одной страны или региона. Организация стремится предоставлять свои услуги

и консультации государствам и самим мигрантам. Стоит сказать, что МОМ стала заметным игроком на мировой арене и в отдельных странах. Общая тенденция также заключается в том, что МОМ и другие, более широко известные международные организации, все чаще пользуются спросом не только со стороны государств, нуждающихся в совете и помощи, но и со стороны неправительственных организаций (НПО), а также иных международных организаций, коммерческих структур и СМИ. Фактически международные организации приобрели большое значение в интерпретации событий и (воспринимаемых) реалий миграции [5]: международные организации через традиционные СМИ, такие как телевидение и газеты, но все чаще через социальные сети сообщают в прямом эфире и рассказывают мировой аудитории о произошедших трагедиях и смертях мигрантов и беженцев, о положении перемещенных лиц в странах приема и т.д.

МОМ была создана в 1951 году как Межправительственный комитет по европейской миграции (ICEM). В тот период она отвечала за многих людей, перемещенных во время Второй мировой войны. В настоящее время деятельность МОМ охватывает три области. Во-первых, это «оперативные» услуги: МОМ управляет центрами содержания под стражей мигрантов, следующих транзитом или высылаемых из страны прибытия. Во-вторых, МОМ информирует (посредством информационных кампаний) потенциальных женщин-мигрантов о связанных с международной миграцией угрозах, а также осуществляет деятельность по «защите» жертв в целях противодействия «торговле людьми» или их «незаконному ввозу». В-третьих, МОМ выступает в качестве консультативного агентства для государств по вопросам миграционной политики. В этом контексте организация предлагает обучение в таких областях,

как наблюдение за границами или новые технологии контроля миграционных потоков.

Наконец, МОМ является важным участником обсуждения и распространения знаний и актуальной информации о международном миграционном процессе. Организация генерирует и транслирует свое видение того, какой должна быть миграция: «управляемые» перемещения, выгодные для всех, прежде всего для стран назначения, но также и для стран происхождения, и даже для самих мигрантов. Тем не менее в настоящий момент МОМ стремится поддерживать политику развитых стран в гораздо большей степени, чем защищать право на передвижение, которое она предоставляет гражданам «глобального Юга».

МОМ реализует широкий спектр деятельности на пяти континентах, однако особый интерес для данного исследования представляет африканский регион. Ниже приводится обзор того, как МОМ подходит к вопросам миграции в странах Африки к югу от Сахары [6].

В Западной и Центральной Африке конфликты в Центральноафриканской Республике, Кот-д'Ивуаре, Мали, Нигерии вынудили тысячи мигрантов покинуть свои дома и свои страны. МОМ также отмечает, что Мали и Нигерия сталкиваются с проблемами безопасности из-за распространенных в регионе группировок, таких как «Боко харам» и «Аль-Каида»¹. МОМ помогает перемещенным лицам в регионе, в частности обеспечивая мигрантов и беженцев чистой водой, продовольствием и другими предметами первой необходимости [7. — С. 65–68]. В Центральноафриканской Республике, например, 687 000 человек были перемещены из-за войны, которая началась в 2013 году. Согласно отчету, опубликованному 29 июня 2018 года, МОМ предоставила

домашним хозяйствам 450 комплектов кастрюль и посуды, тарелок, чашек и столовых приборов.

В Восточной Африке МОМ совместно с ООН и местными министерствами здравоохранения в регионе выступила с инициативой предоставить примерно 48 000 сомалийцам возможность пользоваться услугами здравоохранения [8]. В Бурунди МОМ организовала обучение в области сельского хозяйства и предпринимательства для внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Вооруженный конфликт в Демократической Республике Конго, Сомали и Южном Судане, а также засуха и изменения климата являются одними из движущих сил миграции в регионе.

В южной части Африки МОМ, помимо прочего, проводит медицинские исследования уязвимых групп населения в регионе. По данным Портала миграционных данных (Migration Data Portal), которым управляет МОМ, в 2017 году в Южной Африке проживало четыре миллиона иммигрантов [9]. По сведениям ДЭСВ ООН, большинство иммигрантов в Южной Африке являются выходцами с Африканского континента [10].

Таким образом, осуществляя активную деятельность в Африке, Международная организация по миграции стремится проводить политику, направленную на оказание поддержки и помощи, в первую очередь, наиболее уязвимой категории мигрантов, включающей беженцев и их семьи. При этом МОМ не только обеспечивает вынужденных переселенцев предметами первой необходимости, но и реализует гуманитарные программы, нацеленные на обучение и информирование мигрантов в регионе.

Роль региональных организаций в процессе управления миграцией в Африке

С момента пика европейского кризиса беженцев летом 2015 года вопрос

¹ «Боко харам» и «Аль-Каида» — организации, запрещенные в России.

управления миграцией и потоками беженцев между Африкой и Европой занимает важное место в академических и политических программах и исследованиях. Преобладает мнение, что европейская помощь развитию Африки играет важную роль в сдерживании настоящего и предотвращении массового притока мигрантов и беженцев в Европу в будущем. Это должно происходить в основном за счет снижения остроты коренных причин вынужденного перемещения людей и улучшения управления миграцией [11].

Необходимо отметить, что в рамках существующей на сегодняшний день дискуссии о миграционных процессах в африканском регионе два важных фактора остаются без должного внимания. Во-первых, большинство трансграничных беженцев и мигрантов перемещается между соседними странами, то есть внутри (суб)региональных пространств. Часто это связано с ограниченной доступностью ресурсов для мигрантов, но также и с преимуществами миграции в более близкие страны с языковым и/или культурным сходством, но при этом более высоким уровнем политической или экономической стабильности. Западная Африка, где более 80% международных мигрантов перемещаются внутри субрегиона, является парадигматической в этом отношении. Что касается передвижения за пределы (суб)регионов, многие переезжают в другие страны Африканского континента.

Во-вторых, с точки зрения развития, не вся эта миграция является негативным явлением, а скорее служит стремлению людей улучшить условия жизни для себя и своей семьи, а также расширить образовательные и профессиональные возможности. Хотя решения о переезде часто принимаются на фоне тяжелых социально-экономических обстоятельств и отсутствия альтернатив в странах происхождения, временная или постоянная миграция действительно относится к важнейшим стратегиям

выживания для мигрантов и членов их семей, находящихся на изживении [11].

Как региональные и континентальные организации в Африке управляют изменчивостью миграционных потоков с точки зрения движущих сил, моделей и результатов? Учитывая преобладание внутрорегиональной миграции и часто региональный характер движущих сил (таких как бедность, засуха или конфликты), это актуальный вопрос. Однако в мировом сообществе, информационной повестке и в научном поле на удивление мало сведений и столь же мало обсуждений, касающихся институциональных характеристик, приоритетов и положений африканских региональных организаций, осуществляющих свою деятельность в области управления миграцией.

Исследовательский проект Немецкого института развития (DIE) о региональном и многоуровневом управлении миграцией устраняет этот пробел [12]. Основное внимание в нем уделяется двум региональным организациям Африки: Экономическому сообществу западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Межправительственному органу по вопросам развития (IGAD) в регионе Африканского Рога. Обе организации представляют основные регионы происхождения африканских мигрантов и беженцев в Европу, в силу чего в последние годы ЭКОВАС и IGAD значительно расширили свою деятельность в области миграционной политики.

В результате исследования DIE выявили, что в зависимости от региональной и институциональной специфики, а также направлений миграционных потоков регион Африканского Рога и западноафриканский регион демонстрируют заметные различия в отношении приоритетных моделей миграции и моделей управления миграционными процессами.

Региональная организация ЭКОВАС, основанная в 1975 году после заключения Лагосского договора, имеет долгую

историю регулирования региональной трудовой миграции по установленным коридорам, пересекающим национальные границы, например, между Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуаром или Ганой и Нигерией. В 1979 году в рамках ЭКОВАС был заключен Протокол о свободном перемещении граждан, который стал одним из первых этапов либерализации мобильности даже в глобальном масштабе. Сформулированный со всеобъемлющим намерением способствовать либерализации экономики и торговли между его 15 государствами-членами¹, Протокол пользуется большой поддержкой со стороны стран-участниц. И это несмотря на то, что его реализация все еще сталкивается с проблемами (частично связанными с национальной политикой), особенно в отношении его более амбициозных элементов, таких как либерализация внутрирегиональной занятости и прав на создание бизнеса.

Организация IGAD, основанная в 1986 году как межправительственный орган по вопросам засухи и развития и переименованная в IGAD в 1996 году, была создана с целью решения гуманитарных кризисов, обычно затрагивающих семь его государств-членов². Хотя в 1998 году организация стала региональным экономическим сообществом, она до сих пор пользуется наибольшим признанием за свое участие в решении вопросов регионального мира и безопасности. Об этом свидетельствует Комплексная система реагирования на беженцев (CRRF), которая является новаторской в процессе глобального управления и реализации норм в отношении беженцев. Это верно, но степень внедрения системы странами — члена-

ми IGAD неодинакова, а правоприменительные возможности организации ограничены.

Африканские региональные организации, такие как ЭКОВАС и IGAD, играют важную роль в управлении миграцией в регионе. Примечательно, что их деятельность варьируется в зависимости от области миграционной политики. Например, в Основах миграционной политики IGAD от 2012 года рассматривается широкий круг вопросов, начиная от более эффективного управления границами, предотвращения нерегулируемой миграции и заканчивая облегчением трудовой миграции посредством свободного передвижения. Аналогичные заявления можно сделать и в отношении «Общего подхода к миграции и развитию» ЭКОВАС, сформулированного в 2008 году, который является политической основой стратегии организации.

Подводя итог, можно сказать, что сотрудничество в области миграции в региональном измерении представляется актуальным и востребованным по причине усиливающихся миграционных потоков как в отдельном регионе, так и во всем мире, что приводит к отношениям взаимозависимости (и частично общим интересам) между заинтересованными государствами. В этом контексте бесспорна роль Международной организации по миграции, которая проводит активную деятельность по регулированию миграции в мире в целом, и в частности в Африке, где положение мигрантов и беженцев по-прежнему остается незавидным, а решение вопросов, связанных с миграцией (как внутрирегиональной, так и межрегиональной), требует вовлечения всего мирового сообщества. Говоря о региональных институтах управления миграцией, примеры IGAD и ЭКОВАС показывают, что региональные организации часто могут опираться на уже сложившуюся историю сотрудничества в области миграции. При этом разделе-

¹ Государствами-членами ЭКОВАС являются Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне и Того.

² Государствами-членами IGAD являются Джибути (головной офис), Эфиопия, Кения, Сомали, Южный Судан, Судан и Уганда.

ние труда между континентальными и региональными организациями является актуальным вопросом, поскольку Африканский союз (АС) пересмотрел свое участие в миграционной политике, что проявилось в обновлении Основ континентальной политики в области миграции, а также в соглашении о Протоколе континентального свободного

передвижения. Вопрос о наиболее эффективной поддержке преимуществ региональных миграционных режимов в Африке, а также устранение пробелов в реализации миграционной политики по регулированию потоков миграции станут важными дополнениями к дискуссиям о дальнейшем развитии африканского региона.

Литература

1. *Dick E.* Regional Cooperation on Migration and Mobility: Insights from two African regions // E. Dick, B. Schraven // In Proceedings of the African Futures Conference. — 2018. — Vol. 2. — No. 1. — P. 102–118.
2. Syrian refugee process in Turkey 'a little bit behind,' Canadian ambassador says // CBC News. — 2015, Dec 8. — URL: <https://www.cbc.ca/news/world/refugee-process-canada-turkey-jordan-lebanon-1.3353042> (дата обращения: 01.11.21).
3. IOM Becomes a Related Organization to the UN // IOM. — UN Migration. — 2016, July 25. — URL: <https://www.iom.int/news/iom-becomes-related-organization-un> (дата обращения: 01.11.21).
4. About IOM // IOM. — UN Migration. — URL: <https://www.iom.int/about-iom> (дата обращения: 01.11.21).
5. *Pécoud A.* What do we know about the International Organization for Migration? // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2018. — Vol. 44. — No. 10. — P. 1621–1638. — DOI: 10.1080/1369183X.2017.1354028.
6. What is the International Organization for Migration (IOM)? // INFOMIGRANTS. — 2018, July 5. — URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/10325/what-is-the-international-organization-for-migration-iom> (дата обращения: 02.11.21).
7. *Ефимова Ю.В.* Международные организации и их роль по обеспечению прав и свобод мигрантов / Ю.В. Ефимова, Л.А. Ларина // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2020. — № 3. — С. 65–68.
8. Bulletin. May 2018 // IOM. — UN Migration. — 2018, May. — URL: <https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/2018-07/IOM%20MAY%20BULLETIN%20%28002%29.pdf> (дата обращения: 06.12.21).
9. Migration Data in the Southern African Development Community (SADC) // Migration Data Portal. — 2021, Jun 14. — URL: <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/southern-africa> (дата обращения: 06.12.21).
10. How many immigrants live in South Africa? // Africa is a Country. — URL: <https://africasacountry.com/2018/10/how-many-immigrants-live-in-south-africa> (дата обращения: 01.11.21).
11. *Dick E.* The Role of Regional Organizations in Africa in the Governance of Migration // ISPI. — 2019, July 17. — URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/role-regional-organizations-africa-governance-migration-23512> (дата обращения: 01.11.21).
12. German Development Institute. — URL: <https://www.die-gdi.de/en/> (дата обращения: 17.12.21).

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛИ

Аннотация

В статье рассматриваются растущее влияние религии на социально-политическую жизнь малийского общества, роль религиозных лидеров в политических решениях и взаимодействии между государством и населением. Целью данной работы является оценка перспектив возрождения влияния религиозных лидеров на политическую власть и административные органы власти.

Ключевые слова: влияние религии в Мали, религиозные лидеры, политическая власть

Автор

Сумайла Кануте

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Введение

Практически все население Мали является верующим. Главенствующая религия — ислам. Согласно переписи населения 2018 года, в Мали 94,8% мусульман, 2,4% христиан и 2% анимистов [1]. Фактор религии никогда не был тормозом в социальных отношениях или в добрососедских отношениях между малийцами. Взаимное признание религий объясняется прежде всего местной культурой, которая способствует принятию других и терпимости. Более того, религия является фактором единства, сплоченности и солидарности, и в этом отношении она даже более эффективна, чем политика. Каждый раз, когда страну сотрясает крупное событие, которое может угрожать миру и социальной стабильности, когда возникают конфликты, первыми посредниками для снятия напряженности являются религиозные деятели. Это, пожалуй, один из наиболее ощутимых политических аспектов религии в Мали.

Религиозный фактор играет важную роль в обществе, поскольку госу-

дарство ослаблено, особенно после социально-политического кризиса 2012 года. Социально-экономическое, политическое, моральное банкротство государства придает религиозным убеждениям значительный вес в общественно-политической сфере.

Международные партнеры Мали и некоторые малийцы обеспокоены растущим влиянием религии на политическую жизнь Мали, в первую очередь возможностью появления неформального религиозного пространства, которое будет противоположно официальному дискурсу и станет развиваться вне поля зрения государства, которое не имеет должных ресурсов для конструктивного вмешательства в религиозную сферу.

Роль и участие религии в политической жизни

Влияние религии на политику особенно возросло с начала 2000-х годов. Поворотным моментом стало принятие правительством семейного кодекса в 2009 году, когда протест, организован-

ный священнослужителями, против реформ, объявленных ими противоречащими «малийским ценностям», заставил правительство отступить [2]. Успех народной мобилизации позволил верующим людям осознать свою силу. Президентские выборы 2013 года закрепили прямое участие религиозных лидеров в политическом процессе. Они вовлечены в политическую жизнь в разной степени и с разными целями. Религиозные лидеры обсуждают женское обрезание, хорошее управление страной или присутствие международных сил, критикуют лидеров, когда считают это необходимым. Иногда они идут дальше, агитируя за определенного кандидата. Наконец, меньшинство из них баллотируется и получает мандаты (депутаты, местные выборные представители). Религиозные лидеры оправдывают свое участие в политической жизни необходимостью сохранить «малийские ценности». Некоторые также указывают на кризис в Мали, безграмотное управление страной и банкротство политического класса и называют себя политическим резервом. Религиозный деятель утверждает, что «не несет ответственности за потерю интереса к политике, особенно с учетом духовного кризиса, который Мали переживает с 2012 года» [3].

Они узаконивают свое участие тем, что пользуются, как и все малийцы, гражданскими правами, тем, что «ничто не запрещено», будь то вопрос о том, чтобы занять политическую позицию или самим стать кандидатами, в отличие от солдат или магистратов, для которых участие в политической жизни запрещено. Духовные лидеры считают, что, если религиозный человек участвует в политике, он делает это «как гражданин Мали», а не используя «свою религиозную силу» или «во имя религии» [2]. Религиозными деятелями, впрочем, движут различные мотивы: морализация управления, продвижение религии, обогащение, обретение

влияния или власти. В любом случае в последнее время появляется тенденция политизации религии.

Помимо степени политизации, возникает вопрос о том, не угрожает ли эта тенденция в долгосрочной перспективе социальной сплоченности и стабильности Мали. Международные партнеры и некоторые малийцы опасаются роста политизации религии [4]. Угрозу они видят в первую очередь в существовании вооруженных групп, заявляющих о своей религиозности, на севере Мали. Их действия могут привести к стигматизации мирных религиозных течений и спровоцировать представителей последних на экстремизм. Некоторые малийцы встревожены появлением религии на политической арене, опасаясь, что она поставит под угрозу их привычный образ жизни, а также определенные ценности, такие как секуляризм или права женщин [5]. Трудно достичь консенсуса относительно места религии в государстве и в обществе и степени, в которой религиозность должна быть связана с политическими решениями и социальными дебатами. Этот вопрос, очевидно, может вызвать раскол между различными сегментами малийского общества и, таким образом, дестабилизировать политический и социальный порядок.

Политизация религии

Вхождение религиозных лидеров в политическое пространство было осуществлено отчасти при поддержке политиков, которые видели в этом средство агитации и мобилизации электората [6]. Духовные лидеры закрыли собой брешь, открытую оппортунизмом политиков. Если религиозные деятели кажутся сильными, то это прежде всего по сравнению со слабостью политического класса и из-за их способности стать ведущими социальными акторами, конкурирующими с государ-

ством в таких ключевых областях, как образование или здоровье.

Важно различать влияние религии и религиозных лидеров как отдельных лиц. По мере ослабления государства росла важность религии. Политическое влияние ей придает прежде всего «социальная сила» [7]. В религиозном дискурсе находит отражение тройственное стремление сохранить «общественные и религиозные ценности», морализировать управление и противостоять тому, что воспринимается как неокOLONIALное господство.

Вклад религии в укрепление мира, будь то на национальном или местном уровне, в принципе может быть усилен в некоторых случаях за счет гибкой поддержки со стороны государства. Миссия добрых услуг для северной и центральной части Мали, порученная премьер-министром религиозному лидеру в июне 2017 года, может быть интересным примером санкционированной и поддерживаемой правительством инициативы, осуществляя которую религиозные деятели могут способствовать сохранению мира [8].

Заключение

Переосмысление отношений между политикой и религией — одна из задач восстановления малийского государства. Найти подходящее место для религии в разнообразном малийском

обществе и перед лицом слабого государства — серьезная задача. Но государство должно делать это с осторожностью, помещая мусульманских лидеров в центр процесса. Регулирование высказываний, разжигающих ненависть или нетерпимость, а также обучение религиозных лидеров — это две области, в которых необходим консенсус. Религиозные лидеры, со своей стороны, играют важную роль в социальном регулировании: они могут быть связующим звеном между государством и населением, способствовать разрешению конфликтов и осуждать управление страной, когда считают, что политики не правы.

Вопрос о том, что делать сейчас, чтобы отделить религию от политики, имеет первостепенное значение. Очевидно, что на социальном уровне религия культурно интегрирована в повседневную жизнь малийцев, особенно ислам. Необходимо принять законы, которые позволят политическим акторам определить свое положение и обязанности в отношении соблюдения конституционно-правовых рамок страны. Важно, чтобы на предстоящих президентских выборах компетентные органы обеспечили строгое соблюдение процесса избирательной кампании, в том числе запрет избирательных кампаний в местах отправления культа. Необходимо будет обеспечить соблюдение буквы и духа законов о выборах.

Литература

1. Structure des âges au Mali (2018). — URL: <http://populationsdumonde.com/fiches-pays/mali>.
2. Islam et politique au Mali: entre réalité et fiction // Rapport Afrique de Crisis Group. — № 249. — 18 juillet 2017.
3. Mali: Peace from Below // Briefing Afrique. — № 115. — 14 décembre 2015.
4. Jeune Afrique. — № 2741. — 21 juillet 2013.
5. Mettre en œuvre l'architecture de paix et de sécurité (III): l'Afrique de l'Ouest // Rapport Afrique. — № 234. — 14 avril 2016.
6. *Saint-Lary M.* Du wahhabisme aux réformismes génériques // Cahiers d'études africaines. — Vol. 2. — 2012. — № 206–207. — P. 449–470; *Kruis M.* Islamic Pathways. Islamic youth associations and Muslim identity formation in Bamako: mémoire. — Université de Leiden. — 2010.
7. Élection contestée-lutte de clans-politisation: le haut conseil islamique dans la tourmente. — 28.04.2014. — URL: <http://bamada.net/election-contestee-lutte-de-clans-politisation-le-haut-conseil-islamique-dans-la-tourmente>.
8. Dialogue démocratique sur l'extrémisme violent», conférence-débat organisée dans le cadre de la deuxième édition du festival Ciné Droit Libre, Bamako, 19 janvier 2017.

ПРОБЛЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Аннотация

Сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации строится на общих исторических и культурных связях, а также взаимодействии в рамках ряда интеграционных объединений, таких как Союзное государство, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности. Союзное государство является важнейшим направлением в российско-белорусских отношениях.

Проблема создания в Союзном государстве развитых наднациональных органов власти остается нерешенной. Беларусь и Россия неоднократно вырабатывали инструменты для решения проблем реализации договора «О создании Союзного государства» 1999 г., где основными органами власти являются Высший Государственный Совет, Совет Министров, Парламент, Суд Союзного государства и Счетная палата. В 2018–2021 гг. Минск и Москва возобновили обсуждение и реализацию строительства наднациональных органов управления, были разработаны и утверждены программы интеграции, утвержденные Президентами России и Беларуси в 2021 г. Проблематика развития наднациональных органов управления Союзного государства актуализировалась.

Ключевые слова: Союзное государство, Беларусь, Россия, наднациональные органы управления.

Автор

Ян Рафаилович Жиманов

Студент магистратуры кафедры политологии
Белорусского государственного
экономического университета
(Минск, Республика Беларусь)

Республика Беларусь и Российская Федерация являются важными экономическими и политическими партнерами, при этом имея статус союзников по ряду международных организаций. Страны сотрудничают в качестве членов Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности и Союзного государства, ссылаясь на общие исторические и культурные связи.

Развитие Союзного государства является стратегическим направлением для Минска и Москвы. История становления Союзного государства берет свое начало с подписания в 1995 г. Договора о дружбе, добрососедстве и

сотрудничестве. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси, 8 декабря 1999 г. Президентом Беларуси А. Лукашенко и Президентом России Б. Ельциным был подписан «Договор о создании Союзного государства». В 2000–2001 гг. Россия и Беларусь проводили работу по развитию Союзного государства и его структуры, было принято решение о введении единой валюты. В 2002–2003 гг. между странами появляются разногласия по энергетическим вопросам, Минск заявляет о том, что не видит смысла в введении единой валюты с единым эмиссионным центром в Москве. Идея введения единой валюты

Союзного государства переходит на отдаленную перспективу, оставаясь нереализованной и сегодня. Возникают проблемы и с утверждением конституционного акта — документа, который должен был стать ключевым для Союзного государства и закрепить его правовую основу. В связи с непринятием конституционного акта и возникновением противоречий между Россией и Беларусью строительство Союзного государства было приостановлено. Возобновление диалога об активном развитии Союзного государства произошло в 2018 г., когда были рассмотрены, а в 2021 г. утверждены программы интеграции, которые актуализировали процессы союзного строительства.

Союзное государство можно назвать уникальным типом интеграционного объединения как с конфедеративными, так и федеративными признаками [3]. Культурно и ценностно страны принадлежат к общей восточнославянской цивилизации. Автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, американский политолог С. Хантингтон отмечал, что государства после холодной войны все чаще определяют свои интересы, опираясь на цивилизационные особенности [9]. Помимо Союзного государства, Беларусь и Россия входят в состав Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности, что говорит о тесном взаимодействии стран.

Президент России В. Путин и Президент Беларуси А. Лукашенко неоднократно подчеркивали важность Союзного государства. В. Путин считает, что сотрудничество Беларуси и России крайне важно для всех интеграционных процессов на постсоветском пространстве и по ряду направлений Союзное государство работает с опережением других интеграционных объединений [7]. В свою очередь А. Лукашенко рассматривает Союзное государство в качестве локомотива интеграционных процессов на постсоветском пространстве [4].

Геополитическая роль Союзного государства выражается в том, что оно оказывает влияние на баланс сил в регионе, последовательно решая вопросы обеспечения прав, свобод и законных интересов своих граждан [2. — С. 100].

«Договор о создании Союзного государства» 1999 г. определяет основные цели:

1) обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств-участников, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни;

2) создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики;

3) неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;

4) проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны;

5) формирование единой правовой системы демократического государства;

6) проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;

7) обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью;

8) укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире, развитие Содружества Независимых Государств [1].

Приоритетными целями являются и вытекающие из Договора задачи по обеспечению равных прав субъектов хозяйствования и граждан государств-участников, формирование единого

экономического и таможенного пространства, к которому применяются единые ставки таможенных пошлин, единые таможенные режимы, единый порядок таможенного контроля, унифицируется законодательство о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, о защите экономических интересов государственных участников и т.д.

Основными органами Союзного государства названы Высший Государственный Совет, Парламент Союзного государства, Совет Министров, Суд Союзного государства и Счетная палата. Многие органы до сих пор не созданы. Изначально предполагалось восемь наднациональных органов: Высший государственный совет, Парламент, Совет Министров, Постоянный комитет, Суд, Счетная палата, Единый эмиссионный центр, а также Комиссия по правам человека. В итоге сформировано только четыре структуры, которые можно считать работающими органами Союзного государства. При этом так и не введена должность главы государства — Президента, функции «коллективного президента» были отданы Высшему Государственному Совету, что нельзя «признать показателем завершенного государственного строительства» [5. — С. 1551].

Возникли трудности и на пути создания Парламента Союзного государства. Действующее Парламентское Собрание — это скорее механизм межпарламентского сотрудничества, нежели единый парламент. В связи с тем, что в Союзном государстве так и не была принята единая Конституция, Парламентское Собрание руководствуется национальными конституциями Беларуси и России, а также нормативно-правовыми актами Союзного государства. Несмотря на то, что у основных законов двух стран очень много сходных черт, отсутствие общего главного закона — конституционного акта — затрудняет работу Парламентского Собрания,

хотя его деятельность вносит большой вклад в укрепление сотрудничества между национальными парламентами двух государств [6]. Парламентское Собрание Беларуси и России служит локомотивом объединительных процессов. Этот орган генерирует идеи и предложения, которые воплощаются в договорах и соглашениях, но роль Парламентского Собрания в разработке законодательства, адаптации законодательной базы государств, особенно в экономической сфере, малозначительна.

Совет Министров Союзного государства пока не смог обрести статус единого правительства. Это орган, направленный на развитие сотрудничества, взаимодействия и реже — механизма совместного принятия решений органами исполнительной власти двух стран, в том числе в сфере разработки союзного бюджета.

Постоянный комитет Союзного государства является органом, решения которого носят в основном рекомендательный характер. Рекомендации обращены либо к высшим органам Союзного государства, либо к государственным структурам России и Беларуси. В состав Постоянного Комитета Союзного государства входят Государственный секретарь и члены Постоянного Комитета.

Суд Союзного государства должен обеспечить единообразное толкование и применение «Договора о создании Союзного государства», иных союзных нормативно-правовых актов. В состав Суда входит 9 судей, которые назначаются сроком на 6 лет. Его решения должны приниматься двумя третями голосов от общего числа судей и должны иметь обязательную юридическую силу. Но на сегодняшний день Суд Союзного государства так и не был сформирован.

Счетная палата Союзного государства для осуществления контроля за финансами также не была создана. В соответствии с договором «О создании

Союзного государства» 1999 г., Счетная палата должна состоять из назначаемых на 6 лет 11 членов из числа граждан Беларуси и России. Назначаться они должны Парламентским Собранием по представлению Совета Министров, при этом в состав Счетной Палаты не может одновременно входить более 7 граждан одного государства. По итогам финансового года Счетная палата обязана представлять Парламенту и Совету Министров отчет в течение каждого года. Также эти органы имеют возможность вносить предложения Высшему Государственному Совету в сфере финансов Союзного государства.

Не заработали в Союзном государстве и такие важные органы, как Единый эмиссионный центр и Комиссия по правам человека. Единый эмиссионный центр пока невозможно создать, поскольку не решен вопрос с введением единой валюты. Что касается Комиссии по правам человека, то подобные функции целесообразно было бы передать Суду Союзного государства, который сможет давать юридическую оценку соблюдению прав человека в Союзном государстве. Нет в Союзном государстве и единого гражданства, не создана единая паспортная система. Однако пограничный контроль между двумя государствами отменили еще в 1995 г.

Перейдем к анализу наиболее актуальных проблем в реализации создания и развития наднациональных органов Союзного государства. Важная проблема — это то, что в ряде заключенных договоров и соглашений положения носят декларативный характер, не подкрепленный в полной мере правовым механизмом реализации. В связи с этим необходимо больше внимания уделить выработке эффективных законодательных основ Союзного государства, четко определить иерархию его источников права. Особенно острой проблемой является создание Единого эмиссионного центра с общей денежной единицей.

Если Минск считает, что Единым эмиссионным центром должен быть Межбанковский валютный союз и при этом следует обеспечивать равный статус Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка России, то Москва настаивает на том, что Единый эмиссионный центр должен создаваться на базе Центрального банка.

Вопрос дальнейшего развития Союзного государства является важным в экономическом, политическом и военно-стратегическом плане. При этом развитие Союзного государства происходит медленно.

Российский политолог, кандидат исторических наук А.И. Суздальцев считает Союзное государство политическим этапом интеграции России и Беларуси. Накопленный потенциал совместной работы России и Беларуси, который вследствие целого комплекса политических и экономических причин не получается реализовать, тем не менее рано или поздно будет востребован не только в многосторонних интеграционных проектах на постсоветском пространстве, но и в двусторонних отношениях [8. — С. 74].

Способствовать процессу создания и развития наднациональных органов призваны программы интеграции, принятые Минском и Москвой в 2021 г. Россия и Беларусь взяли курс на поэтапную интеграцию, решение проблем на пути строительства Союзного государства, где создание и дальнейшее развитие наднациональных органов управления станет важнейшей стадией реализации договора «О создании Союзного государства» 1999 г.

Таким образом, Союзное государство можно считать интеграционным объединением Беларуси и России с формирующимися наднациональными органами управления: это Высший Государственный Совет, Парламент Союзного государства, Совет Министров, Суд Союзного государства, Счетная палата. Практическую деятельность проводят

только Высший Государственный Совет, Постоянный Комитет и Совет Министров Союзного государства. Главный законодательный орган — Парламент Союзного государства — так и не был создан, альтернативой ему служит Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. Суд и Счетная палата, предусмотренные Договором «О создании Союзного государства», также отсутствуют: Беларусь и Россия не достигли достаточной степени интегрированности, чтобы развивать единую судебную систему, при этом правоохранительные органы государств ведут тесное взаимодействие в области экономики, международных отношений, правовой системы, социальной политики, безопасности. Особенно успешно развивается сотрудничество в военно-обо-

ронной сфере. Оба государства проводят согласованную военную политику, вырабатывают меры по обеспечению региональной безопасности. В настоящее время на передний план выходят новые задачи по наиболее важным направлениям военного взаимодействия. Ведется выработка единой оборонительной доктрины, доктрины национальной безопасности, определяются принципы взаимодействия двух армий как комплекса с единым управлением, по крайней мере в кризисных ситуациях, и планируется создание единого мощного военно-промышленного комплекса. Имеющийся объем сотрудничества Беларуси и России следует считать важнейшим достижением активного взаимодействия стран в формате Союзного государства.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» от 8 декабря 1999 года // Справочно-информационная система «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 09.12.2021).
2. Карпиленя Н.В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства: монография. — М.: Архонт, 2020. — 426 с.
3. Качалов В.В. Проблемы становления Союзного государства Беларусь-Россия как новой формы интеграции: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2003. — 35 с. — URL: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 09.12.2021).
4. Лукашенко А.Г. Из заявления по итогам заседания Высшего Государственного Совета Союзного государства // soyuz.by. — URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Fwww.soyuz.by%2Fdownload_files%2Fbooks%2Ftekst_kniga_postkoma_s_foto_24.02.2014_1_.doc (дата доступа: 07.12.2021).
5. Малышев Д.В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние // «Постсоветские исследования». — 2019. — № 8. — С. 1551–1562.
6. Открыли двери в новый век: интервью с И. Мельниковым // Союзное государство. — 2019. — № 12 (154). — С. 8–10.
7. Путин В.В. Из выступления на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства // soyuz.by. — URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Fwww.soyuz.by%2Fdownload_files%2Fbooks%2Ftekst_kniga_postkoma_s_foto_24.02.2014_1_.doc (дата доступа: 07.12.2021).
8. Суздальцев А.И. Сменит ли Евразийский экономический союз Союзное государство Белоруссии и России? // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 8. — С. 71–75.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2007. — 571 с.

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования интернет-присутствия политических партий Республики Беларусь. Объектами исследования стали официальные сайты партий и их страницы в социальных сетях, социальные сети партийных лидеров и интернет-ресурсы региональных структур партий. По итогам анализа был составлен итоговый рейтинг активности политических партий Республики Беларусь в сети Интернет.

Ключевые слова: политические партии, политическая коммуникация, интернет-представительство, официальные сайты, социальные сети.

Авторы

Марина Андреевна Цыбулькина

Студентка кафедры политологии
Белорусского государственного
экономического университета
(Минск, Беларусь)

Олег Геннадьевич Казак

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии
Белорусского государственного
экономического университета
(Минск, Беларусь)

Сеть Интернет оказывает влияние на все сферы жизни общества и становится инструментом, который используют для создания имиджа партии. С ростом численности пользователей растет уровень доверия к сети. Сайты партий и их страницы в социальных сетях посредством своей открытости и наличия обратной связи создают новое пространство для участия граждан в деятельности данных политических структур. Проблематика присутствия политических партий в сети Интернет становится актуальной темой политического анализа, ее важность обусловлена необходимостью поиска новых инструментов взаимодействия партий и электората.

Сегодня можно говорить об изменении структуры политической коммуникации (ее роль возрастает с развитием информационного общества [3. — С. 408]) и овлечении в нее Интернета как одного из важнейших каналов. С развитием социальных сетей ускоряется общественная реакция на происходящие политические события. Социальные сети становятся частью жизни как обычных пользователей, так и политических акторов. Это обусловлено тем, что данные площадки способны быстро распространять свежие новости и собирать большую аудиторию.

Проследить, насколько политические партии овладели новыми техно-

логиями, можно путем сравнительного анализа официальных сайтов партий и их страниц в социальных сетях.

Базу исследования составили 15 партий, официально зарегистрированных Министерством юстиции Республики Беларусь по состоянию на 1 января 2021 г. Исследование выполнено в два этапа. На первом этапе оценивались сайты партий и их социальные сети: «ВКонтакте», Facebook, Twitter, «Одноклассники» и Instagram (период: сентябрь 2020 г. — февраль 2021 г.). На втором этапе объектом анализа стали социальные сети партийных лидеров и интернет-ресурсы региональных структур партий (июль — октябрь 2021 г.). Для оценки интернет-активности партий использовались следующие показатели:

- 1) наличие персонального сайта;
- 2) страница в «Википедии»;
- 3) информационный фон (позитивный/негативный/нейтральный);
- 4) дизайн сайта;
- 5) обновление сайта за месяц (февраль 2021 г.);
- 6) количество публикаций на сайте (сентябрь 2020 г. — февраль 2021 г.);
- 7) тематика публикаций (сентябрь 2020 г. — февраль 2021 г.);
- 8) активность в социальных сетях.

Подробнее рассмотрим некоторые аспекты проведенного исследования. По его результатам установлено, что официальные сайты имеют 12 партий из 15 зарегистрированных. Анализ сайтов показал, что почти половина существующих в стране партий себя никак не проявляет: три из них не имеют официального сайта (Белорусская аграрная партия, Белорусская социально-спортивная партия и Социал-демократическая партия народного согласия), еще три партии (Белорусская патриотическая партия, Республиканская партия, Белорусская партия «Зеленые» (далее — БПЗ)) за исследуемый период не обновляли информацию. Эти партии либо ориентируются на тра-

диционные информационные технологии, либо не проявляют информационной активности. Лидеры политической коммуникации в Беларуси (исходя из анализа их официальных сайтов) — Коммунистическая партия Беларуси [2] (далее — КПБ), Белорусская партия левых «Справедливый мир» [1] и Белорусский народный фронт [9] (далее — БНФ). У этих партий наиболее качественные сайты и самый высокий рейтинг интернет-представительства.

Часто обновляемые сайты получают больше симпатий от случайных посетителей, поэтому вполне закономерно, что большое количество публикаций способствует увеличению аудитории. Скорость движения информации в сети Интернет требует, чтобы политические партии всегда находились в динамике. Лучшую динамику за сентябрь 2020 г. — февраль 2021 г. продемонстрировала КПБ: у нее 195 публикаций. Среднемесячное число публикаций — 32,5. Сайт КПБ по числу публикаций занял первое место. Уверенную вторую позицию занимает сайт партии БНФ — 111 публикаций. На третье место претендуют две партии: Консервативно-Христианская Партия БНФ, Белорусская социал-демократическая партия (Грамада) (далее — БСДП(Г)), у которых по 62 публикации за полгода, среднемесячное число публикаций — 10,33. Максимальное число публикаций пришлось на сентябрь — ноябрь 2020 г., что связано с президентскими выборами в Беларуси, и февраль 2021 г. — в связи со Всебелорусским народным собранием.

Известно, что с помощью разнообразного контента сайты охватывают разные группы пользователей и расширяют свою аудиторию. Для оценки тематики публикаций сайтов был использован метод контент-анализа (выделено пять основных тем: внутрипартийная жизнь, политические события 2020 г., экономика, социальная деятельность и жизнь регионов), который показал, что для всех партий характерно

максимальное число публикаций по двум темам: внутривнутрипартийная жизнь и политические события 2020 г. В этой категории лидирует КПБ, на втором месте — партия БНФ. КПБ лидирует не только по числу публикаций, но и по разнообразию их тематики.

Аналогичный контент-анализ был проведен на материалах публикаций в самой популярной социальной сети каждой из партий. На основании проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, самыми активными политическими партиями по этому показателю являются КПБ, Либерально-демократическая партия (далее — ЛДП), Объединенная гражданская партия (далее — ОГП) и партия БНФ. Во-вторых, самыми популярными темами публикаций стали внутривнутрипартийная жизнь и политические события 2020 г. В-третьих, из 15 партий шесть, то есть почти половина, не имеют страниц в социальных сетях, а активную медиатеку (имеют более 80 публикаций за полгода) ведут лишь четыре политические партии (БНФ, ОГП, ЛДП, КПБ).

Социальные сети партий были проанализированы по следующим показателям: количество подписчиков, регулярность обновления, среднее количество комментариев, лайков и репостов на последние 10 публикаций. Исходя из данных критериев, был составлен рейтинг активности партий в социальных сетях, который наравне с рейтингом официальных сайтов партий лег в основу обобщенного рейтинга интернет-представительства партий Республики Беларусь. Самые активные политические партии в социальных сетях — это БПЗ, ОГП, БНФ. Среди политических партий только партия БНФ имеет показатель интернет-присутствия как по рейтингу сайтов (второе место), так и по рейтингу активности в социальных сетях (третье место).

На втором этапе исследования (июль — октябрь 2021 г.) были более

детально проанализированы соцсети партий. Используя соцсети, политические партии могут максимально полно представить свою деятельность, а затраты при этом могут быть меньше, чем при использовании традиционных СМИ. Именно поэтому для политических партий является важным представительство в социальных сетях их партийных лидеров и известных членов партии.

Для исследования взяты социальные сети партийных лидеров и региональных структур 15 политических партий. Для каждого лидера партии и региональной структуры партии собирались ссылки на их страницы в социальных сетях. Страница считалась активной, если за период исследования на ней был хотя бы один пост. Учитывалось:

- 1) количество задействованных социальных сетей;
- 2) общее количество подписчиков;
- 3) количество публикаций;
- 4) среднее количество публикаций в день;
- 5) количество комментариев;
- 6) количество лайков.

Итоговый рейтинг — сумма баллов по всем критериям по шкале от 0 до 10.

Одним из условий популярности партии является наличие харизматичного лидера. Его роль важна в условиях, когда партии сталкиваются с большим количеством проблем, и в момент значимых социально-политических событий. Социальные сети сегодня использует не только молодежь, но и более возрастная аудитория — потенциальные избиратели. Задача политика — привлечь к себе внимание электората не только в реальной жизни, но и в сети Интернет. Чем больше аккаунтов он использует, тем шире охват аудитории. Из всех каналов коммуникации с интернет-аудиторией Facebook — наиболее часто используемая белорусскими политиками сеть. Партийные лидеры для общения используют разное коли-

чество сетей. Первое место по данному показателю занимает лидер партии Белорусская социал-демократическая Грамада (далее БСДГ) С.В. Черечень — шесть социальных сетей, на втором месте лидер ЛДП О.С. Гайдукевич — пять социальных сетей.

Наиболее активный пользователь соцсетей — лидер ЛДП О.С. Гайдукевич. Политик использует пять каналов коммуникации, имеет большую аудиторию подписчиков и лидирует по количеству публикаций. Для него наиболее важный ресурс — Facebook [7]. В этой сети наилучшее сочетание количества публикаций, комментариев и лайков, контент обновляется быстро, в ленте свежие новости. Важны для него и другие интернет-ресурсы («ВКонтакте», Instagram, Одноклассники) — контент обновляется во всех социальных сетях. В Telegram [8] много подписчиков и публикаций, но нет обратной связи с подписчиками (комментарии отключены).

Лидер партии БСДГ С.В. Черечень использует шесть соцсетей, в «гонке за подписчиками» занимает второе место. Популярен политик и в Instagram [4]. В этой сети у него больше всего подписчиков, обратная связь с аудиторией налажена, но присутствует большой интервал в публикациях. Политик эффективно продвигает себя через «YouTube» [5] на канале «Сергей Черечень», где ведет программу «Честный четверг», в которой высказывает личное мнение по политическим темам.

Лидер БПЗ Д.Л. Кучук увлечен публикациями в Facebook и продвигает себя через эту сеть, публикации появляются регулярно. В Instagram у него много подписчиков, но только одна публикация.

Весьма оригинально ведет свою страницу лидер Белорусской партии левых «Справедливый мир» С.И. Калыкин. Он использует сеть Facebook [6], подписчиков нет, публикаций тоже (если не считать две публикации в октябре 2021 г.). Сеть Facebook выбрал и

лидер Н.Г. Козлов, на его странице нет активности.

Лидер партии в соцсетях должен быть активен, отвечать, по возможности, на комментарии, чтобы у подписчиков сложилось впечатление, что он на связи, частота публикаций должна быть равномерной (хотя бы одна публикация в сутки). Более активное обновление контента способствует продвижению страницы, что очень важно для любого политика. С этой задачей справляется лидер ЛДП О.С. Гайдукевич, среднее количество публикаций в день — 5,8. Лидеры партий проявляют разную активность в интернет-пространстве. Лидер КПБ уделяет мало внимания своей странице, последняя публикация — в 2019 г. Полумертвый профиль не повышает рейтинг партии. Лидер ЛДП, наоборот, проявляет большую активность. У него высокая частота обновления контента, посты включают ссылки, видео, фото — все это повышает рейтинг его партии.

Политическая сфера жизни общества играет большую роль в жизни людей. Политическая партия — это тот инструмент, который оказывает влияние на политику. Деятельность политических партий, с точки зрения их коммуникаций, включает в качестве важнейшего элемента получение запросов от гражданского общества [10. — С. 48]. Важно изучать развитие региональных структур партий, ведь через них партии могут работать со всеми слоями общества, что помогает им узнавать настроения своего электората и эффективно решать проблемы населения.

Политические партии Республики Беларусь представлены 1198 региональными структурами, которые делятся на областные, районные, городские и первичные организации. Для анализа представительства региональных структур политических партий в социальных сетях были исследованы все доступные аккаунты областных

структур. Анализировались число подписчиков и количество публикаций. Публикации — показатель активности страницы. Из 15 политических партий областные структуры в социальных сетях имеют только три партии: КПБ, ЛДП и БСДП(Г).

Областные комитеты КПБ — лидеры по этому показателю, аккаунты партии есть в трех областях — Брестской, Гомельской и Минской. Комитеты КПБ используют социальную сеть «ВКонтакте». Областные организации ЛДП в социальных сетях присутствуют в двух областях (Витебской и Гродненской), но публикаций мало, как и подписчиков. Областные организации БСДП(Г) используют три социальные сети (Facebook, «Одноклассники», Instagram), но присутствуют только в Брестской области. Эта партия — лидер по суммарному числу подписчиков (5754), контент во всех сетях дублируется, используется системный подход к ведению аккаунтов. Областные структуры партий Могилевской области не имеют аккаунтов в социальных сетях. Можно сделать вывод, что областные структуры политических партий не осознают необходимости присутствия в социальных сетях и не используют сеть Интернет для работы с избирателями.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было установлено, что интернет-представительство — важная

составляющая успеха в политическом соперничестве, однако белорусские политические партии слабо интегрированы в данный канал политической коммуникации. Не все партии используют возможности интернет-ресурсов на полную мощность. По результатам двух этапов исследования был составлен обобщенный рейтинг интернет-активности политических партий Республики Беларусь. Первое место заняла Либерально-демократическая партия, второе — Коммунистическая партия Беларуси, третье — Белорусская социал-демократическая Грамада.

Эффективность работы партии определяется тем, насколько успешно партия проводит в жизнь свою политику в условиях развития средств коммуникации. По итогам проведенного исследования партиям рекомендуется: а) включить в структуру сайта ссылки, с которых можно перейти в социальные сети на страницу партийного лидера, страницу региональных структур партии; б) лидерам партий необходимо заняться развитием своих профилей в социальных сетях, сделать их узнаваемыми; в) обратить внимание на частоту публикаций в социальных сетях (минимум одна публикация в сутки); г) писать небольшие тексты, оставляя в тексте ссылки — это удобно для поиска информации.

Литература

1. Белорусская партия левых «Справедливый мир», 2020–2021. — URL: <http://spravmir.org/> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Коммунистическая партия Беларуси, 2020–2021. — URL: <http://www.comparty.by/> (дата обращения: 17.12.2021).
3. *Костиневич К.И.* Политическая коммуникация и функция легитимации политической власти // Современные тенденции развития права, государства и интеграционных образований: материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 2–3 ноября 2018 г. / БГУ, юридический ф-т; редкол.: Т.А. Червякова (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2019. — С. 408–409.
4. Лидер партии Белорусская социал-демократическая Грамада. — Instagram, 2020–2021. — URL: <https://www.instagram.com/svcherechen/> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Лидер партии Белорусская социал-демократическая Грамада. — YouTube, 2020–2021. — URL: <https://www.youtube.com/c/Cherechen> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Лидер Белорусской партии левых «Справедливый мир». — Facebook, 2020–2021. — URL: <https://www.facebook.com/kaseiv.smir> (дата обращения: 02.11.2021).

7. Лидер Либерально-демократической партии. — Facebook, 2020–2021. — URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100007581375084> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Лидер Либерально-демократической партии. — Telegram, 2020–2021. — URL: <https://t.me/gajdukevichh> (дата обращения: 04.11.2021).
9. Партия БНФ, 2020–2021. — URL: <http://narodny.org/> (дата обращения: 13.03.2021).
10. Чижов Д.В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Информационное общество. — 2015. — № 4. — С. 46–61.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН

Аннотация

В данной статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «электоральное поведение», с целью комплексного понимания проблемы. Произведен анализ конкретных примеров использования информационных технологий в формировании электорального поведения граждан. Констатируется, что конструирование электорального поведения с помощью информационных технологий противоречит одному из принципов демократии — принципу свободного выбора. Проиллюстрировано, что развитие информационного общества неизбежно приведет к трансформации института демократии, в частности изменится логика избирательных процессов.

Ключевые слова: электоральное поведение, информационные технологии, демократические выборы.

Автор

Ани Рафиковна Антонян

Аспирантка Российско-Армянского Университета,
специалист Отдела международных связей
Общественной телекомпании Армении
(Ереван, Армения)

Электоральное поведение — совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах. Электоральное поведение — поведение людей, связанное с реализацией ими социальных функций избирателей [1].

В политической науке и политической социологии сформировались три основных подхода, по-разному трактующих факторы, определяющие электоральное поведение.

1. Социологический подход основан на признании преобладающего воздействия социальных факторов: социального статуса и социальной среды. Основателями этого подхода считаются А. Зигфрид, С.М. Липсет, С. Роккан, П. Лазерсфельд, Б. Берельсон.

2. Социально-психологический подход, основанный на предположении о

том, что основным фактором, влияющим на голосование, — это партийная или идеологическая идентификация [2].

3. Концепции рационального поведения избирателей, основанные на теории рационального выбора. Их основная идея заключалась в том, что избиратели голосуют за ту политическую силу, которая, по их мнению, способна предоставить им выгоды больше, чем любая другая [3].

Ни один из трех подходов не дает комплексного представления об электоральном поведении, поэтому в последние десятилетия исследователи предпринимают попытки создать интегративные модели этого процесса, которые включали бы разнообразные факторы.

Новые тенденции привели к появлению категории «нового избирателя», по результатам исследований составившего около 10–15% всего электо-

рата развитых демократий. Эта группа характеризуется, в первую очередь, нестабильностью **политических ориентаций** и предпочтений, несмотря на регулярное участие в голосовании. Но именно данная группа предопределяет исход электорального процесса. Знаменитый американский экономист, автор теории «Черного лебедя» Нассим Талеб убежден, что исход событий предопределяет меньшинство, 4% населения могут изменить мир [4. — С. 197].

Французский философ-постмодернист Жан Бодрийяр в работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» констатирует, что в современном мире исход всех политических и социальных процессов предопределяет именно меньшинство: «Не стоит ли задуматься над тем странным обстоятельством, что после многочисленных революций и сто- или даже двухсотлетнего обучения масс политике, несмотря на активность газет, профсоюзов, партий, интеллигенции — всех сил, призванных воспитывать и мобилизовывать население, все еще (а точно такой же ситуация будет и через десять, и через двадцать лет) только лишь тысяча человек готова к действую, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными» [5. — С. 96].

Исходя из этого теоретического убеждения, современные политические технологи анализируют механизмы конструирования политического и электорального поведения именно «нового избирателя», составляющего около 10–15% всего электората развитых демократий. В качестве инструмента конструирования политического и электорального поведения особую роль играют информационные технологии. В научной литературе существует множество подходов, по-разному определяющих понятие «информационные технологии». В рамках данной работы мы будем руководствоваться определением М. Кастельса, который рассматривает данную категорию сле-

дующим образом: «Информационная технология — система взаимосвязанных методов и способов сбора, хранения, накопления, поиска, обработки информации на основе применения средств вычислительной техники» [6. — С. 492–493].

В контексте конструирования электорального поведения особое внимание следует уделить **обработке информации** с помощью информационных технологий. Обработка позволяет не просто составить представление о личностях электората, но и создать их полноценный профиль, где указаны убеждения, особенности характера, предпочтения, интересы и многое другое. Именно такой анализ дает возможность для эффективного **микротаргетирования электората**.

В этом контексте следует рассмотреть достаточно известный скандал касательно анализа данных Cambridge Analytica. Анализируя большие данные, Cambridge Analytica выстраивала психологическую карту пользователей Facebook, выделяя, какие мотивации могут повлиять на поведение отдельных пользователей. Исходя из этого, алгоритм доносил адресную политическую рекламу, эффективным образом влияющую на электоральное поведение.

Согласно информации The Observer существуют вполне обоснованные данные, что такой же механизм был задействован в ходе Брекзита, чей итог определил участие прежде бездействующего политического меньшинства. С помощью информационных технологий был осуществлен психографический маркетинг, за счет которого политически апатичное меньшинство было мотивировано на участие в электоральных процессах.

Формирование информационного общества как нового типа социальной организации естественным образом предопределяет начинающуюся трансформацию социальных и поли-

тических коммуникаций и институтов. При переходе к информационному обществу происходит трансформация как социально-экономической, так и общественно-политической организации общества, а также структурное изменение властей, в результате чего информационный фактор становится существенно более значимым в социальном и политическом регулировании [6. — С. 7].

Следовательно, демократический институт под воздействием информационных технологий также трансформируется. В данном случае под воздействием информационных технологий дискредитируется один из важнейших инструментов демократического управления — выборы. А.Х. Халитова отмечает, что выборы обретают тенденцию превращения в действенный институт народовластия, основную форму политического участия, в способ реализации субъективных политических прав граждан. [7].

А.А. Бучин полагает, что выборы есть **«сознательная деятельность** определенного круга граждан по делегированию своих властных полномочий органам публичной власти либо должностным лицам, важнейшая форма

участия их в управлении государством» [9]. Конструирование электорального поведения через микротаргетирование граждан противоречит идее сознательного выбора. Вышеизложенный анализ конкретных примеров использования информационных технологий в формировании электорального поведения граждан демонстрирует уязвимость института прямых выборов. Если крупные корпорации отслеживают миллионы или даже миллиарды людей, а собранная информация в форме электронных данных может интерпретироваться машинами, можно предположить, что технологии позволяют предопределить исход любого политического процесса. Учитывая, что международные правозащитные организации и политологическое сообщество обоснованно указывают на технологические угрозы либеральной демократии, можем утверждать, что в обозримой перспективе институт прямых выборов существенно изменится: будет введен институт выборщиков, представители которого станут соответствовать определенным требованиям либо будут обладать «психологическим иммунитетом» к информационно-технологическому воздействию.

Литература

1. Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2011.
2. *Lipset S.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. An Introduction / S. Lipset, M. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments. — N.Y.: The Free Press, 1967.
3. *The American Voter* / A. Campbell et al. — N.Y.: John Wiley and Sons, 1960.
4. *Талей Н.Н.* Рискают собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. — 1-е изд. — М.: Колибри, 2018. — 384 с.
5. *Baudrillard J.* A L'ombre des Majontes Silencieuses, ou la Fin du Social. — Paris: Editions DENOEL, 1982; Перевод с французского Н.В. Сулова. — Центр гуманитарных технологий. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/125>.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 492–493.
7. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации: Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия XXI века. — М.: ВЛАДОС, 1994. — С. 7.
8. *Халитова А.Х.* О политологическом понимании понятия «выборы» // Вестник ТГГПУ. — 2006. — № 5. — С. 56–61.
9. *Бучин А.А.* Конституционные функции выборов в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008. — 25 с.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНОМ НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается феномен цифровых технологий как инструмента участия граждан в управлении регионом. Анализируется опыт Европы и России. Особенное внимание уделяется цифровизации гражданского участия в Орловской области как примеру использования данных технологий в регионах России. Авторы считают, что электронные методы гражданского участия в регионах находятся на существенно более низком уровне в сравнении с Москвой. В работе выявлены проблемы развития цифровых инструментов в регионах РФ и представлены перспективы их использования.

Ключевые слова: цифровизация, гражданское участие, цифровые технологии, управление регионом, Интернет, демократия.

Авторы

Илья Николаевич Королев

Студент философского факультета
Орловского государственного университета
имени И. С. Тургенева
(Орел, Россия)

Велимир Альбертович Чабанюк

Студент философского факультета
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева
(Орел, Россия)

Принято считать, что первым, кто ввел в научный оборот дефиницию «цифровизация», является американский информатик Николас Негропonte. Он употребил данный термин в 1995 году в своей книге «Быть цифровым» [11. — С. 8].

Анализируя работы российских исследователей, акцентирующих на рассмотрении разных аспектов изучения цифровизации, можно говорить о складывании двух подходов: диалектического и институционального. В работах Г.А. Малышевой [13. — С. 40–46], Е.А. Поповой и З.С. Мартеньяновой

[16. — С. 162–166], Е.С. Устинович [21. — С. 32–36], С.М. Зубаревой [9. — С. 23–32] используется диалектический подход, позволяющий дать оценку динамике развития, закономерностям, противоречиям и потенциальным рискам цифровизации. Институциональный подход к исследованию представлен работами А.В. Маковейчука [12. — С. 10–15], Е.С. Селивановой [18. — С. 190–196], Э.Л. Сидоренко, И.Н. Барцица и З.И. Хисамовой [19. — С. 93–114]. Данный метод переводит фокус внимания на процессы взаимодействия органов государственной

власти с институтами гражданского общества [1. — С. 10].

Сегодня цифровизация — это явный тренд. Она является наиболее заметной тенденцией современного мира. Начавшись с внедрения в экономической сфере, цифровизация вскоре распространилась и на другие области общественной жизни, вплоть до использования в политико-публичном пространстве. Интенсификация развития цифровых технологий в начале нашего века позволяет изменить векторы государственной политики «в сторону народа», то есть на участие большинства граждан в региональном управлении.

Они являются одним из способов увеличения прозрачности принятия решений на уровне регионов, эффективности работы и подотчетности органов государственной власти, а в конечном счете и рожают новые каналы участия граждан. Таким образом, в данной работе акцент делается на внедрение цифровых технологий в политическое поле с целью включения большего числа граждан в процесс управления регионом. Цифровое участие граждан в таком случае — это включаемость их в процесс принятия решения той или иной проблемы региона.

Обратимся к европейскому опыту цифровизации гражданского участия. Анализируя информацию по странам ЕС, зарубежные авторы отмечают достаточно низкий уровень активности европейцев даже в условиях развитых механизмов цифрового участия. Так, в среднем по странам ЕС, доля граждан, участвовавших в последние три месяца в электронных консультациях или в электронном голосовании, составляет около 10% [25].

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на востребованность у граждан и их удовлетворенность цифровым взаимодействием с государством, является цифровое доверие [17]. Недостаток учета этого может

стать причиной снижения востребованности цифрового взаимодействия. Так, по данным Евростата, в 2019 году 8% европейцев не осуществляли либо ограничили взаимодействие с органами власти посредством сети Интернет исходя из соображений безопасности. В России же уровень цифрового доверия граждан к государству находится в целом на высоком уровне [8].

Подобная ситуация стала возможной благодаря нескольким факторам, которые, как представляется, являются драйверами цифрового доверия, сложившегося в России. В рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ» используется понятие «цифровая среда доверия», то есть нормативное регулирование, создание безопасной среды с благоприятным правовым режимом системы идентификации и аутентификации физических и юридических лиц. Таким образом, формируются правовые условия, способствующие созданию единой цифровой среды доверия, позволяющие пользоваться проверенными цифровыми технологиями, защищенными сквозным шифрованием [17].

Кроме того, в 2009 году начал функционирование интернет-портал «Госуслуги». Он позволяет принять участие в развитии региона проживания посредством высказывания своего мнения, предложения идей, сообщения о проблемах. Красноречиво доказывает безопасность и востребованность Госуслуг исследование Высшей школы экономики (ВШЭ), согласно которому большинство граждан, около 85%, высказали доверие порталу [10].

В рамках работы будет полезным обратиться к столичному опыту. На данный момент Москва является одним из самых технологичных городов в мире, что подтверждают международные рейтинги [14].

Большое внимание городские власти уделяют привлечению гражданского участия в решении проблем города.

Высокие показатели пользования населением мобильными технологиями и распространения Интернета позволяют постепенно переводить процесс гражданского участия в цифровой формат.

В рамках коммуникативной стратегии управленческой деятельности С.С. Собянина с мая 2014 года в Москве реализуется проект «Активный гражданин». С помощью него москвичи имеют возможность проголосовать по вопросам, которые непосредственно касаются жизни города. Жители получают баллы за социально активную деятельность в проекте и имеют возможность обмена баллов на ценные призы, например, льготный проезд в общественном транспорте, сувениры или приглашения на мероприятия. Таким образом, разработчики системы пытаются решить классическую проблему «политической пассивности населения».

Однако Москва — крупный город, который вмещает в себя множество разнородных территорий. Существует большое количество точечных проблем, которые затрагивают жителей конкретного района или дома. Для решения таких вопросов есть проекты «Мой район» и «Электронный дом». Данные продукты являются ярким примером локализации гражданского участия.

«Мой район» позволяет жителям участвовать через интернет-ресурсы в выборе мест для благоустройства районов и содействовать созданию комфортной городской среды. Проект был реализован на основе концепции «15-минутного города», которая была предложена профессором Сорбонны Карлосом Морено. Она заключается в создании сегментированного города, в отдельных районах которого существует вся необходимая для комфортной жизни инфраструктура [22].

В России с 1990-х годов активно развивается такая форма гражданского участия, как ТОС (территориальное

общественное самоуправление). Оно закреплено в Федеральном законе от 28.08.1995 и реализуется в том числе на уровне отдельных домов. Москва стала первым городом, власти которого перевели ТОС в цифровой формат. Проект «Электронный дом» стал успешным примером такой реализации. Его задача — «предоставить горожанам эффективный инструмент для управления и обслуживания собственного жилья в многоквартирном доме» [15]. В условиях, при которых в большинстве регионов (в том числе в Орловской области) общение жителей осуществляется в самостоятельно созданных «домовых чатах», в столице взаимодействие жителей дома приняло структурированный, передовой характер.

Конечно, процесс цифровизации гражданского участия в Москве имеет свои проблемы и трудности. Например, на фоне пандемии коронавирусной инфекции был закрыт проект «Моя улица». Также до сих пор значительная часть населения города не имеет возможности использования вышеперечисленных сервисов, так как для этого недостаточно технически обучена и оснащена. Однако в сравнении с другими регионами России Москва — авангард в деле цифровизации гражданского участия в управлении регионом.

Проанализируем данную ситуацию в Орловской области и на ее примере рассмотрим внедрение электронных средств коммуникации для привлечения граждан к управлению регионом. 25 декабря 2017 года Правительство Орловской области запустило проект интернет-портала «Обращаем внимание». Проект презентовал глава региона А.Е. Клычков. Главной функцией сайта станет прием жалоб от жителей. Все они будут подлежать регистрации. Ответ на обращение чиновники дадут не в течение 30 дней, как это предполагает закон, а за восемь суток. Личный надзор за исполнением сроков губернатор взял на себя. В феврале 2018 года

инструментарий сайта расширился, а его действие распространилось на всю территорию Орловщины [5].

В декабре 2018 года состоялся научный форум «Общественные отношения в эпоху цифровизации: проблемы, вызовы и пути решения», на котором выступил А.Е. Клычков. Он сказал, что в Орловской области создаются условия для активного взаимодействия граждан с властью в социальных сетях. Отметим, что А.Е. Клычков имеет официальные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram, а в декабре 2021 года вошел в ТОП-5 самых активных региональных глав в Instagram [23]. Губернатор сделал акцент на том, что благодаря этому организуются поддержка обратной связи с гражданами, учет их предложений, появляется возможность своевременной реакции на критику [3].

План регионального проекта «Цифровое государственное управление» предполагает достижение ряда показателей. Доля электронного взаимодействия граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами к концу 2020 года должна была достигнуть 30%, а к концу 2021 года — 40% [6]. Отметим, таким образом, наращивание внедрения цифровых технологий, но недостаточными темпами.

В ноябре 2020 года заработал Центр управления регионом (ЦУР) Орловской области. Аналогичные центры также функционируют во всех субъектах страны. Это новая площадка для жителей Орловщины в рамках взаимодействия с органами власти. Главная заявленная цель — оперативное решение проблем жителей области. Специалисты ЦУР отслеживают вопросы, жалобы и предложения жителей, опубликованные в социальных сетях, средствах массовой информации и иных открытых источниках. После получения обращения Центр передает его напрямую в органы власти. На ответ дается не более 24 часов [7].

Также у жителей Орловщины существует возможность подать электронные заявления в интернет-приемную Правительства региона. Можно подать заявление, жалобу, обращение на имя губернатора, его заместителей, руководителей органов исполнительной государственной власти специальной компетенции Орловской области. Ответ приходит на указанную в письме электронную почту в течение месяца.

Однако Орловская область имеет ряд проблем, характерных для процесса цифровизации гражданского участия регионов в России. Например, недостаточные показатели использования интернета населением. По состоянию на 2020 год в Орловской области только 61% населения ежедневно выходит в интернет [20. — С. 124]. С таким уровнем доступа к Всемирной паутине сложно говорить о широкомасштабном переводе гражданского участия в цифровой формат.

С 15 октября по 14 ноября 2021 года прошел основной этап Всероссийской переписи населения. Впервые в истории страны и региона у жителей была возможность принять участие онлайн, через сайт «Госуслуги». Около 82,4% жителей области переписались, из них 65,6% были опрошены переписчиками или прошли перепись на стационарных участках. Только 16,8% жителей переписались посредством портала «Госуслуги», что говорит о недостаточном уровне использования цифровых методов участия в жизни государства [4].

Другой проблемой является нехватка специалистов в данной сфере. Безусловно, политика — специфичная область, в том числе для применения в ней цифровых технологий. По этой причине мы наблюдаем острую нехватку специалистов, способных совмещать политическое знание и навыки в области электронных систем. Данную проблему пытаются решить ведущие вузы России.

Например, в СПбГУ существует магистерская программа «Политика и современные информационные технологии», в МГУ — «Искусственный интеллект и цифровые технологии в современной политике». Однако данные программы стали реализовываться относительно недавно и пока не способны удовлетворить кадровый голод в такой сфере. Особенно это актуально для регионов, где местные вузы пока не открыли специальности, совмещающие цифровизацию и политическую сферу.

Выше перечислен только ряд проблем, с которыми сталкиваются регионы в данной области. Они требуют глубокого изучения и комплексного подхода к их решению, что поднимает вопрос мотивации государственных служащих в привлечении граждан в процесс управления регионом.

Использование цифровых методов вовлечения граждан в управление регионом имеет большие перспективы. Как выяснилось, Москва обладает успешным опытом в данной сфере, который с течением времени может послужить опорой для цифровизации гражданского участия в других регионах России.

Как отмечали Г. Алмонд и С. Верба, «гражданин — в отличие от подданно-

го — является активным участником политического процесса на “входе” — того процесса, посредством которого принимаются политические решения» [2. — С. 167]. Цифровые технологии могут значительно упростить процесс участия граждан в жизни региона и государства, что может стать одной из предпосылок становления гражданской культуры.

Процесс построения демократического государства очень сложен и требует консолидированной работы власти и общества. Цифровые технологии могут стать инструментом, который позволит интегрировать усилия гражданского общества и государственных органов.

Такие методы будут особенно актуальны в ближайшее десятилетие, когда с каждым годом доля населения, обладающего доступом к интернету, будет расти, а уровень первичных навыков использования цифровых устройств — повышаться.

Однако цифровые методы могут использоваться уже сейчас, в том числе для вовлечения молодежи в дело управления регионом, так как молодые люди часто саботируют классические методы гражданского участия.

Литература

1. Авцинова Г.А. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // PolitBook. — 2019. — № 4. — С. 6–20.
2. Алмонд Г.А. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах // Г.А. Алмонд, С. Верба; перевод с английского Е. Генделя; Фонд «Либеральная миссия». — М.: Мысль, 2014. — С. 167.
3. Андрей Клычков: «В Орловской области мы стремимся охватить программой цифровизации все сферы социально-экономической деятельности и общественной жизни» [Электронный ресурс] // Орловское областное отделение КПРФ. — URL: <http://www.kprforel.ru/one-news/Novosti2/Andrej-Klychkov-V-Orlovskoj-oblasti-my-stremimsya-ohvatit/> (дата обращения: 15.12.2021).
4. Более 80% населения Орловской области приняли участие в переписи [Электронный ресурс] // ИА «Орелград» — Новости Орла и Орловской области. — URL: <https://orelgrad.ru/blog/2021/11/08/bolee-80-naseleniya-orlovskoj-oblasti-prinyali-uchastie-v-perepisi/> (дата обращения: 15.12.2021).
5. В Орле начал работу новый сайт для жалоб жителей [Электронный ресурс] // Новости Орла и Орловской области: главные новости на сегодня. — URL: <https://www.orel.kp.ru/daily/26774/3808257/> (дата обращения: 15.12.2021).

6. В Орловской области будут реализованы пять региональных проектов, направленных на достижение целей национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Орел регион — Новости Орла и Орловской области. — URL: https://regionrel.ru/novosti/society/v_orlovskoy_oblasti_budut_realizovany_pyat_regionalnykh_proektov_napravlennykh_na_dostizhenie_tseyey/ (дата обращения: 15.12.2021).
7. Добро пожаловать. Куда писать орловцам, чтобы решить проблемы? [Электронный ресурс] // АиФ Черноземье: новости и главные события Воронежа и Воронежской области. — URL: https://chr.aif.ru/orel/dobro_pozhalovatsya_kuda_pisat_orlovcam_chtoby_reshit_problemy (дата обращения: 15.12.2021).
8. *Добролюбова Е.И.* Оценка цифровизации взаимодействия государства и граждан / Е.И. Добролюбова, А.Н. Старостина // Статистика и экономика. — 2021. — № 2. — С. 45–56.
9. *Зубарев С.М.* Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6 (115). — С. 23–32.
10. Исследование: порядка 85% взрослого населения доверяет цифровым госсервисам [Электронный ресурс] // Новости в России и мире — ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/11121571> (дата обращения: 14.12.2021).
11. *Коньков А.Е.* Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 6–28.
12. *Маковейчук А.В.* Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2018. — № 4 (34). — С. 10–15.
13. *Малышева Г.А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. — 2018. — Т. 2. — № 1. — С. 40–46.
14. Москва вошла в топ-20 рейтинга цифровой трансформации городов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы. — URL: <https://www.mos.ru/news/item/77965073/> (дата обращения: 14.12.2021).
15. О проекте [Электронный ресурс] // Электронный дом. — URL: <https://ed.mos.ru/about> (дата обращения: 15.12.2021).
16. *Попова Е.А.* Государственная политика в области цифровой трансформации общества / Е.А. Попова, З.С. Мартемьянова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2018. — № 3. — С. 162–166.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р // Правительство России: официальный сайт. — URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 14.12.2021).
18. *Селиванова Е.С.* Институциональная природа цифровизации российского коммуникационного пространства в системе общественно-политического и корпоративного взаимодействия // Via in tempore. История. Политология. — 2018. — № 1. — С. 190–196.
19. *Сидоренко Э.Л.* Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты / Э.Л. Сидоренко, И.Н. Барциц, З.И. Хисамова // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2019. — № 2. — С. 93–114.
20. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, О.Е. Баскакова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Координационный центр национального домена сети Интернет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — С. 124.
21. *Устинович Е.С.* Цифровизация социальной сферы России // Социальная политика и социальное партнерство. — 2019. — № 2. — С. 32–36.
22. Что такое «15-минутный город»? [Электронный ресурс] // 34travel.me — журнал о новой культуре путешествий. — URL: <https://34travel.me/post/15-min-city> (дата обращения: 15.12.2021).
23. Эксперты зафиксировали значительную активность Клычкова в Instagram [Электронный ресурс] // Новости Орла и Орловской области — «Орелтаймс». — URL: <https://oreltimes.ru/news/obshhestvo/jeksperty-zafiksirovali-znachitelnuju-aktivnost-klychkova-v-instagram/> (дата обращения: 15.12.2021).

24. *Abu-Shanab E.* Predicting trust in e-government: Two competing models // *Electronic Government*. — 2019. — № 15 (2). — С. 129–143. — DOI: 10.1504/EG.2019.10015730.
25. *Le Blanc D.* E-participation: a quick overview of recent qualitative trends [Электронный ресурс]. — URL: www.un.org/development/desa/publications/working-paper/wp163/ (дата обращения: 15.12.2021).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Аннотация

В статье анализируется эволюция экологической политики Японии на протяжении последних сорока лет. На основе анализа делаются выводы о том, что экологическая политика Японии претерпевала коренные изменения в сторону укрепления роли страны на глобальном уровне и снижения роли экономического лобби внутри государства. Предложенный анализ показывает, что Япония стала одной из первых в мире стран, которая на практике реализует принципы устойчивого развития. Автор приходит к выводу, что в конце XX — начале XXI века Япония стала более ответственной в сфере экологии, что связано с возрастанием роли экологических факторов в международных отношениях, а также с увеличением внимания к вопросам окружающей среды в рамках данной страны. Япония вошла в число наиболее активных участников процесса формирования новой глобальной экологической архитектуры, а также входит в число лидеров в области принятия мер по смягчению последствий изменения климата.

Ключевые слова: Япония, экологическая политика, лоббизм, устойчивое развитие.

Автор

Дмитрий Сергеевич Кукреш

Студент магистратуры кафедры политического анализа, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Критики утверждали, что природоохранное законодательство Японии было менее могущественным, чем казалось на первый взгляд. Законы не устанавливали конкретных норм выбросов загрязняющих веществ и не предусматривали финансирования мер по обеспечению соблюдения нормативных требований. Определение и обеспечение соблюдения разрешенных уровней были оставлены на усмотрение национальных и префектурных бюрократий, еще более увеличивая их власть. Участие граждан в структурах не предусматривалось вовсе. В то время как агентство по охране окружающей среды, казалось, могло обеспечить координацию политики в области загрязнения, это был лишь новый игрок, чье присутствие вызывало возмущение и сопротивление тех, кто работал в бо-

лее влиятельных экономических министерствах. У агентства был небольшой бюджет, оно в значительной степени полагалось на сотрудников, прикомандированных из других ведомств, и ему даже не давали контроля над всеми полномочиями по регулированию окружающей среды; министерство международной торговли и промышленности, например, продолжало регулировать загрязнение от электростанций [2. — С. 125]. Не было никаких требований по поводу воздействия на окружающую среду, даже для промышленных проектов, спонсируемых правительством, и не предусматривалось участие города при рассмотрении проектов. Нормы выбросов в основном приводились в соответствие со стандартами США, никогда не превышая их, поскольку автомобильная промышленность со-

противлялась введению более жестких мер. Диоксин — тривиальное название, используемое для обозначения группы токсичных химических веществ, которые, как известно, даже в очень малых количествах являются канцерогенными и тератогенными (могут вызывать аномалии развития плода), до 2000 года регулировался очень слабо по сравнению с большинством других промышленно развитых стран. В отчете экологического министерства, опубликованном в 1999 году, указывалось, что уровни диоксида в грудном молоке японских женщин в двадцать шесть раз превышали безопасный предел, установленный в Японии в 1984 году [7. — С. 2]. Уровень содержания оксида азота от выхлопных газов автомобилей оставался долгое время неизменным — усовершенствование технологии выхлопа автомобилей более чем компенсировалось увеличением количества автомобилей и мощностью их двигателей. Тем не менее агентство, а затем министерство окружающей среды действительно изменили ситуацию в лучшую для экологии сторону.

До 1990-х годов экологические проблемы в Японии рассматривались в основном в контексте внутренних проблем. Хотя С. Авенелл утверждает, что уже с конца 1960-х годов в Японии существовал сильный «транснациональный» элемент гражданского общества и политической культуры, и на Стокгольмской конференции в 1972 году уже были некоторые представители НПО Японии, которые пытались координировать свои протесты против загрязнения окружающей среды с международными активистами, фактически это произошло только двадцать лет спустя, начиная с конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро, когда политика правительства Японии переориентировала внимание с внутреннего загрязнения окружающей среды

на более широкие экологические проблемы в международном контексте [1]. Япония была первой индустриальной страной, официально признавшей важность угрозы, исходящей от глобального потепления. В 1989 году премьер-министр Такешита Нобору определил эту область политики как ту, в которой Япония могла бы безопасно повысить свой международный рейтинг, поскольку данная сфера не имела военного подтекста и обладала потенциалом для расширения возможностей японских предприятий, производящих экологически чистые продукты. Этот вопрос много раз обсуждался в рамках ЛДП, и к 1992 году можно было идентифицировать экологическую группировку внутри партии. Однако разногласия на уровне министров возникли по поводу целевых показателей сокращения выбросов CO₂, поскольку агентство окружающей среды стремилось поддержать стремление страны занять лидирующую роль, в то время как министерство международной торговли и промышленности призывало для сохранения конкурентоспособности следовать примеру США, игнорируя экологическую повестку. Такешита Нобору (к тому времени уже не премьер-министр) провел совещание видных деятелей по глобальной окружающей среде в Токио в апреле 1992 года в преддверии конференции в Рио в июне следующего года. На последнем Япония подписала «Повестку дня на XXI век», которая включала рамочную конвенцию об изменении климата. При этом не уточнялись меры, которые должны быть приняты подписавшими сторонами: они должны были обсуждаться на ежегодных конференциях сторон. Япония выиграла право на проведение конференции в Киото в декабре 1997 года, которая заложила основу Киотского протокола, подписанного в апреле 1998 года и ратифицированного самой Японией лишь в июне 2002 года [6]. В связи с этим акцент экологической

политики на внутренней и на внешней арене сместился с промышленного загрязнения на такие транснациональные проблемы, как «кислотные дожди» и «парниковые газы». В ноябре 1993 года был принят новый основной закон об окружающей среде, цель которого состояла в том, чтобы защитить окружающую среду, признав ее основной системой жизнеобеспечения. Беспочвенность по поводу экологических проблем распространялось на все области политики. К примеру, с тех пор Япония стала активно участвовать в региональном сотрудничестве в области охраны окружающей среды в Восточной Азии [5. — С. 105]. Базовый план по экологии обновлялся в 2000 году и затем каждые шесть лет, в то время как агентство по охране окружающей среды было повышено до статуса министерства в ходе реформ, проведенных в январе 2001 года. Премьер-министр Д. Коидзуми и министр окружающей среды Коике Юрико инициировали программу, которая поощряла офисных работников мужского пола снимать с себя куртки и галстуки и устанавливать кондиционер на 27° С. Его преемник С. Абэ объявил об амбициозной стратегии «Cool Earth 50», но она не обязывала Японию к существенному изменению экологической политики. Министерство экономики, торговли и промышленности по-прежнему было обеспокоено тем, что государственная политика не должна приносить в жертву конкурентоспособность или прибыльность японского бизнеса ради политически мотивированного сокращения выбросов. Тем временем японская деловая федерация выступала за государственную поддержку для продвижения конкурентного преимущества Японии в области зеленых технологий, требовала государственных субсидий для сертификации экологически чистых товаров. Во время правления С. Абэ японская деловая федерация выступала за увеличение выбросов CO₂ на 4 процента по сравнению с уровнем 1990 года, в то

время как министерство окружающей среды предложило сократить расходы на 15 процентов, а экологическое лобби настоятельно рекомендовало 25-процентное сокращение. Компромисс С. Абэ был во многом соломоновым решением и заключался в том, чтобы взять на себя обязательство по сокращению на 15 процентов, но на основе уровня 2005 года, к 2020 году — всего на 8 процентов меньше, чем в 1990 году. Демократическая партия Японии включила проблему глобального потепления в свои манифесты, и Хатояма в первые несколько недель пребывания на посту премьер-министра от Демократической партии поставил перед всей Японией амбициозную цель по сокращению выбросов углерода на 25 процентов по сравнению с уровнем 1990 года к 2020 году. Это было сделано для подтверждения ведущей роли Японии в глобальном управлении изменением климата, поскольку действие Киотского протокола должно было истечь в 2012 году. Однако еще до землетрясения, цунами и аварии на АЭС по состоянию на март 2011 года Япония не добилась значительного прогресса в достижении этих целей. Выбросы углерода должны были сократиться на 6 процентов в период с 2009 по 2012 год, но вместо этого увеличились на 8 процентов. Опасения по поводу безопасности атомных электростанций привели к тому, что через год после аварии на «Фукусиме», в период с марта 2011 по май 2012 года, каждая из атомных станций была закрыта на тринадцатимесячную проверку, и их деятельность можно было возобновить только с согласия местных органов власти. Все пятьдесят четыре АЭС, работавшие в марте 2011 года — с потенциалом для производства до 28 процентов электричества — были закрыты к середине мая 2012 года. Это заставило переосмыслить энергетическую политику, но новый план, опубликованный по графику весной 2012 года, тем не менее подтвердил

приверженность Японии устойчивому низкоуглеродному обществу и продвижению «зеленой экономики», хотя и со ссылкой на необходимость принятия мер по ликвидации последствий катастрофы на АЭС «Фукусима» [3]. Шесть лет спустя пятый базовый план четко вписывается в международный контекст цели устойчивого развития ООН (ЦУР) на 2030 год. Япония приняла на себя эти обязательства, когда ратифицировала Парижское соглашение, которое вступило в силу в 2016 году. В нем говорится о шести приоритетных стратегиях, включая 80-процентное сокращение выбросов парниковых газов к 2050 году, защиту биоразнообразия и развитие «зеленых экономических систем» с использованием новых технологий, основанных на собственном интеллекте и интернете вещей, как для создания устойчивых регионов внутри страны, так и для международного вклада в рамках стратегических партнерств. Это предполагает определенную степень координации между разными областями политики, такими как экологическая и региональная. Оказывается поддержка «умным городам» и зеленой инфраструктуре, разработан план восстановления пострадавшего от стихийного бедствия региона Тихоку путем создания проекта «Инновационный берег». С другой стороны, в документе министерства экономики, торговли и промышленности «Видение будущего на 2030-е годы», опубликованном в мае 2017 года, прямо не упоминается «зеленая повестка дня», что может отражать глубоко укоренившиеся различия между подходами этих двух министерств и влияние данного раскола на всю государственную политику.

Оппозиционные партии, поддерживаемые в том числе некоторыми влиятельными политиками правящей партии, в частности бывшим премьер-министром Д. Коидзуми, выступают за решительные шаги в отношении непрекращающейся зависимости от ядерной энергетики, но эта тема, види-

мо, не находит должного понимания и отклика у японского электората. С одной стороны, правительство С. Абэ ратифицировало Парижское соглашение в ноябре 2016 года, установив цели по сокращению выбросов CO₂ на 26% ниже уровня 2013 года к 2030 году (на 18% ниже уровня 1990 года); с другой стороны, целевые показатели на 2030 год требуют, чтобы 20–22% энергии приходилось на ядерную энергетику, а только 24% — на возобновляемые источники и 26% — на угольные электростанции, в то время как большинство других стран мира, за исключением КНР, постепенно отказываются от них. С. Холройд отмечает, как катастрофические нефтяные потрясения 1970-х годов стимулировали первые попытки министерства экономики, торговли и промышленности по продвижению производства возобновляемой энергии, которые заложили основу для политики зеленого роста, проводимой с начала этого столетия [4. — С. 54]. Теперь уже можно говорить об экологическом аспекте внешней экологической политики Японии [8]. Одним из конкретных примеров этого является поддержка Японией «Минаматской конвенции о ртути», подписанной в 2013 году и в настоящее время ратифицированной более чем сотней стран мира. Конвенция непосредственно связана с антропогенным загрязнением ртутью и поддерживается весомым обещанием Японии выделить 2 миллиарда долларов на оказание помощи развивающимся странам, реализующим инициативы по борьбе с загрязнением ртутью [4. — С. 49].

Подходя к выводам статьи, можно констатировать что, начиная с 1950-х годов и вплоть до второго кабинета С. Абэ, экологическая политика Японии определялась в значительной степени в результате межведомственного конфликта, в котором министерство международной торговли и промышленности / министерство экономики, торговли и промышленности конкурировало за первенство сначала с

министерством здравоохранения и благосостояния, а затем с агентством по окружающей среде / министерством окружающей среды. В начале 1970-х, а затем уже в 1990-х годах правящая ЛДП склонялась к поддержке экологической повестки дня вплоть до прихода премьер-министра Р. Хасимото. Возможно, на это в какой-то степени повлиял тот факт, что кабинет Р. Хасимото зависел от поддержки со стороны оппозиции, выступающей за экологическую повестку. Экологические программы оппозиционных партий были хорошо проработаны, и до 11 марта 2011 года казалось возможным, что они могли бы изменить эту область государственной политики. Однако энергетический кризис, разразившийся после аварии на АЭС «Фукусима», позволил министерству экономики, торговли и промышленности возобновить контроль над процессом выработки политических решений, приняв повестку дня в области глобального потепления, а не интегрировав ее в свое мышление. На национальном уровне природоохранные НПО в настоящее время хорошо координируются и интегрированы в международное экологическое сообщество в рамках международной сети

действий в области климата. Скептицизм в отношении изменения климата в Японии нигде не находит серьезного отклика. В отличие от многих других промышленно развитых стран, японские СМИ и общественность широко признают, что антропогенные выбросы углерода вносят значительный вклад в изменение климата и что необходимо принять решительные меры; но в то же время после «Фукусимы» существует глубоко укоренившийся страх перед зависимостью от ядерной энергии. Хотя премьер-министры С. Абэ и Е. Суга не придавали этому вопросу первостепенного значения в ходе своих реформ, экологические проблемы стали неотъемлемой частью многих отраслей государственной политики Японии, но только до тех пор, пока они не считаются для лоббирующих группировок несовместимыми с экономическим ростом. Вполне возможно, что новая администрация Фумио Кисиды могла бы вновь создать коалицию сил, способных бросить вызов доминированию министерства экономики, торговли и промышленности / японской деловой федерации в политике и подтвердить международное лидерство Японии в этой области.

Литература

1. *Avenell S.* Transnationalism and the Evolution of Post-National Citizenship in Japan // *Asian Studies Review*. — 2015. — No. 39 (3). — P. 75–94.
2. *Broadbent J.* Environmental Politics in Japan: Networks of Power and Protest. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
3. *Hattori T.* Japanese Foreign Policies on Global Climate Change: from Kyoto to Paris // *Routledge Handbook on Japanese Foreign Policy*. — Abingdon: Routledge, 2018. — P. 88–101.
4. *Holroyd C.* Green Japan: Environmental Technologies, Innovation Policy, and the Pursuit of Green Growth. — Toronto: University of Toronto Press, 2018.
5. *Kim I.* Push and Pull by Japan for Regional Environmental Cooperation: Transboundary Air Pollution in East Asia. — Routledge, 2018.
6. *Oshitani S.* Global Warming Policy in Japan and Britain: Interactions between Institutions and Issue Characteristics. — Manchester: Manchester University Press, 2006.
7. *Rosenbluth F.M.* The Political Economy of Japanese Pollution / F.M. Rosenbluth, M.F. Thies // *The American Asian Review*. — 2002. — No. 20 (1). — P. 1–32.
8. *Schreurs M.* Global Environmental Problems and Japanese Foreign Environment Policy // *Routledge Handbook on Japanese*, 2018.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНАДЫ В МАЛИ

Аннотация

В данной работе автор проанализировал коммуникации лоббистской организации с должностными лицами в предполагаемый период подготовки правительственного заявления об участии Канады в миротворческой миссии ООН в Мали (МИНУСМА). Некоторые канадские СМИ сообщали, что Канада недавно принимала участие в МИНУСМА с целью защиты активов канадских горнодобывающих компаний, работающих в этой стране. Имеется ограниченный набор инструментов, которые помогли бы получить максимально полную картину ситуации в данном случае. Одним из инструментов является изучение сетей коммуникаций между лоббистами, представляющими горнодобывающие компании, и государственными служащими. Получив данные о коммуникациях, автор применил метод сетевого анализа. Согласно полученным доказательствам, вероятность того, что канадская миссия была пролоббирована Горнодобывающей ассоциацией Канады, высока.

Ключевые слова: Канада, миротворчество, Мали, МИНУСМА, канадские горнодобывающие компании, сетевой анализ.

Автор

Владимир Владимирович Тимофеев

Аспирант кафедры американских исследований,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

В последнее время в медиапространстве появилась информация, согласно которой участие Канады в рамках Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА) детерминировалось необходимостью защиты активов канадских горнодобывающих компаний, работающих в этой стране [11; 61]. Нестабильность в Мали ставит под угрозу собственность компаний, занимающихся добычей золота. Есть вероятность, что компании могли пролоббировать участие властей в миротворческой миссии в Мали (МИНУСМА) и использовать миротворчество как инструмент защиты своих активов и обеспечения безопасности хозяйственной деятельности в Мали.

В целом такой механизм лоббирования, направленный на обеспечение

интересов канадских горнодобывающих компаний на международной арене (в частности в Мали), может существовать. Но данная гипотеза требует проверки. Для этого необходимо проанализировать коммуникации между лоббирующей организацией и правительственными должностными лицами в рамках периода, в течение которого, как предполагается, готовилось правительственное заявление об участии Канады в МИНУСМА. С такой целью автор использует сетевой анализ.

Обзор литературы

Множество работ посвящено анализу взаимосвязи между экономическими факторами и гражданскими войнами. В частности, была обнаружена корреляция между экспортом сырья и вероятностью войны [64]. Дойль и Самбанис

обнаружили, что присутствие полезных ископаемых в стране ухудшает процесс восстановления в ней мира [64]. В разных исследованиях в качестве факторов возникновения и протекания конфликта рассматриваются различные полезные ископаемые, например, золото, олово, медь, природные газы и фосфаты. И. де Соиса выявил корреляцию между добычей нефти и началом конфликта [64]. В работе Э. Мигеля, Ш. Сатьяната и Э. Сердженти было доказано, что падение экономического роста на 5% повышает риск возникновения конфликта в течение половины следующего года [20]. Дж. Виктор доказал, что существует корреляция между ВВП страны, которая отправляет контингент миротворческих сил, и численностью данного контингента [69]. С.М. Стожек и Дж. Тир пришли к выводу, что экономические факторы могут влиять на решение постоянных членов Совета Безопасности ООН об отправке миротворческого контингента [66]. Статистически значимая прямая заметная связь между среднегодовым числом коэффициента Шиллера и годовым числом операций ООН по поддержанию мира (ОПМ) была выявлена в нашей работе при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена [5]. В целом в науке существует точка зрения, согласно которой миротворческие операции направлены на стабилизацию функционирования мировой политэкономической системы [63]. При этом все же стоит отметить, что вопрос влияния неолиберального капитализма на зоны конфликта является малоизученным [8].

Хотя экономические факторы операций ООН по поддержанию мира уже изучаются, наиболее распространенное объяснение факторов канадского миротворчества основывается на теории социального конструктивизма. В частности, Дж. Э. Литтл в докторской диссертации утверждает, что Канада на международной арене стремится

артикулировать свою идентичность, что и является причиной активного участия канадских вооруженных сил в операциях по поддержанию мира [17]. Э. Хауэлл указывает, что либеральные ценности, присущие канадскому обществу (такие как миролюбие), играют важную роль во внешней политике Канады [15]. Миростроительство же в данном случае выражает канадские ценности. Л. Уильямс отмечает, что миф о Канаде как о стране-миротворце начал развиваться тогда, когда участие в миротворческих операциях стало очень важным инструментом канадской внешней политики [71]. Д. Джеффересс, следуя конструктивистской логике, указывает на возможность манипулирования мифом о «канадской нации миротворцев» [16]. Иными словами, автор ставит вопрос о том, может ли идентичность канадцев, построенная вокруг миротворчества, использоваться канадскими властями просто как инструмент политической манипуляции.

Проблеме миротворчества посвятили работы и отечественные канадоведы. Д.А. Володин в своей статье дает актуальную информацию о тенденциях в современном канадском миротворчестве и, в частности, описывает ситуацию, складывавшуюся вокруг подготовки участия Канады в миротворческой миссии ООН в Мали (МИНУСМА) [1]. А.Н. Комаров указывает, что правительство Канады, принимая решение об отправке миротворческого контингента, исходит из интересов национальной безопасности, которые включают в себя международную стабильность [4]. Следует особо подчеркнуть статью Е.В. Израелян, в которой она отмечала, что миротворчество является составляющей идентичности канадцев [2]. Также необходимо отметить, что Е.В. Израелян обращает внимание на наличие интересов у канадской стороны, которые мотивировали действия правительства Канады в области поддержания мира. В ка-

честве канадских интересов, реализовавшихся в рамках миротворческой деятельности, автор указывает «обеспечение национальной и глобальной безопасности, возможность получения дивидендов в канадо-американских отношениях...» [2].

Информация о миротворческой операции в Мали и канадских горнодобывающих компаниях

На данный момент в Мали осуществляется миротворческая миссия МИНУСМА, в цели которой входит обеспечение стабильности, безопасности и перемирия в переходный период [19]. Развернуто более 13 000 военных и свыше 1700 полицейских служащих [13]. Среди них 250 канадских военнослужащих и 20 полицейских [3]. Правительство Канады в ноябре 2017 г. объявило о том, что возобновляет активное участие в миротворческих операциях, а 19 марта 2018 г. было заявлено о развертывании военнослужащих и вертолетной группы в Мали [62]. Миссия началась приблизительно в июле 2018 г. и закончилась летом 2019 г. [Там же].

В то же время в Мали золотодобывающие компании осуществляли активную хозяйственную деятельность. На 2013 г. в Мали насчитывалось около десятка канадских компаний, занимающихся добычей золота [70]. Активы канадских компаний (оборотные и внеоборотные средства) в этой стране составляют $\approx 1\,531\,000\,000$ \$ (около 1,5 млрд \$) [12]. Масштабы деятельности золотодобывающих компаний значительные. Канадская горнодобывающая компания Barrick Gold Corporation, эксплуатируя комплекс Луло-Гункото, смогла произвести 660 234 унции золота за 2018 г. [18]. Эксплуатация рудника Морила позволила Barrick Gold Corporation произвести за 2018 г. 29 812 унций золота [21]. Канадская компания B2Gold, реализуя деятельность на руднике Фекола, за

2018 г. произвела 333 788 унций золота [14]. При этом согласно данным, размещенным на сайте компании, было реализовано 348 100 унций при средней цене 1278 \$ за унцию [14]. Для другой канадской компании, IAMGOLD, производственная деятельность на золотом руднике в Садиоле составляет около 10% всего производства [65]. Таким образом, при анализе лишь некоторой доли золотодобывающих компаний, работающих в Мали, можно сделать вывод о том, что на этой стране сконцентрировано внимание больших канадских корпораций, осуществивших инвестиции и заинтересованных в их окупаемости.

Кроме того, материалы конференции Канадской службы разведки и безопасности включают доклад анонимного участника, проанализировавшего угрозы для хозяйственной деятельности канадского горнодобывающего бизнеса в разрываемой конфликтами Мали. В отчете указывается, что безопасность сотрудников и топ-менеджеров канадских горнодобывающих корпораций, а также сама деятельность компаний находятся под угрозой в данной западноафриканской стране [68]. Это может свидетельствовать о том, что канадское правительство могло знать о таких рисках и принимать их во внимание.

Исследование

Методология и процедура исследования

Существует ограниченный набор инструментов, которые дали бы полное представление о ситуации в данном случае. Одним из инструментов является исследование сети связей между лоббистами, представляющими горнодобывающие компании, и государственными должностными лицами, когда эти коммуникации посвящены международным проблемам.

Таким образом, в целях выявления возможных случаев лоббирования канадскими горнодобывающими компа-

ниями своих интересов, выражающихся в защите активов в условиях конфликта, для нивелирования которого была создана миротворческая миссия, следует провести анализ существующих связей между представителями горнодобывающего бизнеса и представителями правительства Канады. Для целей анализа необходимо осуществить «формализованное описание сети», а именно построить социоматрицу. В рамках исследования рассматривается наиболее актуальный и примечательный кейс, а именно миротворческая миссия МИНУСМА. Предполагается, что Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА) может обеспечивать защиту собственности канадских горнодобывающих компаний, которая находится в Мали. Поэтому изучим связи между лоббистами, представляющими интересы добывающего бизнеса, и должностными лицами Канады. Для этого необходимо осуществить «формализованное описание сети», а именно построить социоматрицу.

В целях обеспечения использования сетевого анализа необходимо осуществить сбор данных. Для изучения лоббистской деятельности рассмотрим наиболее крупного игрока-лоббиста, а именно Горнодобывающую ассоциацию Канады (Mining Association of Canada, MAC, Оттава, Канада). Анализ крупнейшей лоббистской организации, защищающей интересы горнодобывающих компаний и являющейся главным представителем горного бизнеса Канады, отвечает критерию репрезентативности.

Чтобы проанализировать возможные коммуникации между лоббистами и должностными лицами, в рамках которых, предположительно, обсуждалось участие Канады в миссии МИНУСМА, были взяты сведения с сайта Управления комиссара Канады по лоббированию. Это агентство уполномочено регистрировать все встречи лоббистов

и чиновников. В работе были проанализированы связи Горнодобывающей ассоциации Канады с официальными лицами с 1 октября 2017 года по 23 марта 2018 года (период подготовки оглашения канадской миссии). На сайте содержится информация о каждой коммуникации: в частности, сведения о темах, обсуждавшихся на этих встречах. Исходя из этих тем, можно судить о том, что продвигали лоббисты. Таким образом, были получены данные и сформированы социоматрица и сеть коммуникаций.

При построении социоматрицы необходимо учитывать взаимодействие не только между разными сторонами (Горнодобывающей ассоциацией Канады и чиновниками), но и между чиновниками. В ином случае мы увидим взаимодействие только Горнодобывающей ассоциации Канады и чиновников, а не всю сеть связей. За коммуникации между чиновниками брались случаи, когда они вели переговоры с лоббистами вместе. Безусловно, это редуционистский подход, потому что учитывает коммуникации чиновников лишь в рамках взаимодействия с Горнодобывающей ассоциацией Канады и не рассматривает случаи других коммуникаций. Однако иные коммуникации не могут быть учтены, поскольку нельзя установить их определенное количество. К тому же коммуникации выбирались по данному принципу, так как подобные встречи показывают, что чиновники определенно знают друг друга и работали над предложениями лоббистов вместе и одновременно в ходе переговоров. Таким образом, они были одной стороной переговоров, и высока вероятность того, что многие вопросы и выдвигаемые предложения они согласовывали в общении друг с другом.

Коммуникации были отобраны на основе обсуждаемых вопросов. Если вопросы были международными (международные отношения, международная торговля, международное

развитие и т.д.), связь принималась во внимание. Имена должностных лиц известны и указаны в социоматрице и сети коммуникаций, а также в списке, представленном ниже. Имена представителей Горнодобывающей ассоциации Канады неизвестны, поэтому лоббисты из этой организации представлены как один субъект, который в социоматрице и в сети коммуникаций так и именуется: «Горнодобывающая ассоциация Канады». Данный подход является обоснованным также ввиду того, что Горнодобывающая ассоциация Канады в принципе представляет одинаковые интересы горнодобывающих компаний Канады, в то время как в правительстве при общей политической линии у должностных лиц могут быть разные мнения. Это предположение делается на основе того, что под понятием «правительство Канады» подразумевается не только исполнительная, но и законодательная власть. В социоматрице приведены имена как чиновников, так и депутатов.

В рамках работы представлена информация о должностных лицах, имевших более одной коммуникации. В данном случае принимались во внимание как связи должностных

лиц с Горнодобывающей ассоциацией Канады, так и между самими чиновниками. Например, если должностное лицо лишь один раз встречалось с представителями Горнодобывающей ассоциации Канады, но при этом проводило данные переговоры вместе с коллегой, то это должностное лицо засчитывалось как субъект, имеющий больше одной связи. Данный подход был выбран с учетом того, что человек, имея связи с коллегами в рамках переговоров, посвященных лоббированию, мог находиться в структуре отношений множества агентов взаимодействия, чья деятельность связана с лоббизмом.

Ниже представлен список субъектов сети коммуникаций: Горнодобывающей ассоциации Канады и должностных лиц. Число сносок в квадратных скобках равно количеству коммуникаций с лоббистами.

Список субъектов коммуникаций (рисунок 1).

1. Горнодобывающая ассоциация Канады;
Майкл Рау [22] [23];
Кристофер Берзинс [24] [25] [26] [27] [28] [29] [30] [31] [32] [33] [34];
Дин Эллисон [35] [36];

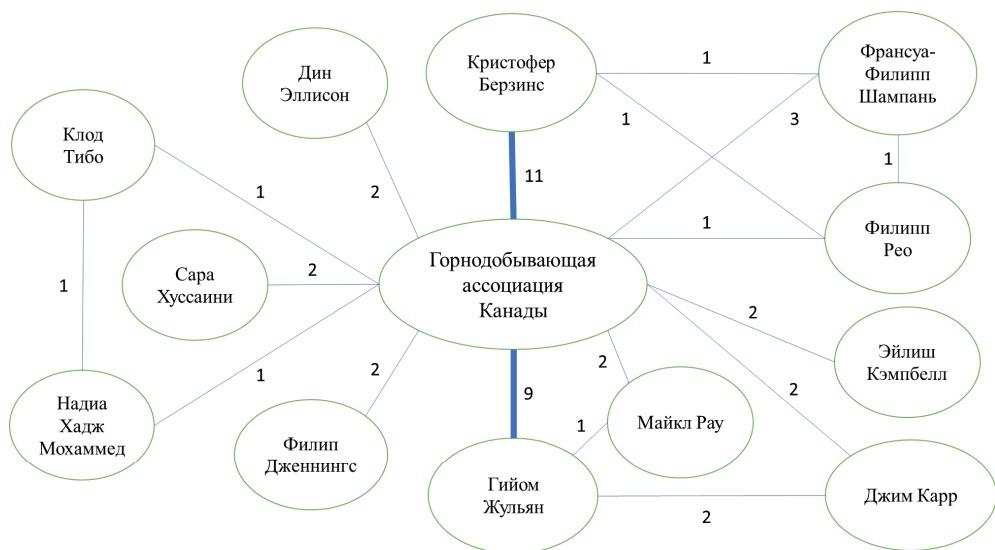

Рисунок 1 — Сеть коммуникаций

Таблица 1 — Социоматрица

Кто взаимодействует	С кем взаимодействует												
	Горнодобывающая ассоциация Канады	Кристофер Берзинс	Гийом Жульян	Франсуа-Филипп Шампань	Майкл Рау	Эйлиш Кэмпбелл	Филип Дженнингс	Дин Эллисон	Сара Хуссаини	Джим Карр	Филипп Рео	Клод Тибо	Надиа Хадж Мохаммед
Горнодобывающая ассоциация Канады	x	11	9	3	2	2	2	2	2	2	1	1	1
Кристофер Берзинс	11	x	x	1	x	x	x	x	x	x	1	x	x
Гийом Жульян	9	x	x	x	1	x	x	x	x	2	x	x	x
Франсуа-Филипп Шампань	3	1	x	x	x	x	x	x	x	x	1	x	x
Майкл Рау	2	x	1	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Эйлиш Кэмпбелл	2	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Филип Дженнингс	2	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Дин Эллисон	2	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Сара Хуссаини	2	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Джим Карр	2	x	2	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Филипп Рео	1	1	x	1	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Клод Тибо	1	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	1
Надиа Хадж Мохаммед	1	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	1	x

Франсуа-Филипп Шампань [37] [38] [39];

Гийом Жульян [40] [41] [42] [43] [44] [45] [46] [47] [48];

Филип Дженнингс [49] [50];

Эйлиш Кэмпбелл [51] [52];

Джим Карр [53] [54];

Сара Хуссаини [55] [56];

Филипп Рео [57];

Клод Тибо [58];

Надиа Хадж Мохаммед [59].

В таблице 1 представлена социоматрица, которая описывает количество коммуникаций субъектов друг с другом, а именно Горнодобывающей ассоциации Канады (ее представителей) и должностных лиц из правительства Канады. По вертикали и по горизонтали расположены наименования субъектов (название Горнодобывающей ассоциации Канады и имена с фамилиями

должностных лиц) и их порядковые номера. Вертикаль описывает субъектов как тех, кто взаимодействует. Горизонталь описывает тех, с кем взаимодействуют. В ячейках указывается число коммуникаций между субъектами (теми, кто взаимодействует, и теми, с кем взаимодействуют). В ячейках, где описываются коммуникации одного и того же субъекта, ставится крестик — x.

На основании социоматрицы (таблица 1) была построена сеть, описывающая каналы взаимодействия. Учитывались субъекты, имеющие больше одной связи (т.е. обладающие наибольшей «плотностью» связей) (см. рисунок 1). Сеть коммуникаций включает информацию о субъектах взаимодействия (вершинах сети) и их коммуникациях (ребрах сети). В овалах содержатся имена и фамилии субъектов, имеющих

больше одной коммуникации с другими субъектами. Возле ребер сети указано количество коммуникаций между субъектами, овалы которых соединяет соответствующее ребро. Ребра, описывающие самые многочисленные коммуникации (коммуникации Кристофера Берзинса с Горнодобывающей ассоциацией Канады и коммуникации Гийома Жюльяна с этой же организацией), выделены на рисунке 1. Всего указывается 13 субъектов.

Анализ информации о коммуникациях должностных лиц и лоббистов

Теперь, когда имеются сведения о встречах должностных лиц с лоббистами и сформирована сеть коммуникаций наиболее активных участников переговоров, следует проанализировать информацию о вопросах поддержания мира, которая фигурирует вместе с упоминанием имен должностных лиц, указанных в сети. С одной стороны, такие вопросы, как операция с применением вооруженных сил для защиты интересов горнодобывающих компаний, обычно имеют крайне конфиденциальный характер. Поэтому маловероятно, что данная информация могла бы открыто публиковаться или афишироваться (в том числе и в контексте упоминания вышеобозначенных лиц). Однако, с другой стороны, мы можем заполнить некоторые «белые пятна» (хотя определенная сфера знания и будет для нас все равно закрыта). Таким образом, следует использовать имеющуюся возможность для сокращения области незнания, относящейся к вопросу о лоббировании участия Канады в миротворческой миссии МИНУСМА. Следовательно, целесообразно в данном случае изучить доступную информацию о связи должностных лиц, участвовавших в двух и более коммуникациях в рамках переговоров с представителями Горнодобывающей ассоциации Канады, с продвижением миротворческой мис-

сии в Мали или же в целом с тематикой миротворчества.

При анализе официальной информации о субъектах сети было выявлено, что единственным контрагентом переговоров, чья деятельность оказалась связанной с канадским миротворчеством, является Надиа Хадж Мохаммед. Она, будучи старшим советником по вопросам политики, сопровождала министра международного развития Мари-Клод Бибо во время поездки на конференцию на уровне министров обороны по вопросам поддержания мира 14 и 15 ноября 2017 г., о чем свидетельствуют отчеты о расходах на правительственном сайте [7]. Сама министр международного развития заявляла о необходимости проведения миротворческой миссии в Мали. Она также утверждала, что ее задача заключается в продвижении международной помощи, а именно в оказании помощи «беднейшим из бедных» [9], отдельно отмечая при этом, что хотя обязанность ее коллеги — министра международной торговли — заключается в поддержке бизнеса и развитии инвестиционных возможностей, миссии обоих министров не взаимоисключают друг друга. Безусловно, следует учитывать контекст данного высказывания. Министр Бибо говорила прежде всего о том, что обязанность оказывать помощь не препятствует реализации национальных экономических интересов Канады.

Однако в целом существуют основания предполагать, что в принципе старший советник по политике в Департаменте глобальных дел, находясь в контакте и с министром международного развития, и с представителями Горнодобывающей ассоциации Канады, могла быть посредником в переговорах о продвижении участия Канады в миротворческой миссии в Мали. На это указывают следующие факты:

В Мали осуществляют хозяйственную деятельность канадские золотодобывающие компании [12; 70].

Аналитический документ, опубликованный Канадской службой разведки и безопасности, описывает необходимость защиты персонала канадских горнодобывающих компаний в Западной Африке, обуреваемой террористическими угрозами [68].

Старший советник по вопросам политики контактировала с представителями Горнодобывающей ассоциации Канады в период предполагаемой подготовки официального заявления правительства Канады об участии в миссии МИНУСМА [58].

Эти контакты были посвящены вопросам международной деятельности [Там же].

В рамках данного периода она сопровождала министра международного развития на конференции на уровне министров обороны по вопросам поддержания мира [7].

Министр международного развития активно поддерживала отправку канадского миротворческого контингента в Мали для участия в операции по поддержанию мира [60].

Это означает, что:

1. Горнодобывающий бизнес Канады имеет значительные хозяйственные интересы в Мали.

2. Эти интересы учитываются в документах правительственного органа Канады, занимающегося вопросами разведки и безопасности.

3. Представители лоббистской организации, защищающей интересы канадского горнодобывающего бизнеса, осуществляли лоббистские контакты с правительственным чиновником, работавшим под руководством министра, которая открыто продвигала участие в миротворческой операции в Мали.

4. Эти контакты были посвящены вопросам международных отношений.

Приведенные доказательства свидетельствуют о высокой вероятности того, что участие Канады было пролоббировано канадским горнодобывающим бизнесом. Описанные факты формируют цепочку событий, которая отчетливо проявляет ситуацию лоббирования. Выделенные выше звенья цепочки причинно-следственных связей наглядно характеризуют эпизоды лоббистского продвижения участия Канады в миротворческой операции ООН в Мали. Хотя приведенные доказательства касаются лишь случая МИНУСМА, они тем не менее позволяют поднять вопрос о существовании экономических факторов канадского миротворчества в целом.

Заключение

Представленные доказательства позволяют рассматривать вероятность того, что участие Канады в миротворческой миссии в Мали было продиктовано экономическими интересами, как высокую. Имеются серьезные основания утверждать, что канадский горнодобывающий бизнес лоббировал свои интересы, связанные с безопасностью персонала и обеспечением хозяйственной деятельности в Мали, а правительство Канады учитывало их и поэтому инициировало участие в операции МИНУСМА. Таким образом, гипотеза о лоббистском продвижении участия канадского миротворческого контингента получила серьезные доказательства. Однако нельзя не отметить, что вопрос о влиянии интересов канадских горнодобывающих компаний на миротворческую деятельность Канады требует более углубленного изучения. Кроме того, нужно рассмотреть воздействие других экономических факторов.

Литература

1. *Володин Д.А.* Эволюция канадского миротворчества: от Афганистана к Африке // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2018. — № 1. — С. 43–58.
2. *Израелян Е.В.* Миротворчество во внешней политике Канады // Канадский ежегодник. — 2013. — С. 44–56.

3. Канада направит в Мали контингент из 280 человек и вертолетную группу. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5351433> (дата обращения: 11.04.2019).
4. *Комаров А.Н.* Проблемы войны и мира во внешней политике канадских консерваторов в 2006–2011 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2014. — № 13. — С. 191–199.
5. *Тимофеев В.В.* Экономические факторы и миротворческая деятельность Канады: в поисках закономерности // Восьмые канадские чтения в Санкт-Петербургском университете: материалы конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября — 1 октября 2021 г. / Под ред. Ю.Г. Акимова и К.В. Минковой. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — С. 194–211.
6. *Тимофеев В.Н.* Основы теории вероятностей и математической статистики: Учебное пособие. — Мирный: Мирнинская городская типография, 2021. — 112 с.
7. 2017 Travel and Hospitality Expenses Reports for Nadia Hadj Mohamed, Policy Advisor. — URL: <https://w05.international.gc.ca/dthe-dfva/report-rapport.aspx?lang=eng&dept=3&profid=868&ya=2017&> (дата обращения: 14.03.2021).
8. *Bellamy A.J.* Introduction: Thinking anew about peace operations / A.J. Bellamy, P. Williams // International Peacekeeping. — 2004. — Vol. 11. — Iss. 1: Peace Operations and Global Order. — P. 1–15.
9. *Blanchfield M.* Mining projects getting close look in foreign aid review, says Bibeau // CTV News. — December 9, 2015. — URL: <https://www.ctvnews.ca/canada/mining-projects-getting-close-look-in-foreign-aid-review-says-bibeau-1.2909395> (дата обращения: 14.03.2021).
10. *Boeke S.* Operation 'Serval': A Strategic Analysis of the French Intervention in Mali, 2013–2014 / S. Boeke, B. Schuurman // Journal of Strategic Studies. — 2015. — Vol. 38. — No. 6. — P. 801–825.
11. Canada's UN mission's "role" in Mali sounds much more like modern colonialism than peacekeeping says expert // Business and Human Rights Resource Center. — URL: <https://www.business-humanrights.org/en/canadas-un-missions-role-in-mali-sounds-much-more-like-modern-colonialism-than-peacekeeping-says-expert> (дата обращения: 30.09.2019).
12. Canadian Mining Assets (CMA) by Country and Region, 2015 and 2016. — URL: <https://www.nrcan.gc.ca/mining-materials/publications/15406> (дата обращения: 21.02.2019).
13. Fast Facts — Uniformed Personnel. — URL: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/03-19_fast_fact_en_final.pdf (дата обращения: 11.04.2019).
14. Fekola Mine — Mali. — URL: <https://www.b2gold.com/projects/producing/fekola/#updates> (дата обращения: 11.04.2019).
15. *Howell A.* Peaceful, Tolerant and Orderly: Post-Cold War Foreign Policy and 'Canadian' Subjectivity: Master's thesis. — Ottawa, Ontario: Carleton University, 2002.
16. *Jefferess D.* Responsibility, Nostalgia, and the Mythology of Canada as a Peacekeeper // University of Toronto Quarterly. — Spring 2009. — Vol. 78. — № 2. — P. 709–727.
17. *Little G.E.* Serving the National Interest or the National Identity? Explaining Member State Participation in United Nations Peace Operations: PhD dissertation. — Washington, DC: Georgetown University, 2000.
18. Loulo-Goukoto. — URL: <https://www.barrick.com/operations/loulo-goukoto/default.aspx> (дата обращения: 20.01.2020).
19. Mandate. MINUSMA. — URL: <https://minusma.unmissions.org/en/mandate-0> (дата обращения: 10.04.2019).
20. *Miguel E.* Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables / E. Miguel, S. Satyanath, E. Sergenti // Approach Journal of Political Economy. — 2004. — Vol. 112 (4). — P. 725–753.
21. Morila. — URL: <https://www.barrick.com/operations/morila/default.aspx> (дата обращения: 24.02.2019).
22. Monthly Communication Report 12699-413288. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/oc/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413288> (дата обращения: 20.02.2020).
23. Monthly Communication Report 12699-415411. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/oc/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415411> (дата обращения: 20.02.2020).
24. Monthly Communication Report 12699-413331. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/oc/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413331> (дата обращения: 20.02.2020).

25. Monthly Communication Report 12699-413352. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413352> (дата обращения: 20.02.2020).
26. Monthly Communication Report 12699-413491. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413491> (дата обращения: 20.02.2020).
27. Monthly Communication Report 12699-413485. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413485> (дата обращения: 20.02.2020).
28. Monthly Communication Report 12699-413459. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413459> (дата обращения: 20.02.2020).
29. Monthly Communication Report 12699-415623. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415623> (дата обращения: 20.02.2020).
30. Monthly Communication Report 12699-417747. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417747> (дата обращения: 20.02.2020).
31. Monthly Communication Report 12699-418992. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=418992> (дата обращения: 20.02.2020).
32. Monthly Communication Report 12699-419114. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419114> (дата обращения: 20.02.2020).
33. Monthly Communication Report 12699-419146. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419146> (дата обращения: 20.02.2020).
34. Monthly Communication Report 12699-424077. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=424077> (дата обращения: 20.02.2020).
35. Monthly Communication Report 12699-413412. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413412> (дата обращения: 20.02.2020).
36. Monthly Communication Report 12699-415594. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415594> (дата обращения: 20.02.2020).
37. Monthly Communication Report 12699-413491. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413491> (дата обращения: 20.02.2020).
38. Monthly Communication Report 12699-413598. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413598> (дата обращения: 20.02.2020).
39. Monthly Communication Report 12699-415413. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415413> (дата обращения: 20.02.2020).
40. Monthly Communication Report 12699-413632. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413632> (дата обращения: 20.02.2020).
41. Monthly Communication Report 12699-415304. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415304> (дата обращения: 20.02.2020).
42. Monthly Communication Report 12699-415411. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415411> (дата обращения: 20.02.2020).
43. Monthly Communication Report 12699-415410. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415410> (дата обращения: 20.02.2020).
44. Monthly Communication Report 12699-417713. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417713> (дата обращения: 20.02.2020).
45. Monthly Communication Report 12699-417720. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417720> (дата обращения: 20.02.2020).
46. Monthly Communication Report 12699-419138. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419138> (дата обращения: 20.02.2020).
47. Monthly Communication Report 12699-419142. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419142> (дата обращения: 20.02.2020).
48. Monthly Communication Report 12699-419145. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419145> (дата обращения: 20.02.2020).
49. Monthly Communication Report 12699-417715. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417715> (дата обращения: 20.02.2020).
50. Monthly Communication Report 12699-417751. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417751> (дата обращения: 20.02.2020).
51. Monthly Communication Report 12699-417744. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417744> (дата обращения: 20.02.2020).
52. Monthly Communication Report 12699-417764. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417764> (дата обращения: 20.02.2020).

53. Monthly Communication Report 12699-415410. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415410> (дата обращения: 20.02.2020).
54. Monthly Communication Report 12699-417720. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=417720> (дата обращения: 20.02.2020).
55. Monthly Communication Report 12699-413569. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413569> (дата обращения: 20.02.2020).
56. Monthly Communication Report 12699-419139. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=419139> (дата обращения: 20.02.2020).
57. Monthly Communication Report 12699-413491. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=413491> (дата обращения: 20.02.2020).
58. Monthly Communication Report 12699-415583. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415583> (дата обращения: 20.02.2020).
59. Monthly Communication Report 12699-415583. — URL: <https://lobbycanada.gc.ca/app/secure/ocl/lrs/do/cmmLgPblcVw?comlogId=415583> (дата обращения: 20.02.2020).
60. *Marquis M.* International development minister says Mali's peacekeeping needs are 'obvious' // CTV News. — September 2, 2016. — URL: <https://www.ctvnews.ca/politics/international-development-minister-says-mali-s-peacekeeping-needs-are-obvious-1.3055488?cache=qhrreidjy> (дата обращения: 14.03.2021).
61. *Mudhar P.* What's Canada's agenda in Mali? // Socialist.ca. — URL: <http://www.socialist.ca/node/3570> (дата обращения: 21.03.2020).
62. Operation PRESENCE — Mali. Government of Canada. — URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/services/operations/military-operations/current-operations/op-presence.html> (дата обращения: 20.01.2020).
63. *Pugh M.* Peacekeeping and critical theory // International Peacekeeping. — 2004. — Vol. 11. — Iss. 1: Peace Operations and Global Order. — P. 39–58.
64. *Ross M.L.* What Do We Know about Natural Resources and Civil War? // Journal of Peace Research. — 2004. — Vol. 41 (3). — P. 337–356.
65. Sadiola Gold Mine, Mali. — URL: <http://www.iamgold.com/English/operations/operating-mines/sadiola-gold-mine-mali/default.aspx> (дата обращения: 24.02.2019).
66. *Stojek S.M.* The supply side of United Nations peacekeeping operations: Trade ties and United Nations-led deployments to civil war states / S.M. Stojek, J. Tir // European Journal of International Relations. — 2015. — Vol. 21 (2). — P. 352–376.
67. *Taylor S.* Mali mission is more modern colonialism than altruism // The Hill Times. — URL: <https://www.hilltimes.com/2018/10/17/mali-mission-modern-colonialism-altruism/172532> (дата обращения: 21.03.2020).
68. Threats and Risks Facing Canadian Extractive Industries in High-Risk Foreign Jurisdictions // Political Stability and Security in West and North Africa: Highlights from the conference. — URL: <https://www.canada.ca/en/security-intelligence-service/corporate/publications/political-stability-and-security-in-west-and-north-africa.html> (дата обращения: 10.03.2021).
69. *Victor J.* African peacekeeping in Africa: Warlord politics, defense economics, and state Legitimacy // Journal of Peace Research. — 2010. — Vol. 47 (2). — P. 217–229.
70. What Canada is doing in Mali. — URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/what-canada-is-doing-in-mali-1.1337687> (дата обращения: 22.03.2020).
71. *Williams L.* Manoeuvring the Peacekeeping Myth: Canadian News Media Reports on the Canadian Forces in Afghanistan: Master's thesis. — Toronto, Ontario: York University, 2009.

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖ. АГАМБЕНА

Аннотация

В статье рассматривается влияние на политическую жизнь ограничительных мер, введенных в демократических странах в условиях пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., через призму политико-философской идеи Дж. Агамбена. Цель работы — выявить последствия данных мер для социально-политической жизни. В связи с продолжающимся распространением коронавирусной инфекции происходит трансформация политических норм, практик и общественного сознания.

Ключевые слова: Дж. Агамбен, ограничения свободы, пандемия, COVID-19, права человека.

Автор

Василиса Андреевна Кузнецова

Студентка факультета управления и политики
МГИМО (У) МИД России
(Москва, Россия)

Пандемия коронавируса COVID-19 вынудила правительства по всему миру вводить ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения вируса. Эти мероприятия повсеместно обосновывались как экстренные и вынужденные меры, нацеленные на обеспечение безопасности и сохранение жизни граждан. Тем не менее ограничение свободы в рамках антиковидных мер вызывает обоснованную тревогу не только у обывателей, но и у экспертов и исследователей. Многие видят в них угрозу правам и свободам человека и гражданина. В чрезвычайных условиях пандемии государства осуществляют политику, направленную на ограничение и регулирование не только деятельности человека как общественного, политического существа, но и проявлений его жизни как таковой. Различение двух аспектов «жизни» существует в философии с античных времен — понятие

zoe как жизнь *per se*, природная жизнь, и *bios* как жизнь в обществе, политическая жизнь. Природная жизнь, не являясь ни истинно животной, ни истинно человеческой, была включена в рамки частного, но элиминировалась из общественной сферы. Дж. Агамбен отмечает, что уже Аристотель произвел т.н. биополитический жест, постулируя речь как минимальное условие для разделения «жизни» надвое и для возникновения политики [12. — С. 15–17]. Агамбен полагает, что в логосе (мышление и речь) человек отделяет себя от самого себя: «голую жизнь» от мыслящего и речевого политического субъекта. Совершая это разделение, человек подчиняет голую жизнь мыслящей политической субъективности. Исходя из этого, Агамбен пишет, что биополитика как природная жизнь человека внутри механизмов и расчетов власти [14. — С. 38] появляется там, где возникает политика в принципе, т.е. политика

функционирует там, где существует различие *zoe* и *bios*.

Важно также учитывать идею «включающего исключения» Дж. Агамбена. Включающее исключение *zoe* в полисе выражается в том, что «политика и есть то место, где жизнь превращается в благую жизнь, и объемлет, подлежащим политизации, является именно сама голая жизнь» [12. — С. 14]. Разделение на *zoe* и *bios* — это процедура, которая всегда происходит в языке. Соответственно, политика существует, во-первых, поскольку человек является живым существом, которое с помощью языка отделило голую жизнь от себя, во-вторых, поскольку существует связь человека с голой жизнью через включающее исключение. Все государства основываются на исключении голой жизни. Однако главной особенностью современной политики является не столько включение *zoe* в полис, сколько то, что и голая жизнь, и пространство политического, в которое первая вписывается, становятся неразделимы.

Пандемия коронавируса и политический ответ государства наглядно демонстрируют нам это парадоксальное отношение. С одной стороны, демократическое государство декларирует незыблемость прав и свобод, автономию человека, неприкосновенность его частной жизни и жизни как таковой, с другой — вторгается в них, демонстрируя черты тоталитарности.

Вторжение политики в пространство «голой жизни», по Дж. Агамбену, характеризует тоталитарное государство [12. — С. 153–155]. Поскольку либерально-демократические государства действуют аналогичным образом, для Агамбена демократия включается в тоталитаризм, как у М. Фуко школа включается в тюрьму. Политизируя голую жизнь, демократические и тоталитарные государства могут переходить друг в друга, поскольку апеллируют к одному и тому же в человеке.

В современной политической ситуации актуализируется понятие «чрез-

вычайного», которое описывает исключительные, как правило, опасные для функционирования и даже выживания общества условия — и ответные меры государства. Чрезвычайное лежит за пределами нормы в политике, но одновременно предполагает, что с изменением условий наступит возвращение в рамки обыденного. Дж. Агамбен и К. Шмитт говорят о «чрезвычайном положении». В трактовке К. Шмитта суверен — тот, кто «принимает решение о чрезвычайном положении» [15. — С. 15]. Дж. Агамбен утверждает, что суверен способен не только ввести чрезвычайное положение посредством своего суверенного решения, но и включить в правовое поле то, что раньше находилось вне его компетенций — голую жизнь — путем изъятия последнего (то, что философ называет «отношением исключения») [12. — С. 26]. *Zoe* является субъектом, на который распространяется действие правового поля государства, при условии, что индивид как *homo sacer* (тот, кого можно безнаказанно убить, но нельзя принести в жертву) [12. — С. 92–95] отдаст жизнь суверену. Однако если введение чрезвычайного положения сувереном становится правилом, то голая жизнь превращается в политическую жизнь. Дж. Агамбен обращает внимание на то, что в современных условиях, когда чрезвычайное положение как включающее исключение становится нормой, оно выступает скорее не необходимой мерой, а управленческой технологией. Размывается граница не только между правом и политикой, но и между правом и жизнью. По мнению Агамбена, пока существует разграничение *zoe* и *bios*, свободы никогда не будет.

Дж. Агамбен, обращаясь к работам П. Зильбермана, описывает логику процесса «инкрустации» чрезвычайного положения в демократическую систему. Если раньше здравоохранение имело незначительное влияние на политическую жизнь, то сейчас оно является неотъемлемой частью национальных и

международных политических стратегий. По мысли П. Зильбермана, план по внедрению в национальную политику государств т.н. «террора здравоохранения» как инструмента управления был разработан еще в 2005 г. Стратегия борьбы с птичьим гриппом, предложенная Всемирной организацией здравоохранения в 2005 г., строилась исходя из логики: «1) построение, на основе возможного риска, фиктивного сценария, при котором данные представляются таким образом, чтобы благоприятствовать решениям, позволяющим управлять экстремальной ситуацией; 2) принятие логики наихудшего сценария как режима политической рациональности; 3) комплексная организация тел граждан таким образом, чтобы максимально усилить доверие институтам власти, порождая своего рода сверхгражданственность, при которой налагаемые обязательства представляются как свидетельство альтруизма, и гражданин уже не имеет права на здоровье (здравоохранение), а становится юридически обязанным быть здоровым (биобезопасность)» [11. — С. 147]. Развертывание этого плана пришлось на период с 2020 г.

Разработанная парадигма правления строится на том, что граждане принимают ограничения свобод ввиду риска безопасности голой жизни. Существует вероятность того, что нынешняя исключительность может стать новой нормальностью. Дж. Агамбен называет это «постоянным чрезвычайным положением» [9. — С. 10–16]. По этой логике стратегия должна быть реализована путем биополитической секьюритизации [3. — С. 6–8]. Правительства определяют угрозу безопасности от распространения коронавирусной инфекции как экзистенциальную и оставляют за собой право на чрезвычайные действия в обход стандартных политических процедур. Правительства оправдывают ограничения свободы как вынужденную меру, принимаемую в ответ на распространение вируса.

Подтверждением слов П. Зильбермана об обязанности быть здоровым, которую современные государства и международные организации в лице ВОЗ налагают на граждан, служит принятый в Великобритании Закон о чрезвычайных полномочиях правительства [2]. В соответствии с этим актом были расширены полномочия государственных лиц [5], а сотрудники общественного здравоохранения стали вправе ограничивать свободу граждан исходя из соображений безопасности (задерживать лицо в определенном месте в течение определенного периода и содержать в изоляции на этот срок) [5]. В этой связи государственные органы берут полный контроль над голой жизнью. Также принятый закон предоставил правительству Великобритании чрезвычайные полномочия, в соответствии с которыми решения могут приниматься в обход парламента. Предоставление чрезвычайных полномочий имеет тенденцию к превращению в длительную управленческую практику. Дж. Агамбен полагает, что систематическое и регулярное воспроизведение этого института ведет к ликвидации демократии. Кроме того, практически ежемесячно принимаются поправки к новому закону и дополнительные нормативно-правовые акты и на общенациональном уровне, и в парламентах Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии. Это иллюстрирует активный процесс трансформации институтов и в целом парадигмы власти. Данный процесс происходит не только в Великобритании, но и в других европейских странах. Нормативно-правовые акты, принятые под лозунгом биобезопасности, способствуют трансформации модели парламентской демократии с ее конституционными правами и гарантиями в биополитическую диктатуру.

Что же в таких условиях происходит с голой жизнью? Какие последствия вытекают из постоянного чрезвычайного положения? Приняв за политическую рациональность борьбу с вирусом, пра-

вительства демократических стран, отчуждая свободы, стали вправе в полной мере влиять на голую жизнь. Общество трансформировалось из «дисциплинарного общества» [10] в «общество контроля». Пользуясь чрезвычайным положением, правительства ужесточают цифровой контроль над индивидуальным поведением, путем использования всевозможных средств отслеживания. К примеру, введенная в Италии система «зеленых пропусков», сегрегируя вакцинированных и невакцинированных, делает юридически правомерным цифровое отслеживание перемещений граждан. И если раньше в среднем просматривалось около 2% всех записей с камер видеонаблюдения, то сейчас прогресс в этом достигается благодаря искусственному интеллекту и видеоаналитике [8; 7]. Для отслеживания местонахождения человека достаточно данных мобильного телефона [1]. Цели современных технологий цифрового наблюдения и контроля могут выходить за рамки недопущения распространения COVID-19. Более того, многие компании по запросу государственных служб собирают обширные биометрические данные, в том числе о расовой и этнической принадлежности. Существует высокая вероятность того, что меры цифрового контроля будут усилены после COVID-19, ареал распространения таких технологий между странами увеличится, а область применения в значительной степени расширится [4].

Еще один ответ правительств на распространение вируса — социальное дистанцирование — представляется интересным, поскольку это социальное явление имеет далеко идущие последствия. Еще в прошлом веке Э. Канетти писал о массе как «боящихся прикосновения», определяя их через инверсию страха быть тронутым. Человек по своей природе склонен к примыканию к толпе, поскольку, как писал Э. Канетти, «только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением» [13. — С. 3]. Однако совре-

менное общество не перестает быть массой, безликой толпой в понимании Х. Ортега-и-Гассета, а адаптируется и трансформируется под реалии пандемии — становится более «разреженным», более податливым. Проблема подобного общества заключается в том, что оно легко поддается манипулированию. Правительственные меры затрагивают каждого в «безликой толпе». Например, применение дистантных форм обучения может показаться своевременным эффективным шагом. Но таким образом происходит сознательное смещение общественного консенсуса. То, что до пандемии могло быть сочтено немислимым, приобретает форму нормальности. Происходит повсеместная замена очного формата обучения дистанционным. Важен не факт действия, а его последствия. Возможность получения информации сохраняется. Однако человеческий контакт становится «предметом роскоши». Происходит упразднение университетской среды, включающей связи между университетскими сообществами, профессорско-преподавательским составом. Замена очных занятий централизованно записанными онлайн-курсами может повлечь за собой разного рода социальные последствия, такие как развитие клипового стандартизированного мышления у обучающихся, деградация социально-культурных функций вузов и их филиалов в регионах, падение разнообразия образовательного и социального пространства и др.

Такая мера, как ограничение передвижений, инспирировала резкое снижение мобильности рабочей силы [6]. Существует вероятность, что ограничения не будут в полной мере сняты в ближайшем будущем. Правительства сохраняют иммиграционные ограничения, а международные поездки находятся в упадке, пока возникают новые штаммы вируса. Складывается новая концепция мобильности рабочей силы: быстрый переход на удаленный формат работы категорий

сотрудников, деятельность которых ранее выходила за рамки границы. COVID-19 приводит к ускорению распространения цифровизации, поскольку удаленная работа становится новой нормой. Покупательские привычки людей также меняются, что обуславливает рост электронной коммерции. Как следствие, растет спрос на сопутствующие услуги (цифровой маркетинг, управление контентом, веб-дизайн). Вероятно, для обеспечения деятельности в дистанционном формате корпорации вскоре перейдут на глобальную удаленную рабочую силу.

Подводя итоги, следует констатировать, что концепция политического философа Дж. Агамбена служит подтверждением обоснованности тревоги относительно опасности введенных мер. В настоящий момент принятые правительствами меры, такие как социальное дистанцирование, введение QR-кодов и дистанционных форм обучения, ограничение возможности

передвижения, создают социально-политические проблемы, затрагивающие не только политические институты, но и социальные практики. Можно сделать вывод, что правительства используют чрезвычайное положение как управленческую технологию с целью усиления контроля над поведением граждан. С одной стороны наблюдается демонтаж демократических режимов и переход к т.н. биополитическим диктатурам. С другой стороны, наблюдается повсеместная атомизация общества, которая ведет к разрушению социальных связей. Это, в свою очередь, усложняется продолжающимися процессами виртуализации и цифровизации образовательных и трудовых процессов. На данный момент гражданское общество стоит перед вызовом, который требует от него выработки механизмов, способных противодействовать дальнейшей трансформации демократических режимов в биополитические диктатуры.

Литература

1. *Allen G.* Artificial Intelligence and National Security / *G. Allen, T. Chan.* — Belfer Center for Science and International Affairs. — Cambridge, Harvard Kennedy School, 2017. — 111 p.
2. Coronavirus Act. — 2020. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/7/contents>.
3. *Gerard D.* Six political philosophies in search of a virus: Critical perspectives on the coronavirus pandemic // LEQS Paper. — No. 156. — 2020. — 16 p.
4. *Greitens S.C.* Surveillance, Security, and Liberal Democracy in the Post-COVID World // International Organization. — Cambridge University Press. — No. 74 (S1). — 2020. — P. 169–190.
5. HM Government. — Public Health (Control of Disease) Act. — 1984. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/22/part/2A>.
6. Labour mobility and skills in response, recovery and post COVID-19 pandemic // Ann. rep. IOM. — Brussels, Belgium. — 2021. — P. 23.
7. Seeing What Matters: A New Paradigm for Public Safety Powered by Responsible AI. — Accenture Strategy and Western Digital Corporation. — 2018. — 4 p.
8. *Stanley J.* The Dawn of Robot Surveillance: AI, Video Analytics, and Privacy. — 2019.
9. *Agamben G.* State of Exception. — Chicago: Chicago University Press, 2005. — 104 p.
10. *Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. — London: Penguin Books, 1977. — 333 p.
11. *Zylberman P.* Tempêtes microbiennes. Essai sur la politique de sécurité sanitaire dans le monde transatlantique [Microbial Storms. Essay on Health Security Policies in the Transatlantic World]. — Paris: Gallimard, NRF Essais. — 2013. — 643 p.
12. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
13. *Канетти Э.* Масса и власть; Пер. с нем. — М., 1997. — 527 с.
14. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко.; Пер. с фр. А.В. Дьякова. — СПб.: Наука, 2010. — 448 с.
15. *Шмитт К.* Политическая теология. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. — 336 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ США

Аннотация

В статье представлен анализ политических и социально-экономических последствий пандемии COVID-19 для США. В ходе исследования были рассмотрены предпосылки и причины указанных явлений, а также динамика изменения действий государственного аппарата США для устранения выявленных проблем. Выделены факторы, лежащие в основе дальнейшего развития ситуации во внутривнутриполитической и внутризэкономической ситуации в США в конце 2021 года и в 2022 году.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, политические последствия, социально-экономические последствия.

Автор

Максим Ламаш

Бакалавр политических наук,
выпускник Pepperdine University
(Малибу, США)

Все мировое сообщество начиная с середины декабря 2019 года попало под огромное влияние всемирной эпидемии коронавирусной болезни, которая получила название COVID-19. Пандемия, обусловленная этим вирусом, уже привела к миллионным человеческим потерям во всем мире, наложила существенные ограничения на социально-культурную жизнь населения и кардинально изменила тренды глобальной экономики. На сегодняшний день трудно спрогнозировать, какие окончательные человеческие жертвы и экономические потери понесут государства в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. Однако важно рассмотреть политические и социально-экономические последствия пандемии COVID-19 для экономики США. Это позволит сформировать реальное видение возможного протекания экономических процессов, непосредственно влияющих на уровень социально-культурной жизни населения страны.

Активное обсуждение проблемы распространения коронавирусной болезни происходит в средствах массовой информации, где свои взгляды высказывают министры, представители властных структур, экономические эксперты, социологи и политологи, другие ведущие специалисты по этому вопросу.

Необходимость исследования такой важной темы, затрагивающей все аспекты жизни, объединила научные круги вокруг COVID-19. Фактически по состоянию на 1 января 2021 года в основной коллекции Web of Science было обнаружено до 65 тыс. результатов при поиске по термину «COVID-19», и среди них до 33 тыс. статей, что показывает актуальность проблемы всего за несколько месяцев.

Целью статьи является исследование состояния и тенденций влияния COVID-19 на экономическую ситуацию в США.

Всемирная организация здравоохранения официально провозгласила

коронавирусную инфекцию пандемией в начале марта 2020 года, несмотря на тот факт, что вспышка заболевания началась в середине декабря 2019 г. в городе Ухань в центральном Китае. За это время пандемия оказала существенное влияние на тренды развития мировой экономики, не оставив в стороне ни одной страны. Прежде всего, это связано с жесткими карантинными мерами, которые ввели правительства многих стран: были закрыты торговоразвлекательные центры, объявлен запрет на посещение всех массовых мероприятий, введены ограничения в передвижении, как в пределах страны, так и при пересечении ее границ, наблюдается сокращение производства (через установление лимитов одновременного пребывания работников в одном помещении). Отдельные компании перевели своих работников на режим работы на дому, другие были вынуждены отправлять сотрудников в отпуск. При этом есть случаи злоупотреблений и нарушений некоторыми работодателями условий трудового договора, требующих от работников писать заявления на увольнение по собственному желанию или брать отпуск за свой счет. Все это отрицательно сказывается на благосостоянии населения, его финансовом положении и в скором будущем приведет к сокращению спроса на ряд товаров и услуг [5].

В настоящее время тема последствий COVID-19 остается актуальной в мире. Карантин, проходивший по обычному и запланированному сценарию в европейских странах, почти без особых событий, в США всколыхнул множество новых или забытых вопросов современной социальной жизни.

Предлагаются разные прогнозы убытков мировой экономики из-за пандемии коронавирусной инфекции. Однако точно рассчитать ожидаемые потери невозможно, ведь каждый день картина борьбы с пандемией меняется. В 2020 году на общемировом уровне экономическая ситуация была

близка к рецессии: многие экономики столкнулись с сокращением экспорта, импорта, снижением уровня ВВП [1] и привлечения инвестиций, в том числе на рынке недвижимости, значительно ухудшилась производственная сфера.

Известно, например, что вспышка пандемии COVID-19 неравномерно распространялась по США. Большинство случаев заболеваний COVID-19, зафиксированных в США до марта, произошло в штате Вашингтон. К концу марта центром эпидемии в США стали штат и город Нью-Йорк. К середине марта диагностированные случаи заболевания COVID-19 в США превысили одну тысячу, после чего это число удваивалось каждые два дня и за две недели достигло нескольких десятков тысяч.

Ситуация в экономике и ее отклик на эпидемию остаются важными для общества США. Это откликается по миру в форме международных конфликтов. Стоит отметить, что в конце марта инвестиционный банк Goldman Sachs спрогнозировал понижение ВВП США во втором квартале 2020 г. на 24% и рост безработицы до 9% [8].

Специалисты наблюдали обвал фондового рынка, начавшийся в феврале 2020 г. во время пандемии COVID-19. Индекс Dow Jones Industrial Average, индекс S&P 500 и индекс NASDAQ 100 вошли в коррекцию 27 февраля во время одной из худших торговых недель со времен финансового кризиса 2007–2008 годов. В тот день промышленный индекс Доу Джонса (DJIA — один из нескольких фондовых индексов) упал на 1191 п., что стало рекордным падением индекса за день за всю историю его существования. С тех пор этот рекорд был побит еще пять раз. С 21 января по 1 марта 2020 года индекс Доу Джонса потерял рейтинги, и ставки сократились на 13% [7].

Индекс S&P 500 (S&P 500 — фондовый индекс, в корзину которого включено 505 избранных реализуемых на фондовых биржах США публичных компаний, имеющих наибольшую капита-

лизацию) 27 февраля упал на 4,4%. С 20 по 27 февраля индекс S&P 500 потерял 10%, что стало самым быстрым падением этого индекса за всю историю [10].

В марте договоры по биржевым индексам упали после выступления президента Дональда Трампа, когда он объявил о запрете въезда в США из стран ЕС. На следующий день, несмотря на обещание федеральной резервной системы США предоставить 1,5 триллиона долларов для поддержки финансовой системы, промышленный индекс Доу Джонса снизился на 10%, что явилось самым большим падением индекса со времен «черного понедельника» 1987 года [9].

Пандемия затронула и социальную сферу. При задержании полицейским в мае 2020 года афроамериканец Джордж Флойд трагически скончался, что обернулось повсеместными беспорядками под эгидой Black Lives Matter — общественного движения, выступающего против расизма и насилия в отношении афроамериканцев, в особенности против полицейского насилия. Описанные социальные и экономические факторы обусловили события в США, развернувшиеся впоследствии почти по всему Западу. В США произошел беспрецедентный ряд событий разрушительного характера.

Пандемия в США — современный вызов обществу. Временный социально-экономический упадок США, вызванный эпидемией, поднял на поверхность продолжающиеся и в настоящее время проблемы. Социальные/государственные институты США явились не вполне способными дойти до результативного решения проблем пандемии.

COVID-19 спровоцировал новые взгляды на проблемы обществ, их законы/порядки/мировоззрение, которые были забыты в экономически преуспевающих странах мира. В обществе возник кризис политических элит, политического популизма на Западе,

социальный кризис, изменение ценностей общества, перемены в прочтении истории страны, что привело к межрасовым и межконфессиональным проблемам.

Среди ключевых негативных последствий пандемии нужно отметить следующие:

- безработица [6]. Отчеты Бюро по статистике труда США показывают, что по состоянию на 3 декабря 2021 года количество безработных составляло 4,2% населения страны, или 13,84 миллиона человек. Невзирая на относительно стабильную динамику (особенно по сравнению с концом весны этого года), количество безработных продолжает оставаться одним из самых высоких в истории Соединенных Штатов. Следует отметить фронтальную потерю работы среди трудоспособного населения США, которая затронула все его группы. В то же время уязвимые слои работников — подростки, афроамериканцы и латиноамериканцы — остаются в более сложных условиях. Вопреки относительному восстановлению ключевых отраслей (федерального и местного уровня), работодатели продолжают секторальные сокращения, что не дает оснований для оптимистичного прогноза быстрого выравнивания ситуации на рынке труда;
- спад экономической активности [2]. Условия карантинных ограничений, нормы безопасного социального дистанцирования, а затем значительный всплеск протестов на улицах американских городов заставил большое количество компаний временно свернуть собственную деятельность;
- внешнеэкономическая нестабильность. Политика администрации Трампа во многом опиралась на довольно агрессивный, наступательный подход во внешнеэкономических отношениях. Соответственно, был проведен пересмотр, а кое-где

разрушен статус-кво во многих направлениях экономической дипломатии США. Достаточно весомым кейсом можно считать «торговую войну» с КНР, которая, несмотря на определенное затишье, наметившееся в 2020 году, довольно сильно обострилась после прихода новой администрации в Белый дом;

- социальная поляризация [3]. Протесты в Соединенных Штатах, связанные с вопросами полицейской жестокости, расовым и экономическим неравенством, в последние месяцы перед выборами стали константой уличной жизни многих американских городов. Администрация президента Трампа преимущественно агрессивно реагировала на протесты, все больше применяя федеральные войска и подразделения сил безопасности для урегулирования ситуации. В настоящее время основную опасность для социальной стабильности в США составляет продолжение политического противостояния между поборниками Республиканской и Демократической партий, политические противоречия которых не были урегулированы в результате выборов. Опыт социальных протестов в США, начиная с первых выступлений в 60-х годах, описывает конкретно реакцию федерального правительства как ключевой фактор нивелирования поляризации общества и как единственную возможность для примирения сторон. И хотя основная социальная нестабильность фактически была улажена, это произошло преимущественно из-за негативного стечения обстоятельств, а не из-за положительных изменений по ключевым вопросам.

В 2021 г. американская экономика начала постепенно восстанавливаться после спада, произошедшего во II квартале 2020 г. в период самоизоляции. Однако в условиях продолжающегося распространения пандемии COVID-19

в США замедляется процесс снятия ограничений, вводятся частичные меры самоизоляции для защиты уязвимых групп населения.

Администрация Трампа пыталась решить хозяйственные проблемы, опираясь на традиционный для либеральной экономики принцип — «крупный бизнес должен спасти себя сам». Одобренный Конгрессом пакет спасения в 2 трлн долл. получил название «вертолетных денег» (helicopter money) [12], поскольку администрация раздавала деньги гражданам США, как бы сбрасывая их с вертолета. Таким образом, предполагалось стимулировать потребительский спрос и оживить национальное производство. Но заметного оживления американской экономики не произошло: по оценкам Международного валютного фонда, в 2020 г. валовой национальный продукт США снизился на 4,3% [13].

Администрация Байдена в январе 2021 г. предложила свою стратегию ответа на COVID-19 [9]. Пакет спасения состоял из четырех основных пунктов: это прямая помощь малоимущим, выплаты на детей, пособия по безработице, кредиты малому бизнесу для выплаты зарплаты и аренды.

Невзирая на все выделенные проблемы и негативные тенденции, Соединенные Штаты Америки даже в условиях пандемии продолжают оставаться ключевым актором международных отношений. Именно проекция американского политического, экономического и военного влияния во многом определяет мировую повестку и формирует политику региональных центров силы. Дальнейшая ситуация во внутривнутриполитической и внутриэкономической ситуации в США в конце 2021 года и в 2022 году будет определяться следующими индикаторами [4]:

- эпидемия коронавируса. США больше всего среди стран мира пострадали от нового коронавируса. Последствия пандемии можно наблюдать во всех областях общественной

жизни. Вопрос преодоления этих проблем станет одним из ключевых в перспективе ближайших трех лет. Тем не менее продолжение эпидемии, последующие волны заражения и скорейшая вакцинация населения являются ключевыми кризисными пунктами для США. Хотя прогнозы эффективности нескольких прототипов вакцины внушают оптимизм, только с началом промышленного производства будет доказана их действенность, в рамках чего появится возможность прогнозирования сроков решения этого вопроса. На данный момент нужно признать, что в перспективе следующего года коронавирус будет оставаться ключевым системным трендом всех сфер общественной жизни США и сформирует базис программ и стратегий деятельности ключевых государственных акторов. Прорыв в борьбе с вирусом должен произойти именно на федеральном уровне. Однако в течение последнего года местные администрации на уровне штатов неоднократно показывали, что они способны адаптивно и гибко реагировать на изменение эпидемиологической ситуации;

- «замедление» экономики. Этот тренд стал наиболее сложным последствием пандемии, и наблюдаться он будет еще долгое время, хотя прогнозы аналитиков по росту ВВП США в 2021–2022 гг. относительно оптимистичны. По сравнению с первой половиной 2020 года темпы роста экономики к концу года начинают нормализоваться, но уже с

уверенностью можно утверждать, что американская экономика еще долго будет ощущать последствия пандемии.

Несмотря на наличие серьезных проблем в американской экономике, перспективы 2021 г. выглядят обнадеживающе. К июлю 2021 г. почти половина населения США была полностью вакцинирована, и этот процесс продолжается. Замедление распространения COVID-19 и снятие ограничений станут факторами восстановления экономической активности.

Уже в I квартале 2021 г. экономика США стабилизировалась на некотором уровне, который ниже докризисного, но позволяет говорить о том, что государство и бизнес приспособились к новым условиям жизни. Можно предположить, что худшее у экономики США позади. Вместе с тем развитие американской экономики в ближайшие годы будет во многом связано с выбором экономической стратегии.

Пандемия COVID-19 стала катализатором становления современной политической и социально-экономической среды США. Проблемы, на которые годами и десятилетиями общество закрывало глаза, вышли на первый план и явили миру серьезные последствия пандемии. Невзирая на сложную ситуацию, в США существуют перспективы восстановления экономики. Благодаря динамичному росту новых и традиционных отраслей, восстановлению «покалеченных» сегментов экономической и политической жизни страны, США в ближайшие годы смогут вернуть свои позиции.

Литература

1. Блинов А. Вирус рецессии: чем обернется эпидемия COVID-19 и кто пострадает больше всего. — URL: <https://www.slovoidilo.ru/2020/03/18/pogljad/ekonomika/virus-recesiyichymobernetsya-epidemiya-covid-19-xto-postrazhdaye-nejbilshe>.
2. Ковалева Т.К. Пандемия COVID-19 и поддержка малого бизнеса в США: институциональные аспекты, инструменты и механизмы // Финансовые рынки и банки. — 2020. — № 2. — С. 32–35.
3. Небольсина Е.В. Система страхования от безработицы в США во время пандемии коронавируса // Страховое право. — 2020. — № 2 (87). — С. 3–12.

4. Сулян В.Б. Экономическая ситуация в США: текущие и возможные долгосрочные последствия кризиса // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2020. — Т. 50. — № 5. — С. 54–62.
5. Торкановский Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. — 2020. — Т. 10. — № 3. — DOI: 10.18334/eo.10.3.11060.
6. Bureau of Labor Statistics (2020). Employment Situation. Establishment data tables B-1, B-3, B-1b and B-3b. — URL: <https://www.bls.gov/ces/> (дата обращения 10.12.2021).
7. Dow Jones index. — URL: <https://www.cnbc.com/2020/02/28/the-dow-just-lost-12percent-in-one-week-heres-why-and-what-likely-happens-next.html>.
8. Live updates: As U.S. coronavirus cases top 1,000, mixed signs of recovery in China, South Korea // The Washington Post. — 11 March 2020.
9. Market. — URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2020/03/12/markets-stocks-today-coronavirus/>.
10. Market stock. — URL: <https://www.cnbc.com/2020/02/27/this-is-the-fastest-stock-market-correction-in-history.html>.
11. National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness. — 21 January 2021. — URL: https://www.nhpco.org/wp-content/uploads/White_House_National_Strategy_for_the_COVID-19_Response.pdf (accessed 10.12.2021).
12. White House warms to showering US with 'helicopter money'. — 18 March 2020 // Financial Times. — URL: <https://www.ft.com/content/422f727c-6931-11ea-800d-da70cff6e4d3> (дата обращения: 10.12.2021).
13. World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. — 2020 // IMF. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 10.12.2021).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПЕРЕСТРОЙКУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МНОГОСТОРОННОСТЬ

Аннотация

В статье рассматривается влияние кризиса COVID-19 на глобализацию и многосторонность в различных аспектах, которые являются способами взаимосвязи и взаимозависимости людей и стран по всему миру, так как меняющаяся тенденция глобализации окажет огромное влияние на международную систему, особенно в контексте многосторонней дипломатии, в частности, на оценку реагирования на кризисы системами глобального управления, такими как Организация Объединенных Наций (ООН) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Позиция сверхдержав также оказала мощное влияние на успех действий ООН и ВОЗ. В ходе исследования автор выяснил, что кризис COVID-19, добавивший динамики и силы антиглобалистской тенденции (Deglobalization), и глобализация в посткризисном мире приведут к перестройке глобализации (Rewiring globalization). Пока перестройка глобализации и глобального управления безмерно регрессирует, минилатерализм все чаще выдвигается в качестве дополнения и альтернативы многосторонности. Поэтому минилатерализм играет дополнительную роль в глобальном управлении и помогает исправить недостатки многосторонности.

Ключевые слова: COVID-19, ООН, WHO, глобализация, многосторонность, минилатерализм

Автор

Супатат Мафуанг

Студент магистратуры кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)
(email: supatatmafuang@gmail.com)
ORCID: 0000-0002-2494-5602

Введение

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) подтвердила, что эпидемия, вызванная вирусом COVID-19, полностью превратилась в «болезнь, изменившую мир», и кризис COVID-19 имеет следующие ключевые аспекты: во-первых, COVID-19 характеризуется как быстрый и широко-масштабный. Во-вторых, усилия по сдерживанию COVID-19, в том числе меры по блокировке, также оказали влияние на мировую экономику и общество. Например, по оценке Всемирного банка, спад мировой экономики составил 5,2 процента в 2020 году, что стало самой сильной рецессией со времен Второй мировой войны [1]. Кроме того,

ООН сообщила, что COVID-19 оказал прямое и косвенное влияние на многие слои общества, несоразмерно затронув уязвимые группы тех, кто оказался в нестабильных ситуациях, такие как инвалиды, пожилые люди, малоимущие, трудовые мигранты, беженцы, которые вызвали проблему неравенства экономической и социальной интенсификации [2]. В-третьих, сложившиеся трудные условия для балансирования управления кризисными ситуациями в области общественного здравоохранения с усилиями по смягчению социально-экономических последствий поставили правительства многих стран перед политическими проблемами, которые усугублялись. В-четвертых, в разгар кризисов и проблем, охва-

тивших государства по всему миру, наблюдаются явные признаки антиглобалистского тренда, такие как закрытие границ и политика, ориентированная на внутренние решения «для борьбы с болезнями и задержки передвижения иностранцев». Помимо этого, были объявления о выходе из членства и пересмотр финансирования США в ВОЗ, возмещение за торговлю между США и Китаем, митинги против неравенства, широкое распространение неточной информации, не подтвержденной доказательствами и основанной на взаимном страхе стран.

Поэтому целью данной статьи является изучение того, как кризис COVID-19 влияет на процесс глобализации и многосторонности, в том числе каким образом реакции ООН и ВОЗ, подорвавшие веру в многосторонние механизмы, влияют на тенденции роста и спада глобализации в целом, как выдвигающаяся тенденция минилатерализма играет важную роль в глобальном управлении и как она может исправить недостатки многосторонности в постпандемии.

Перестройка глобализации и многосторонности

Глобализация подразумевает активное включение более тесных отношений и связей между государствами, взаимозависимый мир (*interdependence*), но в то же время усиливаются тенденции деликатности (*sensitivity*) и хрупкости (*vulnerability*) международной уязвимости, и глобализация является конкурентной борьбой за сохранение уровня потенциала, за выживание и борьбу с темной стороной глобализации (деградация окружающей среды, эпидемии, необычная иммиграция) [3. — С. 14–15], но это иногда заставляет страну выбирать суверенитет для решения своих собственных проблем. Часто это выступает причиной противоречий или конфликтов в международной политике, которая привела к представлениям о необходимости глобального

управления и важности многосторонних механизмов и международных организаций в решении трансграничных и коллективных проблем мира [4].

Заметны глобальные диспропорции (*global imbalance*), особенно разрыв между передовыми и отстающими субъектами в аспекте глобализации «в контексте как стран, так и индивидов». Это одна из причин антиглобалистских реакций и чувств, таких как отрицание, страх и принуждение, желание разработать правила межнациональных отношений для снижения влияния гегемонии (*hegemony*), стремление к борьбе за власть. Также поведение крупных держав (*major power rivalry*) многократно подрывает существующие международные законы и нормы и тем самым снижает роль ООН [5. — С. 193].

Однако глобальное управление важно для решения совместных проблем, не относящихся к конкретному государству или стране, так называемых «денационализированных проблем», или для предоставления товаров, или для создания взаимовыгодных условий коммуникации между странами. Так, глобальное управление включает в себя весь процесс установления и обеспечения соблюдения международных правил [6].

Тем не менее во время пандемии глобализация рассматривается многими в следующих аспектах:

1) является важной причиной более легкого, быстрого и безграничного ускорения распространения кризиса COVID-19;

2) глобализация снова ставится под сомнение, будучи ослаблена пандемией. Минусы глобализации (социально-экономическое неравенство, технологическое отставание и др.) активизируют движения против традиционных господствующих идей, которые заставляют людей верить в неизбежность глобализации;

3) глобализация развивается в противоположном направлении, о чем сви-

детельствуют такие течения, как национализм и защита рынка (protectionism). Эти тенденции вряд пошли на пользу многосторонности (multilateralism) и усилиям по развитию сотрудничества между странами для совместного решения важных глобальных проблем.

С точки зрения многосторонности, ООН — самая представительная международная организация, и государства-члены играют ведущую роль в продвижении глобального управления (Global Governance). Сегодня многосторонность сталкивается с более жестким испытанием кризисом COVID-19 со стороны ООН: государства-члены и широкая общественность ожидают, что они помогут справиться с кризисом COVID-19, потому что «глобальный кризис должен решаться мировым механизмом». Кроме того, в качестве цели устойчивого развития (ЦУР3) указано «обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте», в частности, в задаче 3.3 четко обозначено: «Цель состоит в том, чтобы остановить инфекционные заболевания» [7]. С этой точки зрения компетентность ВОЗ как профессиональной организации подвергается серьезным сомнениям.

ВОЗ по сравнению с прошлым сейчас является специализированной организацией в области общественного здравоохранения, но во время эпидемии испанского гриппа (1918 г.) число умерших достигло 50 млн человек. Каждой стране в то время приходилось бороться с эпидемией в одностороннем порядке, потому что не существовало многосторонних организаций в области общественного здравоохранения. Но если сегодня в мире существуют такие организации, как ВОЗ, почему страны по-прежнему реагируют на пандемию COVID-19, прибегая к одностороннему подходу (unilateral approach), а не многостороннему?

Помимо проблемы правоприменения Международных медико-сани-

тарных правил (ММСП), еще больше обострились проблемы в отношениях между государствами-членами и конкуренция между существующими крупными державами, ухудшились отношения между ВОЗ и государствами-членами, что отражено во многих СМИ [8; 9]. Подверглась резкой критике пристрастная позиция Генерального директора ВОЗ Тедроса Аданоме Гебрейесуса в интервью после его визита в Китай в начале 2020 года [10]. ВОЗ была раскритикована со стороны США за то, что поверила ложной информации из Китая. США обвинили ВОЗ в ошибочных советах. И ВОЗ обвинялась в неспособности обмениваться информацией и давать своевременное предупреждение о COVID-19 без надлежащего расследования отчета города Ухань. Это включает задержку с объявлением статуса «public health emergency of international concern» и уведомлением о «human-to-human transmission».

Кроме того, в различных новостных источниках были представлены новости о том, что Тайвань протестовал против ВОЗ по той причине, что она не распространила и не использовала информацию об успехах страны, дискриминировала Тайвань и встала на сторону Китая. США как крупнейшая страна — донор ВОЗ утверждали, что Китай использовал Соединенные Штаты в своих интересах, имея статус развивающейся страны (взносы Китая в ВОЗ намного меньше, чем у США), и ВОЗ не достигла удовлетворительных результатов в глобальном управлении. Можно считать, что с точки зрения поддержки США в ВОЗ это несправедливо и невыгодно для страны.

В целом можно сделать вывод, что результаты антикризисного управления со стороны ВОЗ при COVID-19 разочаровали участников многосторонних механизмов в области общественного здравоохранения. Проблемы взаимодействия ВОЗ с некоторыми государствами-членами и между самими

странами-членами стали той движущей силой, которая увеличивает недоверие к многосторонним механизмам и глобальному управлению и еще больше усиливает антиглобализацию (Deglobalization). Первоначальная реакция ООН на кризис COVID-19, а также геополитические условия, особенно конкурентная и конфликтная позиция сверхдержав, возникшая в результате кризиса COVID-19, развивались в направлении, которое не помогает укреплять веру в многосторонность и способствует замедлению глобализации.

Однако тенденция против глобализации, вероятно, будет иметь временный эффект как часть цикла подъёмов и спадов глобализации. Мир после кризиса COVID-19 станет свидетелем перестройки глобализации, пересмотра цепочек поставок и усилий по смягчению воздействия внешней нестабильности по следующим причинам: во-первых, это конкуренция между великими державами. США и Китай воплощают норму, которая существует уже долгое время и продолжит существовать. Помимо этого, позиция сверхдержав неоспорима в том, что страны выигрывают больше от глобализации и согласованности (а не от процесса отключений). В будущем, видимо, произойдет перестройка глобализации (rewiring globalization). Во-вторых, интеграция в технологиях и средствах связи станет ключевым двигателем кризиса, вызванного COVID-19, и будет способствовать глобализации. В-третьих, фундаментальный характер данного кризиса определит конечный успех действий посредством сотрудничества международного сообщества (collective actions). В-четвертых, ООН и ее усилия по глобальному управлению могут восстановить доверие. Кроме того, малые и средние страны, которым необходимо полагаться на многосторонние механизмы, должны способствовать духу сотрудничества международного сообщества, чтобы помочь ООН работать более эффективно.

Минилатерализм в многосторонности до глобального управления

В то время как прогресс в области глобального управления и многосторонности замедлился, минилатерализм все чаще выдвигается в качестве сценария как дополнение и альтернатива многосторонности.

Минилатерализм предлагает неформальные преимущества — рекрутирование членства и более узкую направленность на то, чтобы справиться с проблемами, возникающими из-за, казалось бы, непримиримых интересов в глобальном управлении. Например, медленные многосторонние переговоры и идеологический тупик, которые подпитывали напряженность между США и Китаем. Минилатерализм находится в центре внимания для укрепления позиций многосторонности.

Минилатерализм может принимать различные формы — от ориентированных на региональном уровне, в том числе Lancang-Mekong Cooperation, на функциональные вопросы, например, цифровые государства, до групп, направленных на идентичность, состоящих из партнеров или союзников-единомышленников (БРИКС). Однако при этом «наименьшее количество стран должно показать максимально лучший результат решения конкретной проблемы» [11].

Минилатерализм, основанный на неформальности и межличностных отношениях для открытого обсуждения и разбивающий сложные политические вопросы на мелкие задачи, обеспечивает скорость и гибкость. Это отличается от многосторонности, которая все чаще воспринимается как обремененная жесткими традиционными нормами и структурными соображениями [12. — С. 2]. Проще говоря, ограниченность минилатерализма существует как компромисс между малыми и большими группами за счет неформальной и сильной межличностной зависимости на ос-

нове идеологии минилатерализма. Эти группы облегчают создание и поддержание доверия между государствами. В то же время создание и расширение сотрудничества на базе минилатерализма может быть затруднено в условиях дефицита доверия или недостаточного знакомства между существующими и новыми членами. Оба условия уменьшают преимущество неформальности в рамках минилатерализма. Более того, хотя минилатерализм специфичен, неясно, можно ли при необходимости проводить сокращения членства — принудительный выход из членства, если данный член не смог внести существенный вклад в решение политических вопросов [12. — С. 4].

Можно сделать вывод, что неформальность стоит в центре внимания минилатерализма. Как основа минилатерализма неформальность имеет множество преимуществ: низкий уровень бюрократизации, больше открытых и честных дискуссий, больше гибкости для создания специальных механизмов и меньше потребности в финансировании институционализации. Однако неформальность создает следующие проблемы и вызовы: во-первых, подвижная (fluid) и неиерархическая структура (non-hierarchical) может создать вакуум лидерства, который действует против минилатеральных структур: в группе МІКТА минилатеральные партнеры (крупные державы) сталкиваются с риском отказа малым государствам в праве собственности в рамках минилатерализма [13].

Во-вторых, неформальность способствует потере фокуса в минилатеральных договоренностях без организационных принципов, рамок или институционализации. Низкая институционализация также означает, что минилатеральные соглашения нередко создаются на более короткий срок, чем формальные многосторонние соглашения. Хотя институционализация не приводит автоматически к эффектив-

ности мини-форума, исследование того, повышает ли институционализация БРИКС его эффективность, показало, что, хотя и не во всех областях политики, институционализация помогла повысить эффективность БРИКС в таких областях, как торговля и борьба с терроризмом [14].

В-третьих, одна из самых больших проблем минилатерализма заключается в обеспечении поддержки и легитимности в области внутренней и международной политики. Так, на внутреннем уровне минилатерализм часто расшатывается нестабильной внутривнутриполитической ситуацией из-за его слабого институционального присутствия [15]. Например, в Индо-Тихоокеанском регионе минилатерализм подрывает международные институты и порядок [16].

Хотя мы до сих пор не знаем, когда закончится пандемия, сокращение количества саммитов и подъем виртуальной дипломатии (Virtual diplomacy) может оказаться лучшим результатом в New Normal для минилатерализма. Актуален саммит в формате онлайн и совместное создание модульного механизма решения проблем в АСЕАН.

С точки зрения минилатерализма, механизм принятия решений АСЕАН-Х от минилатеральных структур может влиять на их траектории, как это видно из недавнего кризиса COVID-19: ASEAN Emergency Operations Center (EOC) Network через «АСЕАН плюс три» и Regional Public Health Laboratories Network (RPHL), поддержанная США (USAID) [17]. Поэтому в рамках минилатерализма в сотрудничестве с АСЕАН через ВРЭП и решений АСЕАН-Х все же удалось остановить пандемию быстрее, чем в других регионах. Минилатерализм играет дополнительную роль в глобальном управлении и помогает исправить недостатки многосторонности в самой АСЕАН.

В вышеупомянутых рамках сотрудничества между АСЕАН-Х и крупными

державами не было конфликта интересов, поскольку существует разделение сотрудничества в решении конкретных проблем. Обе державы — Китай и США — помогли АСЕАН выстроить антикризисный механизм в борьбе с пандемией в разных областях. Это создает баланс сил.

Заключение

Кризис COVID-19 увеличивает деглобализацию (Deglobalization). Реакция на кризис COVID-19 со стороны ООН, в первую очередь, изменила геополитические условия, повлияла на конкурентные и конфликтные отношения сверхдержав после кризиса COVID-19, что не способствовало ни укреплению веры в

многосторонность, ни существенному вкладу в борьбу с деглобализацией.

Однако тенденция против глобализации имела временный эффект как часть цикла подъемов и спадов глобализации. Мир после кризиса COVID-19 подвергнется перестройке глобализации (Rewiring или Rethinking Globalization). Результаты исследования показали, что одна из тенденций в перестройке глобализации — это минилатерализм как альтернатива многосторонности, так как он имеет неофициальные преимущества — рекрутирование членов и большее внимание к решению проблем, возникающих из-за кажущихся непримиримыми интересов в глобальном управлении.

Литература

1. World Bank. Global Economic Prospects. — June 2020. — Washington, DC: World Bank. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748>.
2. UN Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). Everyone Included: Social Impacts of COVID-19. — URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/everyone-included-covid-19.html>
3. Globalization in the 21st Century: How Interconnected is the World? — The Emirates Center for Strategic Studies and Research (ECSSR), 2008. — P. 14–15.
4. Zürn M. Handbook of International Relations. — 1997. — URL: https://cms.wzb.eu/system/files/docs/jpl/gg/globalization_and_global_governance.pdf.
5. Nimah H.A. Globalization in the 21st Century: How Interconnected is the World? — ECSSR. — 2008. — P. 193.
6. Rosenau J.N. Governance without Government Order and Change in World Politics. — London: Cambridge University Press, 1992.
7. United Nations. SDG Indicators Metadata repository. — URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/?Text=&Goal=3&Target=3.3>.
8. The Coronavirus Blame-game: America and China take their Rivalry to the World Health Organization // The Economist. — URL: <http://www.economist.com/international/2020/05/17/america-and-china-take-their-rivalry-to-the-world-health-organisation>.
9. Kallan K. Caught in Trump-China feud, WHO leader is under siege / K. Kallan, S. Nebehay. — Reuters. — 15/5/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.reuters.com/investigates/special-report/health-coronavirus-who-tedros/>.
10. Rauhala E. Chinese officials note serious problems in Coronavirus response. The World Health Organization keeps praising them // Washington Post. — 8 February 2020. — URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/chinese-officials-note-serious-problems-in-coronavirus-response-the-world-health-organization-keeps-praising-them/2020/02/08/b663dd7c-4834-11ea-91ab-ce439aa5c7c1_story.html.
11. Naim M. On Minilateralism // Foreign Policy. — 2009.
12. Anuar A. Minilateralism for multilateralism in the post-COVID age / A. Anuar, N. Hussain // RSIS Policy Report. — 2021. — P. 2–4.
13. Kim S.-M. Minilateralism Revisited: MIKTA as Slender Diplomacy in a Multiplex World / S.-M. Kim, S. Haug, S.H. Rimmer // Global Governance. — 2018. — Vol. 24. — No. 4.
14. Larionova M. Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness? / M. Larionova, A. Shelepov // The European Union and the BRICS. — 2015.

15. *Nazia Hussain*. Is BIMSTEC re-modelling for a bigger role? // East Asia Forum, 23 November 2018. — URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/11/23/is-bimstec-re-modelling-for-a-bigger-role/>.
16. *Stewart P.* The New 'New Multilateralism': Minilateral Cooperation, But At What Cost? // Global Summitry. — 2015. — Vol. 1. — No. 2.
17. *Мафуанг С.* Факторы институциональных неудач АСЕАН и ЕС: сравнительный анализ механизмов в борьбе с COVID-19 / С. Мафуанг // Вопросы политологии. — 2021. — Т. 11. — № 10 (74). — С. 2972–2981. — DOI:10.35775/PSI.2021.74.10.034.

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ — ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена использованию цифровой дипломатии во внешней политике Российской Федерации. В исследовании описано развитие цифровой дипломатии, присутствие МИД РФ в сети Интернет, угрозы и вызовы, с которыми сталкивается страна в информационном пространстве. Особое внимание уделено цифровизации внешнеполитического ведомства России. На основе анализа в статье сделаны выводы о дальнейшем развитии информационной сферы в политике России.

Ключевые слова: Российская Федерация, цифровая дипломатия, внешняя политика, информационные технологии, цифровизация.

Автор

Карина Юрьевна Чернявская

Студентка исторического факультета
Донецкого национального университета
(Донецк, ДНР)

Активное и быстрое развитие коммуникационных и информационных технологий в мире, а также повсеместное внедрение сети Интернет оказывают влияние на все сферы деятельности человека, общества и государства. Глобальное информационное сообщество постоянно трансформируется, не учитывая государственных границ, тем самым влияет на международную политику. В настоящее время внешняя политика государства подкрепляется средствами цифровой дипломатии.

Развитие государственной информационной политики — это одно из важных внешнеполитических направлений Российской Федерации. Информационная сфера является базовым фактором функционирования и успешного развития общества и государства. Многие российские аналитики считают, что разработка информационной государственной политики — эффективный метод управления и регулирования

общества. Цифровая дипломатия России развивается совместно с традиционной дипломатией государства. Информационно-коммуникационные технологии заняли доминирующую позицию в сфере национальных интересов страны. Становление цифровой дипломатии и формирование электронного правительства Российской Федерации началось с принятия Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010 гг.). Главными целями этой программы были повышение качества взаимоотношений государства и общества с помощью информационно-коммуникационных технологий, повышение эффективности государственного управления, расширение возможностей в информационной сфере [8]. Цифровая дипломатия России развивается по следующим направлениям: информационное обеспечение внешней политики и продвижение положительного образа России посредством радио- и телекана-

лов, вещающих на иностранных языках и имеющих свои аккаунты в социальных сетях; создание персонифицированных страничек руководящих лиц России в социальных сетях; деятельность правительственных ведомств и неправительственных организаций в сети Интернет; проектная деятельность МИД РФ и дипломатических структур в зарубежной блогосфере [9. — С. 234]. Информационно-коммуникационные технологии в России прошли ряд изменений, параллельно с этим совершенствовалась и закреплялась цифровая дипломатия. На государственном и региональном уровне создавались программы и проекты развития информационных и телекоммуникационных систем и сетей. Также организация политики постоянно модернизировалась, создавались социальные сети официальных государственных органов, и развивалась идея электронного правительства.

Российская дипломатия вышла на новый уровень, она приобрела фактор открытости перед обществом. С января 2010 года в Twitter появился первый аккаунт российской дипломатической миссии [3]. Представители МИД России официально присутствуют в сети Интернет, в том числе на известных площадках: Facebook, YouTube, «ВКонтакте», «Телеграм», «Инстаграм» и др. [1]. Помимо аккаунтов в социальных сетях, МИД РФ имеет официальный сайт в сети Интернет, где расположены лента новостей, разделы о внешней политике, о консульских и дипломатических отношениях, фото- и видеоматериалы, а также ссылки на аккаунты в соцсетях, в которых Министерство информирует о своих действиях широкую публику.

Важное место в информатизации внешней политики государства занимает телевизионная компания RT, которая отстаивает интересы России на международной арене. У компании есть каналы, вещающие на русском языке, на английском — RT America, испанском — RT en Espanol и арабском — RT Arabic. Несмотря на то, что

сюжеты канала имеют многомиллионную аудиторию, их репортажи нередко подвергаются критике из-за освещения информации с выгодной для национальных интересов государства стороны. Информационная сфера России развивается в рамках внешней политики, также государство использует инструменты «мягкой силы» для расширения возможностей цифровой дипломатии и отстаивания национальных интересов, создания благоприятного имиджа своей страны.

После осуществления Федеральной целевой программы «Электронная Россия» Правительство Российской Федерации утвердило Государственную программу РФ «Информационное общество (2011–2020 гг.)», а также «Стратегию развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.» Оба документа касаются информационной среды государства как совокупности информации и информационно-коммуникационных сетей.

Для успешной реализации цифровой дипломатии необходима база интеллектуальных и инновационно-технологических ресурсов. Следует развивать и поощрять научные исследования и нововведения в информационной среде. Динамическое развитие технологий, внедрение новых средств коммуникации и распространение информации опережают развитие общества и государства. Сферу цифровой дипломатии продолжают изучать, Правительство прилагает много усилий для подготовки высококвалифицированного персонала в информационной среде с целью повышения уровня информатизации в Российской Федерации.

Несмотря на то, что цифровая дипломатия в России появилась недавно, МИД РФ использовал все возможности для совершенствования своего информационного пространства. МИД России задействовал в работе все возможные

информационные площадки, тем самым увеличил открытость внешней политики и интерес к своей деятельности в обществе России и зарубежных стран.

Быстрое и постоянное развитие сети Интернет привело к тому, что Россия должна активно вести внешнюю политику, не забывая о безопасности в информационной среде, а также о создании положительного имиджа государства. Именно цифровая дипломатия является инструментом продвижения и защиты национальных интересов страны в информационном пространстве.

Главная угроза, с которой Россия столкнулась в информационной среде, — это киберпреступность. Российская Федерация в 2019 году стала инициатором создания Рабочей группы ООН по международной информационной безопасности. В ходе 74-й сессии Генассамблеи ООН большинством голосов была принята российская резолюция ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [5]. Также Россия достигла значительных результатов в борьбе с киберпреступностью в рамках ООН. Генассамблея ООН подавляющим большинством голосов одобрила предложенную Россией резолюцию «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [5]. Помимо этого, были организованы мероприятия по решению проблем в информационном пространстве, например «Центральноамериканский форум по киберпреступности и международной информационной безопасности в Гватемале» и «Международный форум по вопросам применения информационных технологий и коммуникаций в мирных целях», которые прошли в 2019 году.

Кроме совместной работы по борьбе с киберпреступностью в рамках ООН,

Россия развивает двусторонние и многосторонние отношения по вопросам международной безопасности. В этой сфере Российская Федерация подписала ряд соглашений о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности с такими странами, как Республика Никарагуа, Киргизская Республика, Туркменистан, КНР, Республика Беларусь и другие.

На сегодняшний день в цифровой дипломатии Российской Федерации появилась практика коммуникаций с зарубежными представителями через социальные сети, что стало новым шагом в цифровизации внешнеполитического аппарата. Например, Посольство России в США в марте 2018 г. поздравило официального представителя Госдепартамента Хизер Науэрт с Международным женским днем [6]. Х. Науэрт в ответ призвала Россию соблюдать свои международные обязательства по Сирии, а российское посольство предъявило претензии к США по поводу сирийского конфликта. Пресс-секретарь посольства Николай Лахонин, написал, что Twitter является надежным и быстрым каналом коммуникации по срочным вопросам [7]. С 2019 года Посольство США в Москве начало часто отмечать аккаунты МИД России в Twitter. Общение представительств в социальных сетях и на интернет-платформах вышло на новый уровень и приобрело большое значение в период COVID-19.

Новым вызовом, с которым столкнулось внешнеполитическое ведомство России, были ограничения, связанные с распространением коронавирусной инфекции. Глобализация общества вышла на новый уровень: в повседневной жизни и рабочей деятельности начали активно внедрять информационно-коммуникационные технологии. В связи с переходом в онлайн-режим взаимодействия МИД России с представителями иностранных государств проводилось

в рамках цифровой дипломатии. После перехода на дистанционное общение и удаленную рабочую деятельность был создан справочно-консультационный портал Департамента Ситуационно-кризисного центра МИД РФ «Безопасное пребывание за рубежом». Это был формат веб-сайта для оказания помощи гражданам, находящимся за рубежом. Кроме того, дипломаты России начали развивать свои аккаунты в социальных сетях. В Instagram проводились прямые эфиры как один из векторов открытой цифровой дипломатии. Тенденция перехода в онлайн-режим расширила потенциал публичной дипломатии: информационная доступность позволила участвовать в экспертных дискуссиях и профильных обсуждениях из любой точки мира, моментально распространять информацию в digital-формате и воздействовать на широкую аудиторию [4. — С. 8] Также одной из интернет-площадок для видеоконференций стала платформа Zoom. Однако перевод работы в онлайн-режим был не единственной проблемой в период распространения COVID-19. В сети Интернет начали периодически появляться фейковые новости и дезинформация. В связи с этим на официальном сайте МИД РФ существует раздел, который посвящен фейковым новостям о России, опубликованным в зарубежных СМИ.

Распространение коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничения содействовали развитию цифровой дипломатии. Но, несмотря на существенные усилия в информационном пространстве, предпринятые российскими дипломатами, имеются серьезные технические ограничения, которые не позволяют с уверенностью прогнозировать перспективы дальнейшего расширения практики проведения переговоров с помощью интернет-платформ [2]. Отрицательным фактором является и то, что информационным

миром управляют западные СМИ и интернет-компании, — это прежде всего отразилось на информационной кампании российской вакцины «Спутник V», которую до сих пор не признает ряд стран.

Несмотря на то, что Российская Федерация сталкивается с вызовами в дипломатической и информационной сферах, внешнеполитическая деятельность государства совершенствуется и преодолевает трудности, вызванные информатизацией мирового сообщества. Россия использует все меры для предотвращения информационных атак и воздействия дезинформации на граждан страны. Цифровая дипломатия успешно реализовала свои задачи в период мирового локдауна и заняла лидирующую позицию в традиционной российской дипломатии. Помимо этого, государственные деятели РФ активно ведут аккаунты в социальных сетях, что влияет на политику государства. Открытость внешней политики страны перед широкой аудиторией становится все больше, и интерес к цифровой дипломатии увеличивается с каждым годом. Несмотря на ряд положительных моментов, цифровизация общества влечет за собой негативные последствия — распространение киберпреступности и проблему сохранения безопасности в информационной сфере. В связи с этим Российская Федерация развивает средства и методы информационной защиты, а также разрабатываются разные проекты и документы по обеспечению информационной безопасности государства и общества в информационном пространстве. Благодаря совершенствованию интеллектуальных, технологических, организационных ресурсов и широкому распространению информационных технологий, цифровая дипломатия может стать ведущим средством продвижения и отстаивания национальных интересов на мировой арене.

Литература

1. Аккаунты в соцсетях // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://www.mid.ru/press_service/social_accounts/ (дата обращения: 18.05.2021).
2. Как COVID-19 повлиял на практику цифровой дипломатии России // Сайт РСМД. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/?sphrase_id=84698423 (дата обращения: 18.05.2021).
3. МИД России RU // Telegram. — URL: https://t.me/s/MID_Russia?q=цифровая+дипломатия (дата обращения: 18.05.2021).
4. Бурлинова Н. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г. / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко. — М.: НП РСМД, 2021. — 38 с.
5. Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, полученные к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3995958#2 (дата обращения: 18.05.2021).
6. Твит пользователя @RusEmbUSA. — 08.03.2018 // Twitter. — URL: <https://twitter.com/RusEmbUSA/status/971612297864056832> (дата обращения: 18.05.2021).
7. Твит пользователя @RusEmbUSApres. — 09.03.2018 // Twitter. — URL: <https://twitter.com/RusEmbUSApres/status/971951512577564672> (дата обращения: 18.05.2021).
8. ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 18.05.2021).
9. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы: монография / Н.А. Цветкова, Г.О. Ярыгин. — СПб.: Северная Нива, 2014. — 234 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПОДХОДА К ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация

В статье исследуются меры по реализации механизмов публичной дипломатии КНР в период пандемии COVID-19. Автор рассматривает китайский подход к концепции «мягкой силы», актуальные механизмы публичной дипломатии КНР и анализирует трансформацию мер по осуществлению публичной дипломатии в период пандемии. В данной статье определена роль публичной дипломатии в гуманитарной составляющей внешней политики КНР в период пандемии COVID-19 и выявлены ограничения в реализации механизмов публичной дипломатии. По результатам проделанной работы сделан вывод о том, какое влияние пандемия оказала на китайский подход к имплементации публичной дипломатии и оказалась ли успешной реализация данного механизма по преодолению внешнеполитического кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Ключевые слова: Китай, публичная дипломатия, пандемия, COVID-19, «мягкая сила», внешняя политика.

Автор

Александра Игоревна Кокорева

Бакалавр, выпускница факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России (Новосибирск, Россия)

В конце 2019 года страны вступили на порог новой эпохи, где кризис, вызванный нетрадиционной угрозой вируса COVID-19, диктует новые правила реализации не только внутренней, но и внешней политики. Большинство стран мира продемонстрировали слабый ответ на глобальный вызов, а внешнеполитические курсы государств были вынуждены изменить свой вектор развития. В период кризиса взаимодействие с зарубежными сообществами обретает наибольшую актуальность и более острую необходимость, чем когда-либо, так как от таких факторов, как информирование, взаимная поддержка, оказание помощи и передача опыта, напрямую зависят успешное преодоление последствий вируса и прекращение распространения заболевания в мире. Лидеры стран

были вынуждены действовать в условиях нового непредвиденного кризиса, таким образом, механизм публичной дипломатии в рамках внешнеполитического взаимодействия становится все более актуальным.

Публичная дипломатия как оформленное теоретическое направление реализации внешней политики и дипломатии изначально появилась в США и ведет свою историю с середины XX в. В ее задачи входило представление позитивного образа государства вовне [1. — С. 2]. Новая публичная дипломатия основана на концепции «мягкой силы», понимаемой как формирование привлекательности в глазах зарубежных сообществ [1. — С. 16].

Фактор пандемии стал катализатором многих изменений во внешней политике и появления ряда тенденций,

таких как отход от глобальных институтов и обращение к двустороннему международному подходу. Более того, эти факторы обозначили переход публичной дипломатии в сторону здравоохранения и других ее смежных областей в ответ на глобальный кризис. Привычные механизмы публичной дипломатии сместили акцент на транслирование странами своего видения ситуации с COVID-19, реализацию гуманитарных мер и демонстрацию успеха борьбы с вирусом в качестве ресурсов «мягкой силы». В условиях глобального кризиса обозначился процесс трансформации механизма публичной дипломатии с целью реализации внешнеполитических вызовов, связанных с пандемией COVID-19. Это обуславливает актуализацию механизма публичной дипломатии, ее смежного направления «дипломатии здравоохранения» и новых, не существовавших ранее обозначений, таких как «коронавирусная дипломатия», «дипломатия масок» и «дипломатия вакцин», которые не имеют устоявшейся позиции в научном дискурсе.

В 2019 году мир столкнулся с вирусом COVID-19, который впервые был обнаружен в городе Ухань, Китай [2]. Несмотря на шаги по преодолению распространения вируса внутри страны, Китай подвергся серьезной критике за неправильное управление вспышкой. Данная критика обусловлена закрытостью информации, несвоевременной осведомленностью международного сообщества об опасности самого вируса и сокрытием информации, которая могла бы ограничить распространение заболевания и искоренить его на ранних стадиях. Эти обвинения достигли критической отметки, когда экс-президент США Д. Трамп открыто обвинил Китай в вспышке вируса.

Таким образом, пандемия COVID-19 выступила как угроза развитию экономики Китая, его репутации в глазах международного сообщества и подорвала стремление страны к статусу

сверхдержавы. Пандемия привлекла внимание мирового сообщества к наименее развитой инфраструктуре государства, а вирус рассматривался как возможный фактор дестабилизации китайского режима [3. — С. 248]. Кроме того, Китай — самый крупный экспортер товаров за рубеж, и вспышка оказала серьезное влияние на торгово-экономические отношения с партнерами КНР. Примечательно, что ситуация развернулась на фоне эскалации торговой войны с США и введения многочисленных санкций. Наконец, Китай почувствовал острую необходимость в ответе на резкую критику и растущие претензии зарубежных правительств и мировых СМИ.

Вышеупомянутые факторы подготовили почву для имплементации инструмента публичной дипломатии. Китай развернул крупномасштабную кампанию, направленную как на иностранные правительства и сообщества, так и на китайских граждан. Перед китайским правительством стояла задача продемонстрировать, насколько эффективно Китай справляется с подобными угрозами, и укрепить свои позиции международного лидера.

Исследователь Д. Рой характеризует действия Китая как переход «от защиты к нападению» и отмечает ряд факторов, которые способствовали данной стратегии [4]. В первую очередь, хотя США и Европа были заранее предупреждены о вспышке и в их распоряжении было достаточно времени на мобилизацию, их результаты борьбы с вирусом оказались значительно хуже. Так, власти КНР смогли противопоставить слабость Запада и силу Китая. Кроме того, пандемия открыла перед Китаем новые колоссальные возможности в области поставок медицинского оборудования. Следовательно, Китай предоставил глобальные общественные блага, когда развитый Запад во главе с США не смог этого сделать.

После возникновения вспышки перед Китаем стояла важная задача — защитить собственную позицию и продемонстрировать всему миру собственное видение ситуации с COVID-19. Данная стратегия заключалась в трансформации нарратива о COVID-19 по нескольким направлениям:

1. Демонстрация правильной реакции на COVID-19. Власти Китая опровергли все обвинения. Официальные лица утверждали, что информация о вирусе была передана своевременно. «Китайское правительство действовало открыто, прозрачно и с высоким чувством ответственности», — неоднократно заявлял представитель МИД КНР Г. Шуан [5].

2. Противодействие стигматизации. В марте 2020 года Д. Трамп назвал COVID-19 «китайским вирусом» [6]. Ассоциируя вирус непосредственно с КНР, Трамп и другие официальные лица США спровоцировали всплеск расизма и ксенофобии по отношению не только к китайцам по всему миру, но и другим гражданам азиатского происхождения.

3. Споры об источнике происхождения вируса. Благодаря США, Китай оказался в эпицентре критики мирового сообщества, что стало основной причиной необходимости восстановления имиджа. Одним из направлений стратегии Китая выступает информационная кампания, где источник COVID-19 не определен, хотя происхождение вируса никогда не оспаривалось. Агентство новостей Xinhua, Global Times, China Daily, People's Daily и China Global Television, а также другие местные СМИ опубликовали отчеты и статьи, в которых ставится под сомнение происхождение вируса в Китае и отмечается его возникновение в США [7; 8; 9; 10; 11].

Ряд мер публичной дипломатии был введен сразу после вспышки. К примеру, строительство временных больниц транслировалось в Интернете, что демонстрировало, насколько эффективно Китай способен справляться с подобными вызовами [12]. Отмечается,

что страна показала впечатляющую способность адаптации своих внешнеполитических инструментов в новых условиях. Китаю удалось внедрить меры публичной дипломатии, транслируя свою позицию через различные международные СМИ с учетом мнения иностранных аналитиков и организаций, которые разделяют позицию китайского правительства. Китайская дипломатия имела большое преимущество в виде доступа к относительно открытым западным СМИ с целью распространения нарратива Пекина. Китайские официальные лица за рубежом использовали многочисленные возможности для транслирования позиции своего правительства с помощью телеинтервью и публикаций передовых статей в иностранных газетах [4. — С. 3].

В марте 2020 года была инициирована масштабная кампания гуманитарной помощи Китая. Поддержка включала отправку товаров первой необходимости, СИЗ и медицинского персонала. По данным МИД КНР, помощь направляли по четырем основным каналам: межправительственная помощь, сотрудничество в области технологий здравоохранения, помощь на субнациональном уровне, предоставляемая местными органами власти, и неправительственная помощь со стороны китайских компаний и неправительственных организаций. Хуа Чунинг заявила о поставках защитных масок в 120 стран мира [13. — С. 9].

Отмечается, что многочисленные выражения благодарности и положительная реакция выступают в качестве источников китайской «мягкой силы». Здесь ярким примером выступает заявление президента Сербии А. Вучича: «Европейской солидарности не существует, и я верю только в помощь Китая» [14]. Примечательна поставка гуманитарной помощи в Италию на общем фоне бездействия и отсутствия поддержки со стороны Евросоюза. Именно Китай доставил 30 тонн меди-

каментов в Рим, что всерьез повлияло на потепление отношений между двумя странами. Отмечается, что реакцию министра иностранных дел Италии Л. Ди Майо можно рассматривать как «триумф публичной дипломатии Китая» [15]. Как указывается в отчете EEAS, позитивное восприятие Китая итальянскими гражданами выросло с 10% до 52% [16].

Тем не менее, несмотря на активные дипломатические усилия Китая в области публичной дипломатии, страна столкнулась с рядом ограничений, вызванными как внешними, так и внутренними факторами. Необходимо отметить непропорциональную реализацию стратегии «мягкой силы». Внешнеполитическая деятельность КНР базируется на комбинации как жестких рычагов давления, так и «мягкосиловых». Отсутствие правильных пропорций между «мягкой» и «жесткой» силами в случае КНР не привело к желаемым результатам. Китай получил одобрение благодаря быстрому и эффективному сдерживанию внутренней вспышки, а также благодарности за гуманитарную поддержку, но другие стратегические шаги помешали получить положительные результаты и существенно изменить видение Китая в глазах мировой общественности.

В первую очередь, это оказание давления на иностранные правительства. Жесткие методы Китая, такие как манипуляции мнением зарубежных сообществ и чрезмерное давление, свели на нет положительные результаты в рамках публичной дипломатии. Ранее отмечалось, что китайские официальные лица за рубежом использовали многочисленные возможности для транслирования позиции своего правительства с помощью зарубежных СМИ, но в большинстве случаев это осуществлялось под давлением китайской стороны. Как отмечает исследователь Д. Рой, общественность активно осуждала действия Китая и его давление в отношении ВОЗ с целью согласования

заявлений организации с внешнеполитической повесткой страны [17]. Отмечаются попытки оказания давления на Новую Зеландию, Германию и ЕС в целом [18; 19]. Другой элемент «жесткой силы» КНР во время пандемии — это экономическое принуждение, которое было отмечено в случае с Пакистаном, США, Австралией и т.д. Послы Китая в Индонезии и на Филиппинах открыто предупредили, что запрет на поездки в Китай во время пандемии может привести к экономическому возмездию [20; 21].

Примечателен сомнительный характер гуманитарной помощи. Хотя Китай получил в свой адрес много благодарности, реакция на эти пожертвования в ряде случаев характеризовалась разочарованием из-за неисправности оборудования [22].

Наконец, проблеме дезинформации было уделено особенно пристальное внимание в период пандемии. Отмечается, что Китай активизировал усилия по распространению дезинформации в Twitter, создав десятки тысяч фейковых аккаунтов, в которых обсуждались первоначальные меры Китая по борьбе с вирусом. В «Твиттере» заявили, что было обнаружено и удалено около 24 тыс. аккаунтов, которые «принимали активное участие» в скоординированных усилиях по распространению дезинформации [23].

Таким образом, КНР была развернута крупномасштабная стратегия, в основе которой лежала имплементация механизма публичной дипломатии, «мягкой силы» и гуманитарного сотрудничества. Китай приложил колоссальные дипломатические усилия для восстановления своего внешнеполитического имиджа, преодоления новых угроз и активизации сотрудничества в условиях пандемии. Тем не менее, столкнувшись с рядом ограничений, публичная дипломатия Китая не привела к желаемым результатам. По словам Р. Верма, несмотря на транслирование своей внешнеполитической повестки,

китайский нарратив не получил широкого распространения в большей части мира [3. — С. 250]. Исследователь отмечает, что в ключевых регионах оказать значительное влияние не удалось. К. Лекен и Э. Ван резюмируют: «Продолжающаяся кампания Китая по восстановлению своего международного имиджа при дискредитации ЕС

возобновила дебаты о самой природе публичной дипломатии КНР, и действия страны имели скорее негативные, чем положительные последствия» [18]. Следовательно, меры публичной дипломатии КНР во время пандемии способствовали снижению глобального престижа Китая на международной арене.

Литература

1. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 272.
2. Rolling updates on coronavirus disease [Электронный ресурс] // World Health Organization. — URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/events-as-they-happen> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Verma R. China's diplomacy and changing the COVID-19 narrative / R. Verma // International Journal: Global Policy Analysis. — 2020. — № 75 (2). — P. 248–258.
4. Roy D. China's Pandemic Diplomacy / D. Roy // Asia Pacific Issues. — 2020. — № 1 (144). — P. 1–8.
5. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on January 23, 2020 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1759985.shtml (дата обращения: 15.12.2021).
6. Donald Trump's 'Chinese virus': the politics of naming in pandemic [Электронный ресурс] // The Conversation. — URL: <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796> (дата обращения: 15.12.2021).
7. Studies find COVID-19 infections worldwide earlier than previously identified [Электронный ресурс] // Xinhuanet. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/02/c_139558688.htm (дата обращения: 15.12.2021).
8. COVID-19 likely in US before Wuhan [Электронный ресурс] // Global Times. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208776.shtml> (дата обращения: 15.12.2021).
9. Blaming China will not solve the problems of the US [Электронный ресурс] // China Daily. — URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202008/17/WS5f39bf24a3108348172609ef.html> (дата обращения: 15.12.2021).
10. US army might have brought epidemic to China [Электронный ресурс] // People's Daily. — URL: <http://en.people.cn/n3/2020/0313/c90000-9668143.html> (дата обращения: 15.12.2021).
11. Chinese official: World needs to know when coronavirus started in U.S. [Электронный ресурс] // CGTN. — URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-04-29/Chinese-official-World-needs-to-know-when-coronavirus-started-in-U-SQ5icZe5DeE/index.html> (дата обращения: 15.12.2021).
12. Live from Wuhan: millions tune in to watch China build coronavirus hospitals [Электронный ресурс] // South China Morning Post. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3047943/live-wuhan-millions-tune-watch-china-build-coronavirus-hospitals> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Kobierecka A. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications / A. Kobierecka, M. Kobierecki // International Politics. — 2021. — № 58 (3). — P. 1–18.
14. Serbian President: "The only country that can help us is China" [Электронный ресурс] // Twitter. — URL: <https://twitter.com/RushDoshi/status/123964506> (дата обращения: 15.12.2021).
15. Chinese Doctors and Supplies Arrive in Italy [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. — URL: https://www.wsj.com/articles/chinese-doctors-and-supplies-arrive-in-italy11584564673?mod=article_inline (дата обращения: 15.12.2021).

16. EEAS Special report: Narratives and disinformation around the covid-19 [Электронный ресурс] // Europe versus disinformation. — URL: <https://euvsdisinfo.eu/eeas-special-report-update-2-22-april/> (дата обращения: 15.12.2021).
17. Senior WHO adviser dodges question on Taiwan [Электронный ресурс] // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/30/senior-who-adviser-appears-to-dodge-question-on-taiwans-covid-19-response> (дата обращения: 15.12.2021).
18. The Cost of Europe Bowing to China's Disinformation and Pressure [Электронный ресурс] // Carnegie Europe. — URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/81663> (дата обращения: 15.12.2021).
19. Pressured by China, E.U. Softens Report on Covid-19 Disinformation [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/24/world/europe/disinformation-china-eu-coronavirus.html> (дата обращения: 17.12.2021).
20. Pakistan Resumes Flights with China [Электронный ресурс] // Foreign Policy. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/04/pakistan-flights-china-wuhan-coronavirus-imran-khan-diplomacy-belt-road/> (дата обращения: 15.12.2021).
21. China punishes Australia for promoting an inquiry into Covid-19 [Электронный ресурс] // The Economist. — URL: <https://www.economist.com/asia/2020/05/21/china-punishes-australia-for-promoting-an-inquiry-into-covid-19> (дата обращения: 15.12.2021).
22. China Delays Mask Exports After Quality Complaints [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/11/business/china-mask-exports-coronavirus.html> (дата обращения: 15.12.2021).
23. Twitter Removes Chinese Disinformation Campaign [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/11/technology/twitter-chinese-misinformation.html> (дата обращения: 17.12.2021).

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СМЕНА ЭЛИТ НА ФОНЕ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ С 2010 ПО 2018 Г.

Аннотация

Для определения персонального состава правящей элиты, изучения характера связей отдельных ее представителей и уточнения объемов контролируемых ими властных ресурсов используется репутационная техника идентификации элит. Анализ упоминаемости субъектов властных отношений, влиятельных на региональном уровне, чье воздействие не сегментировано и распространяется на всю область, показал, что эту категорию составляет узкий круг лиц. В Тамбовской области это менее 10 персон. Совокупность позиций, занимаемых ими, можно поделить на несколько групп. В зависимости от контрольной точки исследования их количество и наполняемость различны. Отмечено, что отдельные представители властвующей элиты могут не владеть достаточным количеством частного или госкапитала, но при этом оказывают существенное влияние в регионе. Такое возможно, если персона обладает эффективными связями.

Ключевые слова: репутационный метод, влияние, региональные политические режимы, региональные элиты.

Автор

Дмитрий Анатольевич Соловьев

Научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

Введение

Социологическое исследование «Самые влиятельные люди Тамбовской области: 2010–2018» проведено в период с июня 2018 г. по февраль 2019 г. Его целью является изучение трансформации регионального политического режима в Тамбовской области после смены высшего должностного лица субъекта. В мае 2015 г. состоялось назначение А.В. Никитина врио главы обл администрации, а затем, в сентябре 2015 г., его избрание на должность губернатора. Прежний глава обл администрации О.И. Бетин ушел из политики, и с этого момента происходило становление новой элиты.

Интерес к данной теме обусловлен намерением разобраться в сути про-

исходящих изменений регионального политического режима. Ведь только на основе публичных оценок политиков и экспертов нельзя построить реальную картину мира. Бетин о назначении Никитина говорил с сарказмом: «Передаются полномочия преемнику, который здесь работает вместе с нами. Вырос до самостоятельного руководителя — председателя областной Думы» [1]. И Никитин открыто заявлял о том, что отверг все предложения Бетина войти в его команду [2]. Однако буквальное толкование слов уходящего губернатора, приправленное лестью по отношению к новому руководителю области, со стороны местных политиков чаще других точек зрения транслировалось в тамбовских СМИ [3]. Лишь изредка

из анонимных источников обыватели слышали, что Никитин являлся контрэлитой по отношению к Бетину и его команде [4].

Мы исходим из предположения, что Никитин был противовесом Бетину [5]. И в данной работе постараемся ответить на вопрос: какова была совокупность политических акторов до и после смены высшего должностного лица Тамбовской области в 2015 году?

Для этого потребуются определить персональный состав самых влиятельных лиц во властной структуре Тамбовской области. В данном исследовании мы используем следующие определения: «...влияние — возможность участия того или иного человека в принятии ключевых решений и/или оказание существенного влияния на этот процесс» [6. — С. 16], «влиятельность — категория, используемая для характеристики проявления и степени влияния того или иного лица» [Там же].

Методы идентификации элиты

В политологической научной традиции сложилось три основных подхода к определению лидеров власти и их влияния.

С помощью позиционной техники [7] можно установить совокупность позиций в силовом блоке, в политической и в экономической иерархиях. Главный критерий такой: влиятельнее та персона, которая занимает более высокую командную позицию. Нахождение на вершине иерархии открывает доступ к высоко ценным жизненным благам и способствует их накоплению и удержанию. В основном этот метод используется для изучения общенациональных элит [8].

Двойственные отношения между правительственными и экономическими властями могут быть изучены с помощью репутационной техники [9]. В качестве системы отсчета для анализа властных отношений Ф. Хантер использует концепцию сообщества. Оно

является первичным центром власти, в котором социальная группа передает определенным персонам социальные функции, связанные с властью. В результате появляются авторитетные люди, интересы которых по охвату могут быть местными, региональными или национальными. Чтобы определить состав когорты влиятельных лиц, нужно опросить членов общины. Когда составлен первичный список, его необходимо уточнить у персон из числа «людей власти». Влиятелен тот, кто имеет репутацию влиятельной персоны.

Метод анализа решений [10] составлен таким образом, чтобы выделить тематические области, которые охватывают широкий спектр интересов элиты, затем определить главные события в каждой из проблемных областей, опросить непосредственных участников принятия важных решений и, наконец, определить распределение влияния между явными и скрытыми участниками. Чем чаще были поддержаны предложения, инициированные персоной, тем больше ее влияние.

Каждый метод анализа влияния имеет свои преимущества и недостатки. Применительно к данной работе позиционная техника помогла бы очертить круг предположительно влиятельных персон, но разграничительная линия по уровню влияния проходила бы слишком низко. Мы также не ставим перед собой цели разобраться в широкой структуре власти, изучив, как принимаются решения по наиболее значимым общественным проблемам. Нас интересует только сравнение влияния отдельных членов региональной элиты, поэтому при проведении эмпирического исследования наиболее уместной является репутационная техника.

Методы

Основным методом исследования является репутационная техника идентификации элиты. Согласно концепции

этого подхода, персона обладает влиятельностью, если, по мнению экспертов, она включена в процессы принятия решений.

Критериями влиятельности в нашем исследовании являются «влиятельность в политике субъекта РФ» и «влиятельность в экономике субъекта РФ», под которыми мы подразумеваем объемы ресурсов, контролируемых персонами в соответствующих сферах, а также «общий уровень влиятельности на территории субъекта РФ». Последний параметр применяется для оценки эффективности связей самых влиятельных лиц.

Персона считается влиятельной на территории субъекта РФ, если хотя бы по одному из трех критериев она получила оценку не менее чем от четырех экспертов.

Для реализации поставленной цели мы составили ретроспективную картину ответов экспертов для периода, предшествующего смене высшего должностного лица субъекта, а также провели срез для анализа действительности, актуальной на момент проведения исследования. По каждому периоду мы задали информантам три вопроса:

1. Назовите трех самых влиятельных политиков в субъекте N.

2. Назовите трех самых влиятельных бизнесменов в субъекте N.

3. Назовите три самых влиятельных персоны в субъекте N.

При ответе на вопросы эксперт мог назвать от одной до трех персон либо указать, что, по его мнению, влиятельных персон нет. Также он мог уточнить, что затрудняется ответить на какой-либо из поставленных вопросов. Ведь не всегда предприниматели сведущи в сфере политики и наоборот. К этому варианту ответа информанты, участники рейтинга, прибегали и в тех случаях, когда подтверждение их влиятельности пришло после мая 2015 года.

Особенности регионального политического режима обусловлены

политикой, проводимой высшим должностным лицом субъекта РФ, а их отражением является вовлеченность различных элитных групп в процесс принятия решений.

Социально-демографические характеристики экспертов

В рамках нашего исследования опрошено 33 информанта. Из них 28 мужчин и 5 женщин. Распределение информантов по возрастным когортам выглядит следующим образом: 31–40 лет — 6 человек; 41–50 лет — 9 человек; 51–60 лет — 12 человек; 61 год и старше — 6 человек. 32 эксперта получили высшее образование. Среди них 11 кандидатов и 8 докторов наук.

Должностной статус экспертов (в % от общего числа экспертов): руководители предприятий, органов власти — 30,3%; депутаты муниципального и регионального уровней — 30,3%; заместители руководителей предприятий, органов власти — 12,1%; руководители управлений — 6,1%; руководители общественных организаций, отделений партий — 9,1%; советники, консультанты — 6,1%; другие — 6,1%.

Сфера и характер профессиональной деятельности экспертов (в % от общего числа экспертов): назначаемые государственные чиновники — 21,2%; должностные лица, занимающие выборные должности (депутаты, губернаторы, мэры, судьи) — 18,2%; деятели культуры, науки, сферы образования — 12,1%; представители СМИ, рекламы, PR — 9,1%; финансы — 9,1%; сельское хозяйство — 9,1%; строительство — 3%; представители политических партий и движений — 3%; сотрудники общественных организаций — 6%; другие — 12,1%.

Тамбовская элита в пятом электоральном цикле (2010–2015 гг.)

13 июля 2010 г. О.И. Бетин в пятый раз вступил в должность главы адми-

нистрации Тамбовской области. На этой ступени своей карьеры он проработал до 25 мая 2015 г., когда по собственному желанию сложил полномочия. Нас интересует элитный расклад, который был при этом губернаторе во время последнего срока.

В Таблице 1 представлено распределение ответов экспертов на вопросы о влиятельности тамбовской элиты в сферах политики и экономики, а также об эффективности их связей. Всего информанты назвали семь персон, обладающих достаточным уровнем влияния.

Система властных отношений выстроена вокруг персоны губернатора Бетина. Характерной особенностью периода его правления был тот факт, что губернатор единолично принимал решения в сфере экономики. Все сотрудники под его руководством старались привлекать инвесторов в регион, а сам губернатор работал с инвесторами на-

прямую, без посредников. Эта формула была отлажена еще в начале 2000-х гг., поэтому никто из политической элиты, кроме самого губернатора, не называется экспертами в числе лиц, влиятельных в сфере экономики.

На региональном политическом олимпе наибольшим влиянием после губернатора обладал его заместитель, куратор внутренней политики. Чуть меньшим уровнем влияния в политической сфере, по мнению экспертов, был наделен председатель областного Заксобрания, который выступал контролитой по отношению к действующему губернатору. Высокой степенью влияния на принимаемые решения в политике Тамбовской области обладал руководитель регионального УФСБ, на тот момент являвшийся «дугагеном», то есть лицом, старшим по классу и времени пребывания в должности среди других силовиков. И, наконец, первый заместитель председателя

Таблица 1 — Самые влиятельные люди Тамбовской области в период с 13 июля 2010 г. до 25 мая 2015 г.

Фамилия, имя, отчество	Должность	Упомятаемость, раз		
		В целом	Политика	Экономика
Бетин Олег Иванович	Глава администрации Тамбовской области	17	17	6
Сазонов Александр Александрович	Первый заместитель главы администрации Тамбовской области	8	3	1
Чеботарев Сергей Алексеевич	Заместитель главы администрации Тамбовской области (внутренняя политика)	–	7	–
Никитин Александр Валерьевич	Председатель Тамбовской областной Думы пятого созыва	3	6	–
Карев Владимир Николаевич	Первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы пятого созыва	1	4	–
Нуштаев Иван Васильевич	Начальник УФСБ России по Тамбовской области	4	5	–
Шамоян Джамал Чатоевич	Генеральный директор Союза многоотраслевых хозяйственных предприятий «Дижла»	1	2	4
Нет влиятельных:		2	–	1
Затрудняюсь ответить:		3	–	–

Тамбовской облдумы, союзник губернатора.

Общий уровень влиятельности губернатора не позволяет усомниться в том, кто является первым лицом области. На втором месте — его первый заместитель, в прошлом сотрудник ФСБ. Третьей персоной с высоким индексом упоминаемости является начальник УФСБ России по Тамбовской области.

Тамбовская элита в шестом электоральном цикле (2015–2020 гг.)

Назначение А.В. Никитина врио главы администрации Тамбовской области в мае 2015 г. происходит в тот момент, когда полномочия прежнего руководителя области О.И. Бетина еще не закончились. Сначала новый руко-

водитель меняет куратора внутренней политики и назначает на эту должность свою креатуру. Спустя несколько месяцев на сентябрьских выборах инкубент одержит убедительную победу, получив 85,47% голосов избирателей при явке в 57,77%. В декабре 2015 г. его «наставник» и земляк, мичуринец Е.А. Матушкин избирается председателем Тамбовской облдумы V созыва, а в сентябре 2016 г. — руководителем Тамбовской облдумы VI созыва.

В отличие от своего предшественника, новый губернатор не терпит критики и зачищает политическое поле. Иерархия влиятельности должностей в ходе трансформации регионального политического режима не изменилась (Таблица 2), по-прежнему в политике влиятельны: 1) губернатор — 1 ме-

Таблица 2 — Самые влиятельные люди Тамбовской области в период с мая 2015 г. по февраль 2019 г.

Фамилия, имя, отчество	Должность	Упомятаемость, раз		
		В целом	Политика	Экономика
Никитин Александр Валерьевич	Глава администрации Тамбовской области	20	20	8
Иванов Олег Олегович	Первый заместитель, руководитель аппарата главы администрации Тамбовской области (внутренняя политика)	14	19	3
Матушкин Евгений Алексеевич	Председатель Тамбовской областной Думы шестого созыва	8	12	–
Ганов Александр Николаевич	Первый заместитель главы администрации Тамбовской области по экономике	3	1	9
Мошкович Вадим Николаевич	Председатель совета директоров ГК «Русагро»	1	–	6
Поляков Александр Алексеевич	Депутат Государственной Думы седьмого созыва, член Комитета по аграрным вопросам	–	–	6
Жупиков Александр Владимирович	Депутат Государственной Думы седьмого созыва, член Комитета по аграрным вопросам	3	3	5
Хохлов Юрий Михайлович	Генеральный директор ООО «ГК АСБ»	1	–	4
Нет влиятельных:		1	–	1
Затрудняюсь ответить:		–	–	3

сто; 2) вице-губернатор, курирующий блок внутренней политики, — 2 место; 3) председатель областной Думы — 3 место. Отличие новой политической реальности в другом: кроме губернатора и членов его команды, теперь никто не оказывает существенного влияния на принимаемые решения в политике Тамбовской области. При губернаторе Бетине акцент был сделан на экономику.

В сфере экономики влияние позиции губернатора несколько ниже, чем у его первого зама. Из этого следует, что они вместе работали с инвесторами, чего не было при прежнем губернаторе. Теперь появились две новые группы субъектов властных отношений: 1) представитель бизнес-элиты федерального уровня; 2) лица, замещающие государственные должности РФ, депутаты Госдумы. В то же время усилилось влияние представителей регионального бизнеса. Заметим, что владельца ГК «Русагро» и руководителя ООО «ГК АСБ» эксперты называли влиятельными и во время пятого губернаторского срока О.И. Бетина, но степень их влияния на принимаемые областной администрацией решения была не столь существенной, как в настоящее время. Депутаты Государственной Думы VII созыва, влиятельные в экономике области, инвестировали финансы на думскую избирательную кампанию, чем обеспечили себе высокое положение в команде Никитина. Коммерческий ли это был интерес или они оба преследовали цель самореализации — это хороший вопрос. Однако при смене регионального политического режима депутат ГД, избранный по избирательному округу № 178 (Расказовский — Тамбовская область), «пришел» в строительный бизнес и занял нишу, до этого принадлежавшую руководителю Союза многоотраслевых хозяйственных предприятий «Дижла», которого в 2018 г. объявили в международный розыск.

По оценке общего уровня влиятельности в 2018 г. первым лицом в области является губернатор, вторым — его первый заместитель, курирующий блок внутренней политики, а третьим — руководитель областной Думы. При этом эффективность связей членов команды Никитина всецело зависит от лояльности к губернатору. Сегодня руководство УФСБ по Тамбовской области не располагает достаточным количеством эффективных связей, в том числе с местными элитами. В России власть персонифицирована, поэтому роль ведомства заметно снизилась.

Выводы

Региональный политический режим, сформировавшийся к пятому губернаторскому сроку О.И. Бетина и действовавший до 25 мая 2015 г., характеризуется тем, что во властных отношениях принимали участие персоны, чье влияние и связи не зависели целиком и полностью от расположения губернатора. Высшее должностное лицо Тамбовской области и члены его команды «были готовы к высокому уровню политической конкуренции» и «могли работать с более сложной системой сдержек и противовесов»¹. Главным фактором в работе той обл. администрации было привлечение инвестиций.

При смене губернатора пришла новая команда — впрочем, так происходит везде в России. У нас не всегда смотрят на профессионализм, но обязательно на то, чтобы человек был надежным и не предал. Тамбовщина тому наглядный пример. Представители новой власти работают в узком кругу и болезненно реагируют на критику, поэтому на политическом олимпе мы видим всего три влиятельные фигуры. В сфере экономики, наоборот, много

¹ Интервью с экспертом Z, владельцем тамбовского медиахолдинга. Взято автором 18.04.2018.

субъектов властных отношений. Ведь для того, чтобы развиваться, бизнесу приходится получать благословение от власти.

Мы хотели бы выделить три стадии существования регионального политического режима: начальную, основную и завершающую. Начальный этап протекает от момента назначения временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта РФ до его избрания на всенародных выборах. На основном этапе происходит укрепление позиций нового иерарха и окончательно формируется его команда. Индикатором того, что существующий региональный политический режим вступил в свою завершающую стадию, является накопление критической массы ошибок управления регионального правительства (например, конфликтов с центром). В случае, если центр принял решение поддержать кандидатуру местного политика на предстоящих губернаторских выборах, среди главных действующих лиц мы увидим этого активного представителя контрэлиты. Дополнительного изучения требует ситуация, когда ставка центра была сделана на «варяга».

Ключевым вопросом при изучении регионального политического режима является уточнение фактического влияния вице-губернатора, курирующего блок внутренней политики. Выделим две модели:

Модель А — влияние губернатора в политической сфере существенно выше влияния заместителя губернатора по внутренней политике. Так сложилось при губернаторе Бетине.

Модель В — влияние губернатора в политической сфере незначительно выше влияния заместителя по внутренней политике. Подобные отношения существовали при губернаторе Никитине. Первый вице-губернатор Иванов создал вокруг главы администрации систему, в которой он был незаменим, а осталь-

ные члены элиты воспринимались как враги.

Хотим обратить внимание на следующие детали, свойственные региональным политическим режимам Тамбовской области в период с 2010 по 2018 г. Во-первых, руководитель областной Думы ни разу не был отмечен экспертами в качестве лица, оказывающего серьезное влияние на решения, принимаемые в экономике области, несмотря на то что именно региональная ассамблея контролирует исполнение бюджета области. И, во-вторых, в регионе сложилась устойчивая модель иерархии в политической сфере: наиболее влиятельным политиком является губернатор, чуть меньшим объемом контролируемых властных ресурсов обладает куратор внутренней политики, а следом за ними — председатель областной Думы.

В иерархии по общему уровню влияния, до трансформации политического пространства в Тамбовской области, установлено, что самыми влиятельными персонами были трое: глава администрации Тамбовской области, первый вице-губернатор, а также руководитель регионального УФСБ. После смены высшего должностного лица места на этом пьедестале заняли: губернатор (1 место), первый вице-губернатор, курирующий блок внутренней политики (2 место) и председатель Тамбовской областной Думы (3 место).

Субъектами властных отношений в 2010–2015 гг. являлись: А) губернатор; В) лица, замещающие государственные должности Тамбовской области, в том числе вице-губернаторы и руководство областной Думы; С) представители бизнес-элиты Тамбовской области; D) силовики. В 2015–2018 гг. в системе политико-экономического управления появились новые игроки: E) представители бизнес-элиты федерального уровня и F) депутаты ГД, выходцы из бизнеса, а группа D утратила свои позиции.

Литература

1. TambovNews. Замминистра строительства и ЖКХ РФ Олег Иванович Бетин // YouTube. — 2 июня 2015. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XYIMKRlwHt8> (дата обращения: 16.02.2022).
2. TambovNews. ВРИО главы администрации Тамбовской области Александр Никитин // YouTube. — 2 июня 2015. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a134VYVP3gs> (дата обращения: 16.02.2022).
3. Александр Никитин назначен временно исполняющим обязанности главы администрации Тамбовской области // Сайт ИА «Онлайн Тамбов.ру». — URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/aleksandr-nikitin-naznachen-vremenno-ispolnyayushchim-obyazannosti-glavy-administratsii-tambovskoy-o/> (дата обращения: 14.02.2022).
4. *Инютин В.* Олег Бетин воспитал из спикера губернатор // Коммерсантъ Воронеж. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2734233> (дата обращения: 14.02.2022).
5. *Соловьев Д.А.* Ресурсы влиятельности тамбовского губернатора А.В. Никитина // PRO NUNC. Современные политические процессы. — 2019. — № 1 (21). — С. 29–40.
6. Самые влиятельные люди России — 2003. — М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. — С. 16.
7. *Миллс Р.* Властвующая элита. — М., 1959.
8. *Hoffmann-Lange U.* Positional power and political influence in the Federal Republic of Germany // *European Journal of Political Research*. — 1989. — No. 17. — P. 51–76. — DOI: 10.1111/j.1475-6765.1989.tb00181.x.
9. *Hunter F.* Community Power Structure. A Study of Decision-makers. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
10. *Dahl R.A.* Who governs?: Democracy and power in an American city. — London: Yale University Press, 2005.

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В сложившейся финансово-экономической ситуации для модернизации экономики и придания ей инновационного направления, а также повышения уровня общественного благосостояния весьма уместным является применение такой управленческой модели, как проектный подход, в котором отмечается важность перехода от «управления затратами» к «управлению результатами», что ценно для населения, которое желает видеть существенные изменения во внутренней жизни страны, неких качественных результатов. В работе рассмотрены основные теоретико-правовые основы данного подхода сквозь призму национальных целей развития до 2030 года на примере Московской области, интересной с точки зрения того, что данный субъект является одним из крупнейших в России, и это подчеркивает значимость полученных выводов.

Ключевые слова: национальные цели развития России, национальные проекты России, проектный подход в управлении, проект, государственное управление, экономика.

Автор

Ильдар Ахметович Хуснатдинов

Студент Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (Москва, Россия)

1. Теоретические аспекты проектного подхода в государственном управлении

В 2018 году Президент России издал Указ № 204 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Указы № 204 и № 474), которые являются главными нормативно-правовыми актами, составляющими основу внутренней политики государства на данный момент, так как охватывают все сферы жизни общества. Национальные цели развития базируются на так называемом «проектном подходе», внедряемом не первый год в вертикаль власти, поэтому, прежде

чем перейти к непосредственному анализу реализации целей развития, начнем исследование с особенно важных теоретических аспектов данной проблематики, позволяющих отразить специфику проектного подхода в государственном управлении.

Анализируя труд Е.С. Чаркиной «Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы», можно четко выделить определение проектного подхода, само понятие проекта. Действительно, в данном вопросе основу, некоторый базис составляет значение слова «проект». Существует ряд определений данного термина. В самом простом, обобщенном виде, по словарю В.И. Даля: «Проект (лат. прожект) — план, предположение, предначертание;

задуманное, предположенное дело, и самое изложение его на письме или в чертеже». Позиция Чаркиной заключается в том, что «проект» — это «уникальная совокупность действий, элементов, процессов, разворачивающихся и осуществляемых в течение ограниченного, заранее определенного промежутка времени и направленных на достижение установленных целей и конечных результатов», то есть наблюдается корреляция между проектом и целями, задачами, которые составляют его суть. Проект направлен прежде всего на конкретный результат, причем в конкретном временном отрезке. Под результатом понимается некая продукция, полезный эффект от проекта. В зависимости от цели в их качестве могут выступать: научная продукция, новый технологический процесс, программное средство, строительный объект, реализованная программа и т.д. Об успешности проекта судят по тому, насколько его результат соответствует расходам человеческих, денежных, экологических и других ресурсов.

Как отмечает И.И. Мазур в работе «Управление проектами», цели в проектном подходе при этом имеют свою классификацию, иерархию; выделяют генеральную цель, или же миссию, далее они делятся на уровни, подцели или задачи. Миссия — это главная причина возникновения существования самой основы подхода, то есть проекта, основная задача генеральной цели — это ориентир для определения целей, находящихся по иерархии ниже. Цели могут быть количественными и качественными. Такое разделение можно наблюдать на конкретных примерах национальных проектов, представленных Президентом России В.В. Путиным в 2018 году: например, цель «возможности для самореализации и развития талантов» имеет как качественные, так и количественные целевые показатели: «формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и мо-

лодежи...» и «увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза...» В зависимости от целей и задач необходима определенная финансовая база для их обеспечения. Тот же проект «Демография» имеет такую базу в размере 3105,2 млрд рублей.

Снова обращаясь к трудам ученых, можно сформулировать главный признак целей проектного подхода — быть наиболее значимыми для решения задач социально-экономического развития, а их достижение должно быть ориентированным на минимальные сроки и объемы затраченных средств. Итак, для любого проекта характерна цель. Для каждого ключевого результата в управлении проектами четко определяется необходимое время их достижения.

Рассматривая сторону временных рамок, обобщенную формулировку вывести весьма трудно, ведь во внимание необходимо принимать состояние подвергаемой управлению системы, сложность поставленных задач, а также величину выделенных ресурсов. Однако можно говорить об одном из признаков подхода — ограниченной протяженности во времени. Снова обращаясь к проекту «Демография», увидим, что сроки реализации составляют с 1 января 2019 года по 31 декабря 2024, а далее они были продлены до 2030 года.

Таким образом, мы имеем определенную систему понятий, а именно: проект, цель, подцель, миссия, финансовая база, временные рамки и результат.

Любой проект проходит ряд фаз (этапов). Этот ряд называют жизненным циклом проекта, который, по Мазуру, определяется как промежуток времени между моментом появления проекта и его завершением. Обычно этот цикл в различных трудах представлен четырьмя или пятью фазами (этапами). Концептуальная фаза (фаза планирования) — формулировка целей, обоснование существования проекта, то есть его зарождение. Далее идут фаза выполнения проекта (фаза

исполнения), фаза разработки проекта (фаза подпроцессов контроля) — определение структуры работ и исполнение, построение календарных графиков, бюджета для конкретных целей и фаза завершения — последняя фаза.

Таким образом, управление проектом представляет собой совокупность методов организации, планирования, руководства, координации человеческих и иных ресурсов на протяжении всего жизненного цикла проекта. Достоинство подхода заключается в его универсальности: возможности охватывать все важные вопросы повестки дня, решении наиболее значимых задач развития, ориентации на результат в определенных непростых условиях, что является актуальным запросом в существующем положении дел, особенно для государственного управления.

Проектному подходу в государственном управлении жизненно важно иметь нормативную базу. Без четко выстроенных правовых норм, регламентирующих деятельность органов власти в данном управленческом инструменте, пропадает сама суть подхода, без этого появляются дополнительные «коридоры», которые позволяют обойти основные цели и задачи, предусмотренные внедрением такого механизма. Рассмотрим основные нормативно-правовые акты по данному вопросу, действующие в Российской Федерации.

Важный виток структуризации проектного подхода связан с принятием Постановления № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Данное Постановление имеет важную роль в связи с тем, что впервые на законодательном уровне однозначно определены следующие термины: проект, программа, портфель, проектная деятельность и т.д. В соответствии с Постановлением, «“проект” — комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений».

Говоря об ограничениях во времени и ресурсах, рассмотрим Указ Президента РФ № 204 и Указ № 474. Последним закреплены следующие национальные цели развития страны: «а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; б) возможности для самореализации и развития талантов; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; д) цифровая трансформация». Указ № 204 устанавливает следующие национальные проекты: «демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт», а также — отдельно — «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Вот те самые направления развития страны, тринадцать национальных проектов.

В данных Указах мы видим неоднородно установленный временной ресурс. Интервал сроков реализации проектов представляет собой одиннадцатилетний период с 2019 по 2030 год. Но мы также видим, что существуют цели и задачи, поставленные в промежуточный период, например, до 2024 года, о чем будет сказано далее.

Возвращаясь к Постановлению Правительства, важно отметить, что каждый национальный проект в своем составе имеет комплекс федеральных проектов. Их сущность заключается в том, что решение каждой задачи, поставленной национальным проектом, реализуется в рамках соответствующего федерального проекта. Под описание подходит следующая формула: Указ Президента — национальный проект — федеральный проект — региональный проект, с вертикальной

иерархией. Как правило, он направлен на достижение более конкретной задачи. В «Демографии» насчитывается пять федеральных проектов, к примеру: «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Организация работы на различных уровнях власти происходит путем формирования так называемых проектных офисов. Они играют весомую роль в осуществлении проектной деятельности государства, хотя бы по функции документации и отчетности. Также стоит отметить, что существует Проектный офис Правительства Российской Федерации (его функции осуществляет соответствующий Департамент), ведающий мониторингом, анализом отклонений от показателей и т.д.

Подытоживая теоретическую часть исследования, приведем цитату из работы Ю.И. Попова, который считает, что «управление проектами — это искусство руководства и координации людских и материальных ресурсов на протяжении жизненного цикла проекта путем применения современных методов управления...» На основе всего вышесказанного можно заметить, что при управлении проектами действительно раскрываются основные управленческие функции: планирование, организация, мотивация и контроль, которые в рамках этого подхода имеют некоторые особенности. Если мы говорим о реализации этого «искусства», то отметим, что выбор тех или иных стратегий начинается с анализа внешних (технологические, экономические, социальные, экологические) и внутренних (сбыт, каналы распределения, персонал, финансы) факторов, среды, что будет видно далее на примере субъекта России.

2. Реализация национальных целей развития в Московской области в 2020 и 2021 гг.

Как мы выяснили ранее, национальные проекты, принятые в 2018 году, имеют теоретическую и правовую

основу, что является важнейшей предпосылкой для понимания, прогнозирования и анализа степени успешности хода реализации данных проектов. Теперь рассмотрим текущее состояние этой проблематики в субъекте.

Изучая официальные данные об общем ходе выполнения национальных целей развития, необходимо учитывать, что Московская область реализует 11 национальных проектов вместо 13, за исключением «Науки» и «Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Наиболее актуальную информацию мы наблюдаем на официальном сайте Министерства экономики и финансов Московской области, которое осуществляет функции проектного офиса в этом субъекте. Пресс-служба данного органа сообщает, что средний уровень исполнения национальных проектов на октябрь 2021 года составляет 57%, относительно финансирования проектов сообщаются следующие цифры: «...99,2 млрд рублей, из них 75,6 млрд рублей — из регионального бюджета». Для достижения целей проектов было утверждено 52 региональных проекта, включающих в себя 240 показателей. Как сообщила в ходе своего доклада на заседании Московской областной Думы министр экономики и финансов Московской области Наталия Масленкина, на октябрь 2020 года израсходовано 43% данных средств, то есть около 49 млрд рублей. На момент написания работы какой-либо альтернативной консолидированной информации ни в одном открытом официальном источнике нет.

Проведем анализ конкретных национальных проектов и показателей, реализуемых в Московской области. Возвращаясь к информации пресс-службы Министерства экономики и финансов Московской области (здесь и далее будет представлена информация о текущих результатах проектов с сайта данного министерства), отметим, что на национальный проект «Образование»

было предусмотрено 27,8 млрд рублей, где 0,5 млрд — из федерального бюджета. Рассмотрим региональный проект «Современная школа». На октябрь 2020 года введено в эксплуатацию 14 школ, на октябрь 2021 года — 17. Говоря о том, много это или мало, необходимо сравнить эти данные с паспортом проекта. В цели № 6 паспорта регионального проекта Московской области «Современная школа» сказано, что на 2020 год должно быть введено в эксплуатацию 37 объектов общего образования, а на 2021 — 59.

Сообщая об общих достижениях данного проекта в Подмосковье, исходя из инфографики ТАСС, нужно отметить открытие в 2020 году в сельской местности 42 центров цифрового и гуманитарного профилей «Точки роста», где используется современное оборудование, позволяющее детям получить необходимые знания, создано 4485 новых мест для реализации дополнительных образовательных программ, а в профориентационных уроках «Проектории» участие приняло 460 100 детей, что составляет 142% от плана. Также было отремонтировано 5 спортивных залов сельских школ из 6. В 2021 году отмечается выдача 904 сертификатов на бесплатное ДПО.

В 2020 году на национальный проект «Демография» выделено 18,3 млрд рублей, 4,9 млрд из которых — федеральные средства, за этот год проект выполнен на 64%, как сообщает пресс-служба. Проанализируем паспорт регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», а именно цель по «переобучению и повышению квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет или имеющих детей дошкольного возраста и не состоящих в трудовых отношениях». В октябре 2020 года на обучение направили 532 человека. Под задачей № 1.1 в паспорте указано следующее значение: на 31 декабря

2020 г. — 1601 человек. В 2020 году создано 1321 дополнительное место для детей этого возраста, без привлечения государственных и муниципальных организаций, что совпадает со значением задачи № 4.1 паспорта регионального проекта. В рамках проекта в 2021 году 38 тыс. нуждающихся семей получили выплаты. Также видим, что было введено в эксплуатацию 6 дошкольных образовательных учреждений. Завершена реконструкция стадионов в г. о. Чехов и в г. о. Орехово-Зуево.

Национальный проект «Здравоохранение», как сообщает пресс-служба, финансируется в объеме 9 млрд рублей, 5,4 млрд из которых — федеральные средства. В рамках проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» было введено 13 фельдшерско-акушерских пунктов, а по задаче № 1.1 паспорта данного регионального проекта на 2020 год заявлено 27 таких пунктов. По «Здравоохранению», в дополнение к этому, на сайте имеются следующие показатели: численность врачей, работающих в государственных медицинских организациях — 24 357 чел., а по плану должно быть 26 208 чел., число физических лиц среднего медперсонала — 47 821 чел., по плану — 56 039 чел. Были проведены профилактические медосмотры подростков в возрасте 15–17 лет — 56%, при плане в 65%. Оплачено 46 496 родовых сертификатов для женщин в период беременности и родов. В рамках оснащения оборудованием медицинских организаций поставлена 231 из 287 ед. оборудования в региональные сосудистые центры на 2021 год.

Касаясь проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», необходимо сказать, что он имеет один из наибольших уровней исполнения — 79%, а его финансирование составляет 28,1 млрд рублей. В целом по стране этот проект постоянно подвергается критике. Например, по мнению к.э.н. Н.В. Ворошилова, не во всех

субъектах будет доведена до 50% доля региональных дорог, находящихся в нормативном состоянии, имеет место риск низкого качества выполнения данного проекта. Однако ход реализации проекта в Подмосковье весьма успешен. Например, на октябрь 2020 года отремонтировано 1,5 тыс. км автомобильных дорог, что является 100%-м значением от плана паспорта регионального проекта «Дорожная сеть» на 2020 год. В 2021 году отремонтировано 811 км дорожного покрытия.

Особое значение для Подмосковья имеет проект «Экология», так как данный субъект имеет непростую эколого-градостроительную проблему в виде многочисленных свалок, безграмотного процесса их рекультивации, а также точечную застройку, которая увеличивает нагрузку на среду обитания, социальную, природную, инженерную и транспортную инфраструктуру. Как со-

общает в своей инфографике ТАСС, при бюджете в 13,9 млрд рублей были открыты комплексы по переработке отходов «Дон» и «Северный», а также планируется ввод в эксплуатацию еще 5 комплексов, рекультивированы полигоны твердых коммунальных отходов «Аннино» в Рузском городском округе и «Кулаковский» в городском округе Чехов. Данные полигоны давно вызывали «головную боль» у окрестных жителей. Например, полигон «Аннино», который функционировал с 1975 года, имел объем захороненных отходов более 900 тысяч тонн. Существенные средства также были выделены на сокращение доли загрязненных сточных вод.

Говоря о ходе реализации других проектов в Московской области, отметим следующие значения: по национальному проекту «Цифровая экономика» было подключено к сети Интернет 1307 школ, а это составляет

Таблица 1 — Сравнение значений по отдельным целям и показателям региональных проектов в Московской области за 2020 и 2021 гг.

Национальный (региональный) проект	Финансирование на весь проект, руб.	Фактические и плановые показатели, 2020 г.	Фактические и плановые показатели, 2021 г.
«Образование» («Современная школа»)	27,8 млрд рублей	Введено 14 объектов общего образования, запланировано 37 об.	Введено 17 объектов общего образования, запланировано 59 об.
«Здравоохранение»	18,3 млрд рублей	Поставлено 25 ед. оборудования в региональные сосудистые центры, запланировано 307 ед.	Поставлена 231 ед. оборудования в региональные сосудистые центры, запланировано 287 ед.
«Безопасные и качественные автомобильные дороги» («Дорожная сеть»)	28,1 млрд рублей	1,5 тыс. км автомобильных дорог отремонтировано, 100%-е значение от плана	811 км автомобильных дорог отремонтировано, запланировано 1,4 тыс. км.
«Демография» («Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»)	18,3 млрд рублей	Обучено 532 человека, запланировано обучение 1601 чел.	Данные отсутствуют
«Цифровая экономика» («Информационная инфраструктура»)	3,6 млрд рублей	Подключено к сети Интернет 211 больниц, 100%-е значение от плана	Подключено к сети Интернет 197 больниц, 100%-е значение от плана

около 95% от всей численности школ, а также 211 больниц и поликлиник — 100%-е значение. По проекту «Жилье и городская среда» было благоустроено 25 общественных территорий. По паспорту, а именно задаче № 5 регионального проекта «Формирование комфортной городской среды», это число должно составлять 142 единицы. По проекту «Культура» было открыто 3 культурно-досуговых учреждения, ведется ремонт зданий Домов культуры в Коломне, Солнечногорске и Балашихе. По проекту «Производительность труда и поддержка занятости» в 2020 году создано 4 потока-образца — так называемые проекты по увеличению производительности труда, 235 сотрудников предприятий-участников были направлены на обучение по образовательной программе «Федеральный центр компетенций». По проекту «Малое и среднее предпринимательство» было выделено 323 займа, общий объем портфеля займов составил 455 млн рублей, оказана финансовая поддержка в объеме 4,3 млрд рублей.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что мы получили данные методом сравнительного анализа информации с официального сайта

Министерства экономики и финансов и инфографики ТАСС с паспортами соответствующих региональных проектов, а также рассмотрели общие итоги на 2020 и 2021 гг. Рассматривая степень успешности хода реализации национальных целей развития, следует сказать, что их неотъемлемыми атрибутами являются огласка (возвращаемся к названию «национальные») и процент выполнения данных обязательств. Что касается второго, имея цифру исполнения проектов в 57%, мы можем говорить, что ход реализации национальных целей развития довольно заметен, но все еще отличен от плановых показателей. В связи с этим важно, чтобы каждый гражданин того или иного субъекта страны почувствовал на себе качественные изменения. Учитывая атрибут «огласка», необходимо отметить, что в ходе исследования можно прибегнуть лишь к немногим официальным источникам. Однако на уровне всей страны за последний год мы наблюдаем широкую информационную работу по популяризации национальных целей развития — начиная от Московского метрополитена (тематических поездов) и заканчивая СМИ.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 14.05.2018. — № 20. — Ст. 2817.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства РФ. — 27.07.2020. — № 30. — Ст. 4884.
3. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 10.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018. — № 45. — Ст. 6947.
4. Об организации проектной деятельности в Правительстве Московской области: Постановление Правительства МО от 24.01.2017 № 33/3 (ред. от 22.11.2019) // Информационный вестник Правительства МО. — № 5. — 27.04.2017.
5. *Ворошилов Н.В.* Основные характеристики и риски реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» / Н.В. Ворошилов // Вопросы управления. — 2019. — № 4. — С. 122–136.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/1379.htm>.
7. Доклад министра экономики и финансов Московской области Наталии Масленкиной на заседании Московской областной Думы 15 октября 2020 года // Официальный сайт

- Московской областной думы. — URL: <https://www.mosoblduma.ru/Press-centr/videoarchive/item/327830/> (дата обращения: 10.12.2021).
8. Мазур И.И. Управление проектами: Учебное пособие / И.И. Мазур, В.Д. Шапир, Н.Г. Ольдерогге. — М.: ОМЕГА-Л, 2004. — 405 с.
 9. Национальные проекты в Подмоскovie: ход реализации в 2020 году // Официальный сайт Министерства экономики и финансов Московской области. — URL: <https://mef.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/15-10-2020-14-21-57-natsionalnye-proekty-v-podmoskove-khod-realizatsii> (дата обращения: 10.12.2021).
 10. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOWAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).
 11. О реализации национальных проектов в Московской области // Официальный сайт Министерства экономики и финансов Московской области. — URL: <https://mef.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/14-10-2021-17-50-14-o-realizatsii-natsionalnykh-proektov-v-podmoskove> (дата обращения: 10.12.2021).
 12. О ходе реализации национальных проектов в Московской области // ТАСС. — URL: http://asup2.moinform.ru/upload/iblock/442/O_hode_realizatsii_NP_v_MO_15_10_2020_MOD%20VS1.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
 13. Опубликован паспорт национального проекта «Демография» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 10.12.2021).
 14. Паспорт регионального проекта «Современная школа» от 18.01.2019 // Официальный сайт Министерства образования Московской области. — URL: <https://mo.mosreg.ru/dokumenty/nacionalnyi-proekt-obrazovanie1/regionalnye-proekty/sovremennaya-shkola/30-04-2020-16-12-51-pasport-regionalnogo-proekta-sovremennaya-shkola-o> (дата обращения: 12.12.2021).
 15. Паспорт регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» // Официальный сайт Министерства социального развития Московской области. — URL: <https://msr.mosreg.ru/deyatelnost/nacionalnyi-proekt-demografiya/02-11-2020-09-44-28-pasport-regionalnogo-proekta-sodeystvie-zanyatosti> (дата обращения: 10.12.2021).
 16. Паспорт регионального проекта «Формирование комфортной городской среды» // Официальный сайт Министерства благоустройства Московской области. — URL: <http://minblag.mosreg.ru/deyatelnost/prioritetnyi-proekt-formirovanie-komfortnoi-gorodskoi-sredy/normativnaya-baza/11-11-2020-11-17-14-pasport-regionalnogo-proekta-formirovanie-komfortn> (дата обращения: 10.12.2021).
 17. Полигон «Аннино» в Подмоскovie рекультивировали // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200724/1574877432.html> (дата обращения: 10.12.2021).
 18. Попов Ю.И. Управление проектами: учеб. пособие / Ю.И. Попов, О.В. Яковенко. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 208 с.
 19. Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи // Официальный сайт Министерства здравоохранения Московской области. — URL: <https://mz.mosreg.ru/deyatelnost/nacionalnye-proekty/30-04-2020-15-44-17-razvitie-sistemy-okazaniya-pervichnoy-mediko-sanit> (дата обращения: 10.12.2021).
 20. Чаркина Е.С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы: научный доклад / Е.С. Чаркина. — М.: ИЭ РАН, 2017. — 54 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА: МИРОВАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация

Целью статьи является рассмотрение лоббизма как института политической системы. Перечислены основные функции лоббизма и его роль в политическом процессе. Приводится сравнительный анализ существующих способов институционализации лоббизма в разных политических системах (США, континентальная Европа, Россия). Отдельно рассмотрен вопрос развития института лоббизма с точки зрения трансформации политических систем и повышения их уровня транспарентности. Подробно охарактеризован процесс институционализации лоббизма в России.

Ключевые слова: политические системы, институты, лоббизм, группы интересов, транспарентность.

Автор

Антон Алексеевич Стафешчев

Студент кафедры государственной политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Существует несколько подходов к определению лоббизма. Так, в рамках теории менеджмента, с технологической точки зрения, лоббизм представляет собой «действия по оказанию воздействия на представителя государственной власти, который задействован в выработке политических решений <...> с целью формирования и (или) корректировки его позиции на принимаемые политические решения в своих интересах» [13. — С. 79]. Подобного взгляда придерживаются многие практикующие лоббисты и GR-менеджеры в России: П.А. Толстых, Э.М. Войтенко и др. С точки зрения юридической науки под лоббизмом понимается легальная, законодательно регулируемая форма деятельности по продвижению частных интересов в органах власти. В.В. Субочев указывает на то, что такой подход распространен во многих западных странах: «К примеру, в США и Евросоюзе понятие “лоббизм”

давно стало термином, обозначающим отдельные разновидности легальной деятельности по представлению и отстаиванию интересов различных субъектов и нашло отражение в соответствующих нормативно-правовых актах. В США это Lobbying Disclosure Act 1995 г., в Евросоюзе — European Transparency Initiative 2007 г.» [11. — С. 29]. С политологической точки зрения лоббизм представляет собой институт политической системы, обеспечивающий вход требований — артикуляцию интересов. Обратившись к модели политической системы Д. Истона, можно определить в ней место института лоббизма: он будет располагаться с левого края, где осуществляются трансляция требований и демонстрация поддержки, в месте, где политическая система граничит с внешней средой. Такой подход нередко обозначается как широкий в противовес узким юридическим и технологическим.

Институт лоббизма стоит отличать от электорального представительства интересов, несмотря на то, что лоббизм выполняет сходные с последним функции:

- представительство интересов различных групп;
- согласование интересов при принятии решений;
- вовлечение граждан в процесс управления;
- самоорганизация гражданского общества.

С.П. Перегудов в статье «Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России» выделяет типы прямого, функционального, представительства организованных интересов, к которым и относится лоббизм: «...сам по себе лоббизм вполне нормальное явление, органическая часть системы функционального представительства» [10. — С. 122]. Функциональное представительство мыслится автором статьи как неотъемлемая часть механизма представительства интересов, существующая наравне с представительством граждан и территорий.

Отметим, что широкий круг авторов настаивает на неформальной природе лоббизма. Так, С.П. Перегудов в упомянутой нами выше статье пишет: «...львиная доля лоббистской практики реализуется именно в рамках неформальных, «свободных» от институциональных и процедурных ограничений связей» [10. — С. 119]. Другой исследователь лоббизма, П.С. Каневский, в статье «Дуалистическая природа института лоббизма в современных демократиях» [3. — С. 127] пишет о том, что теневые практики лоббизма, по мнению многих американских ученых, несут угрозу демократии. Именно поэтому правовая регламентация данной деятельности способна уменьшить негативные последствия лоббизма. В связи с этим в последние десятилетия заметна тенденция институционализации лоббизма, которая указывает на

общий характер изменений в политических системах:

- увеличение транспарентности политического процесса;
- вовлечение широкого круга акторов;
- повышение требований к профессиональной этике госслужащих.

Обратимся к мировой практике. Известно, что лоббизм был институционализирован далеко не везде. Четкие правила игры, регулирующие эту деятельность, существуют в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Ирландии, Франции, Австрии, Словении, Литве, Польше и на Тайване. Но законы, регулирующие лоббистскую деятельность, отличаются друг от друга. Можно выделить три ключевых расхождения:

- Тип модели (американская и европейская). Если американская модель предполагает наличие отдельного закона на федеральном уровне и относительно свободную деятельность лоббистов, то для европейской модели характерно косвенное регулирование посредством ряда правовых актов, а также создание специальных консультативных институтов, предназначенных для представительства интересов.
- Определение лоббизма и лоббистской деятельности. Лоббизм может пониматься узко как профессиональная деятельность и широко как деятельность групп интересов по оказанию влияния на органы государственной власти.
- Особенности регистрации и наличия санкций. Регистрация лоббистов может быть обязательной или добровольной, а нарушение существующих норм предусматривает как крупные штрафы (случай США), так и просто исключение из реестра с последующей потерей деловой репутации и профессионального статуса.

Нередко в отечественной публицистике можно встретить некорректное понимание того, что собой представ-

ляет институционализация лоббизма. Например, мнение о том, что лоббизм заключается в «сращивании органов государственной власти и управления с финансово-промышленными группами» [5. — С. 86], а легализация этого института была бы сродни легализации наркотиков или проституции. В массовом же сознании россиян лоббизм практически не отделен от коррупции, поэтому возможность легализации данной деятельности воспринимается негативно как чиновниками, так и гражданами.

Для корректного понимания данного вопроса обратимся к научной литературе и попытаемся разобраться, что же на самом деле значит правовое регулирование лоббизма. А.В. Павроз в статье «Принципы и альтернативы правового регулирования лоббизма» [7. — С. 174] указывает на то, что принятие закона о лоббизме означает не легализацию такой деятельности, которая и без того допустима в современных демократических государствах, а придание ей цивилизованной формы. Американские политологи Р. Чари, Дж. Хоган и Г. Мерфи отмечают в связи с этим, что роль правового регулирования лоббизма состоит «в осведомлении общества о том, какие интересы стоят за конкретными предложениями и за связями лоббистов с политическими акторами» [16. — С. 20]. Так выделяют три основополагающих принципа правового регулирования лоббизма:

- транспарентность;
- честность;
- эффективность.

Иными словами, закон о лоббизме, вопреки спорным рассуждениям многих публицистов и ученых, нужен в первую очередь гражданам, которые заинтересованы в прозрачности государственного управления и высоком уровне прозрачности политической системы.

Существуют исследования, в рамках которых эмпирически выводится об-

ратная зависимость уровня коррупции от степени формализации лоббистских отношений. Н. Кампос и Ф. Джованнони в работе «Lobbing, Corruption and Political Influence» показали, что институционализация лоббистских отношений делает цивилизованный способ представительства интересов более эффективным по сравнению с коррупцией: «Our results indeed suggest that even among poorer or less developed countries, firms believe that lobbying is a more effective mean of exerting political influence than corruption» [17. — С. 21]. М. Дюверже в статье «Партийная политика и группы давления» [2. — С. 94] отмечает, что со временем происходит сущностная трансформация технологий групп давления: все меньшую роль играет подкуп и все большую — информация.

В современной России сложилась противоречивая ситуация с институтом лоббизма. С одной стороны, как было отмечено выше, лоббистская деятельность воспринимается гражданами как теневое явление, практически неотличимое от коррупции [14. — С. 81]. С другой стороны, согласно количественным исследованиям, рынок лоббистских услуг на 2010 год составлял 363,4 млн долл. США [12. — С. 25]. Во многих крупных компаниях существуют GR-департаменты, которые отвечают за выстраивание диалога с органами государственной власти и нередко используют практики лоббизма. Как сообщает П.А. Толстых, руководитель Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти, к концу 2010 года GR-департаменты были созданы практически во всех крупных компаниях в России [13. — С. 333]. На 2016 год самый крупный из них был в ПАО «Роснефть». Во многих университетах существуют образовательные программы, которые готовят специалистов подобного профиля: «GR и бизнес-дипломатия» в МГИМО, «Прикладная политология» во ВШЭ

и т.д. Безусловно, GR не тождественен лоббизму и включает в себя широкий спектр технологий, но именно специалисты в области GR являются теми людьми, «которые строят мост между властью и бизнесом, для того чтобы по этому мосту могли свободно пройти лоббисты» [1. — С. 15].

Инициативы создания правовой базы регулирования представительства групп интересов возникали неоднократно. В 2014 году был озвучен «Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы», согласно которому Правительству необходимо было внести ряд предложений, направленных на создание нормативно-правовой базы деятельности граждан и организаций по продвижению интересов в государственных и муниципальных органах власти. Однако закон так и не был принят, а потому сотрудники GR-департаментов и индивидуальные лоббисты в настоящий момент работают без четких правил игры.

За последние 25 лет в России в общем было предпринято девять попыток институционализации лоббизма, что вписывается в отмеченную динамику развития политических систем и общемировую тенденцию к увеличению степени транспарентности политического процесса. Но ни одна этих попыток не была реализована. Описывая трудности, которые препятствуют созданию законодательной базы политического представительства интересов, российские политологи выделяют следующие причины:

- Закон о лоббизме не может быть принят в силу отсутствия поддержки со стороны значимых социальных групп: «Основной причиной затягивания принятия закона о лоббизме в прошлом было естественное отсутствие заинтересованности в ограничении теневых процессов легитимными рамками закона у наиболее значимых групп давления в современной России» [8. — С. 154].

- Негативное восприятие лоббистской деятельности гражданами России, а также недоверие чиновников к данному институту политической системы [8. — С. 155].

При этом нельзя сказать, что лоббизм в современной России является абсолютно неформальным институтом. Существует т.н. косвенное регулирование лоббизма, которое включает в себя следующие законы: «О государственной гражданской службе РФ», «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», закон «О СМИ», регламенты работы Государственной Думы и Совета Федерации.

Отдельно стоит упомянуть о конституционном характере лоббизма и возразить тем, кто видит в представительстве групп интересов исключительно американское явление. Лоббизм как институт представительства интересов основывается на статьях 30–32 и части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации и характерен для всех демократических стран. В этом смысле он не может быть легализован как наркотики или проституция, так как изначально не является криминальным явлением.

Несмотря на то, что с правовой точки зрения статус групп интересов в России за последние 30 лет не изменился, трансформации произошли в политической сфере. Так, в 1990 году был создан РСПП как попытка институционализации диалога власти и крупного бизнеса, в чем С.П. Перегудов видит «неокоorporативистские тенденции» [9. — С. 21] в постсоветской России. Сюда же можно отнести и создание иных формализованных структур функционального представительства интересов: советы, комитеты и спонсорские подразделения.

Отдельно можно выделить трипартизм как модель согласования интересов между властью, профсоюзами и работодателями. Трехсторонние консультации заработали на базе ФНПР с

1994 года, что сказалось на статистике в отношении забастовочной активности. Положительная тенденция заметна вплоть до 2010 года, когда по данным Росстата за 1 полугодие не было зарегистрировано ни одной забастовки. Данная корпоративистская тенденция подробным образом рассмотрена в работе А.В. Павроза «Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние» [6. — С. 59]. Если первое десятилетие постсоветской России описывается автором статьи как «элитистский плюрализм», в рамках которого в процессе формирования государственной политики доминировали привилегированные экономико-бюрократические группы интересов, то «направленность преобразований 2000-х гг. в России во многих аспектах близка теории и практике корпоративизма».

Влияние корпоративистских тенденций, по мнению ряда отечественных политологов, было заметно и в ходе конституционной реформы 2020 г. В процессе разработки предложений по изменению Конституции основную роль сыграли не политические партии, а социальные группы. Практически все участники рабочей группы позиционировали себя как выразители интересов определенных категорий граждан: деятели образования и науки, представители спорта и культуры, национально-этнических общностей и т.д. П.Я. Фельдман [15. — С. 115] отмечает, что институты, не встроенные в систему корпоративистских отношений, остались за рамками конституционного процесса.

В заключение стоит указать на то, какой может быть дальнейшая формализация института лоббизма в России с учетом описанных тенденций. Возможным развитием данного института

в современной России является принятие профессионального стандарта. Как сообщают авторы исследования «К вопросу о лоббистской деятельности в современной России» [4. — С. 73], профессиональный стандарт вместе с косвенным регулированием стали бы достаточными элементами государственного регулирования коммуникации между властью и бизнесом.

Важной видится и деятельность по трансформации представлений о лоббизме у населения с целью позиционировать его как доступный и универсальный механизм отстаивания интересов бизнес-сообщества и гражданских организаций. Решением данной задачи является, на наш взгляд, просветительская деятельность в СМИ, в том числе создание канала на YouTube, который был бы посвящен повышению уровня осведомленности общества об институтах политической системы, функционированию органов государственной власти и участию граждан в процессе разработки и принятия решений. Такой канал позволил бы каждому почувствовать себя лоббистом, что, вероятно, изменило бы образ групп интересов у населения.

Принимая во внимание особенности российской политической системы, уже созданные механизмы согласования интересов, отраслевые организации и НКО, отметим, что возможной была бы институционализация по европейскому образцу с добровольной регистрацией. Однако при этом необходимо создать систему стимулов, которая поощряла бы следование установленным государством правилам игры: например, упрощение прохождения процедур регистрации и получение расширенного доступа к информации о деятельности профильных ведомств.

Литература

1. GR и лоббизм: теория и технологии / Под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. — М.: Юрайт, 2020. — 315 с.
2. Дюверже М. Партийная политика и группы давления. Сравнительное введение. Организация групп давления // Лоббист. — 2006. — № 0. — С. 90–95.

3. Каневский П.С. Дуалистическая природа института лоббизма в современных демократиях // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2018. — Т. 24. — № 4. — С. 125–134.
4. Кириллина В.Н. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России / В.Н. Кириллина, И.О. Яникеева // Бизнес. Общество. Власть. — 2017. — № 26. — С. 65–75.
5. Красинский В.В. Правовая оценка российского лоббизма // Юридический мир. — 2004. — № 8. — С. 86–89.
6. Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2009. — № 4. — С. 50–61.
7. Павроз А.В. Принципы и альтернативы правового регулирования лоббизма // Политическая экспертиза: Политэкс. — 2014. — № 4. — С. 173–184.
8. Павроз А.В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2018. — Т. 24. — № 4. — С. 151–162.
9. Перегудов С.П. Крупная российская корпорация в системе власти // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 3. — С. 16–24.
10. Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Полис. — 1993. — № 4. — С. 115–125.
11. Субочев В.В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. — 2014. — № 2. — С. 28–36.
12. Толмачева И.В. Количественное исследование института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2017. — № 1. — С. 18–26.
13. Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. — М.: Перо, 2019. — 1246 с.
14. Фельдман П.Я. Имидж лоббистской деятельности в современной России: проблемы информационного сопровождения // Труд и социальные отношения. — 2014. — № 8. — С. 79–84.
15. Фельдман П.Я. Корпоративистские тенденции в конституционном процессе современной России // Свободная мысль. — 2020. — № 3. — С. 105–116.
16. Чари Р. Мировая компаративистика регулирования лоббистской деятельности / Р. Чари, Дж. Хоган, Г. Мерфи. — М.: Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти, 2011. — 240 с.
17. Campos N.F. Lobbying, Corruption and Political Influence / N.F. Campos, F. Giovannoni // Public Choice. — 2007. — Vol. 131. — No. 1. — P. 1–21.
18. Easton D.A. An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. — 1957. — Vol. 9. — No. 3. — P. 383–400.

ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ «ДОЛЖНОГО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

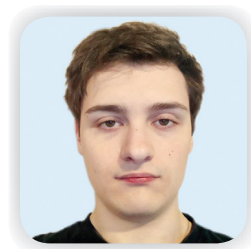
Транзитивный характер российского общества обуславливает релятивизм морально-нравственных ориентиров и ценностей его элементов. Среди таких ценностей отдельного внимания заслуживает «долг». Определение границ «должного» является фундаментальным для любой политики. Особый интерес здесь представляет молодежь, чье политическое сознание отличается фрагментированностью и противоречивостью. Результаты эмпирического исследования показали, что в дискурсе распределения прав и обязанностей между государством и индивидом характерная для молодежи приверженность индивидуалистическим установкам выражается в экстернализации «должного» через инструментализацию взаимной ответственности. В политическом сознании молодых россиян фигурирует априорное различие долга гражданина и долга человека с явной симплификацией первого и приоритизацией последнего. Между тем их политический инфантилизм, артикулированный в развитых патерналистских ориентациях, ярко контрастирует с демонстрацией собственного «Я» через эмоциональную «негативизацию» свободы, когда речь заходит о сфере личных прав и свобод.

Ключевые слова: Россия, молодежь, политическая этика, мораль, долг, должное, ответственность.

Автор

Алексей Викторович Сокрюкин

Студент I курса магистратуры факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Введение

В этом году Российской Федерации исполнилось 30 лет. Несмотря на всю значимость данного юбилея и богатство прошедших событий, в перспективе исторического развития страны такой срок представляется ничтожно малым. Согласно теории поколений, за это время успело смениться лишь полтора поколения [13. — 58–68], что маловероятно говорит о возможном утверждении в российском обществе однозначного категориально-понятийного аппарата и институциональной системы не только в политической или социальной, но и культурной сферах. Конкретнее же — в сфере морали.

Помимо продолжающейся психологической адаптации к «новому» для большей части общества политическому контексту, современные россияне испытывают значительное влияние глобального социокультурного тренда, в котором исследователи отмечают приоритизацию «постматериалистических» ценностей самовыражения над «материалистическими» ценностями выживания [12]. Таким образом, представляется релевантным охарактеризовать российское общество как транзитивное.

Транзитивный характер современных обществ обуславливается положительной корреляцией растущей сложности их сетевых структур и

степенью неготовности населения к происходящим переменам. Его же суть заключается в трансформации роли и места не только институтов социализации, но и морально-нравственных ориентиров. Новый — вышедший за рамки аксиологии модерна — культурный паттерн характеризуется утратой императивности и релятивизацией конституирующих его ценностей [11]. Одной из таких ценностей становится «долг». В рамках этики ответственности моральная категория «должное» неразрывно связана с такими понятиями, как «обязанность», «ответственность», «свобода» и другие [1; 3].

Следует отметить, что наиболее подверженной вышеописанным тенденциям становится молодежь, представляющая собой социальную группу, чье сознание, в частности политическое, имеет фрагментированный и противоречивый характер и отличается повышенной пластичностью к разного рода внешним информационным воздействиям [9].

Корпус текстов, посвященных изучению современной российской молодежи, действительно не упускает из виду проблему ответственности и долга в представлениях данной социальной группы. Однако такие работы обычно посвящены юридическому [7], структурно-функциональному [2], дискурсивному [6] и другим аспектам «должного», лишь изредка акцентируя внимание на его морально-нравственной сущности [10]. Отсюда мы наблюдаем, что отечественная научная литература испытывает дефицит в исследованиях психологического аспекта «должного», и в особенности его экстраполяции на политическое сознание молодежи. Заполнение вакуума в этой сфере и представляется целью данного исследования.

Методология исследования

В рамках политико-психологического подхода [8] эмпирическая часть

исследования базируется на качественных методах прикладного анализа: фокус-групповых дискуссиях и экспертных интервью.

Участниками фокус-групп стали представители российской молодежи в возрасте 14–30 лет. Респондентам предлагалось ответить на открытые вопросы, направленные на выявление разных аспектов их оценки политических событий и действий политических субъектов с точки зрения морали.

Участниками экспертных интервью стали ученые-исследователи и специалисты-практики в области молодежной политики, с которыми обсуждались вопросы выявления приоритетных ценностей *политической этики* молодых россиян, определения условий формирования и тенденций развития моральных оснований восприятия молодежью политических процессов.

Эмпирическая база опирается на материалы, полученные в ходе 8 фокус-групповых дискуссий и 26 экспертных интервью, проведенных весной-осенью 2021 г.

Результаты исследования

Анализ полученных материалов позволяет нам выделить три ключевые тезиса.

Во-первых, респонденты проводят достаточно строгую линию различия между пониманием сущности *долга гражданина* и *долга человека*. Молодые россияне четче артикулируют свою готовность исполнять личный долг, нежели гражданский, который представляется чем-то более эфемерным и менее значимым, поскольку участники дискуссии не чувствуют взаимного «долга государства перед своим населением» (25 лет, жен., Омск).

Понимание «должного» как внутренней детерминанты у молодежи раскрывается через его объективизацию в форме ответственности перед кем- или чем-либо. Так, молодыми россиянами долг гражданина определяется как

ответственность перед государством: «Долг гражданина заключается в следовании основному закону государства и его защите» (25 лет, жен., Ростов). В свою очередь, долг человека — это ответственность перед собой, родными и близким: «долг перед близкими людьми, перед коллегами на работе, перед людьми, услугами которых пользуюсь; общечеловеческий долг» (23 года, муж., Екатеринбург).

Чаще всего *гражданский долг* описывается в категориях юридического языка и сводится к соблюдению установленных законодательством прав и обязанностей: «Тут все вообще легко: берешь, открываешь Конституцию, Уголовный кодекс, Административный кодекс и читаешь. Там все написано: что ты должен сделать, чтобы не сесть, куда не надо. Мои все обязанности написаны в этих книжечках» (17 лет, муж., Москва). Между тем *долг человека* рассматривается через призму моральных принципов: «Долг перед семьей и ближним окружением: оказывать внимание, заботу, любую иную помощь» (27 лет, жен., Екатеринбург).

Респонденты чаще склонны ассоциировать свой персональный долг именно с *долгом человека*: «Долг вижу только перед самим собой и своими близкими, миру я в целом ничего не должен» (18 лет, муж., Екатеринбург). Это же суждение подтверждают эксперты: «За свое — готовы [нести ответственность. — Прим. авт.], чтобы были пути отступления ради комфорта. За будущее страны — не готовы» (34 года, муж., кандидат наук).

Во-вторых, в представлениях молодежи *свобода* определяется в *негативном* аспекте, то есть речь идет о свободе как от вмешательства государства в личную жизнь, так и от какой-либо ответственности перед государством, обществом, «другими». Среди всех респондентов, отвечая на вопрос «*Что для Вас свобода?*», только один участник дискуссии лаконично определил ее в позитивном аспекте: «Свобода — это

ответственность» (20 лет, жен., Москва).

Факт доминирования в политическом сознании молодежи идеи о «свободе от ответственности» подтверждают и опрошенные нами эксперты: «Я думаю, что здесь *негативистское понимание свободы*. Это свобода от чего-то, свобода от диктата государства, свобода от агрессивного мнения другого человека, свобода от навязывания чего-то. Свобода не всегда может ассоциироваться с ответственностью, но свобода может ассоциироваться с независимостью. А это негативистское понимание свободы, потому что *позитивное понимание свободы*, как мне кажется, это *свобода как ответственность*» (30 лет, муж., кандидат наук). Эксперты говорят о естественности для молодежи такого стиля мышления: «Свобода от давления сверху и извне, *свобода от детерминант*, от авторитетов, свобода от ценностных систем в том числе. Это естественная возрастная особенность, универсальная характеристика молодежи» (39 лет, жен., кандидат наук).

В-третьих, несмотря на дифференциацию социокультурного и событийного контекстов в ходе смены поколений и исторического развития России, в политическом сознании молодежи по-прежнему доминируют *патерналистские ориентации*. При этом имеет место некоторая амбивалентность: государство становится не только *субъектом* реализации наиважнейших ценностей молодых россиян, но и *объектом* обвинений, если данные ценности не удовлетворяются [4].

Вопрос реализации наиболее универсальных ценностей и базовых потребностей индивида практически единогласно признается респондентами прерогативой государства: «В первую очередь это медицинское обеспечение, образование, дальше социальное обеспечение <...>. Также я предполагаю, что защита в любых каких-то вооруженных конфликтах. Я должна

чувствовать себя спокойно, выходя на улицу — это обязанность государства» (17 лет, жен., Челябинск). Вверяя государству решение наиважнейших проблем общежития, молодежь ожидает ставить высокую планку в отношении права политиков на ошибку: «Я мало смыслю в политике, так что просто скажу, что все могут совершать ошибки. Все мы люди. Но я думаю, что *эти люди должны понимать, какая ответственность возложена на них*, а соответственно, принимать решения, думая о возможных последствиях и рисках, ведь от решений политиков зависят жизнь и судьба народа» (18 лет, жен., Екатеринбург).

Если обязанности государства и общества перед гражданами молодые россияне истолковывают без колебаний, в контексте упоминания собственной сферы «должного» перед страной и в целом «другими», нарратив участников фокус-групповых дискуссий становится более вариативным. Четкой артикуляцией характеризуется лишь юридический аспект — ранее упомянутое соблюдение буквы закона. В остальных случаях, например в отношении безопасности, наблюдается двойственность суждений: «Это был и долг государства, и долг человека. То есть у государства прямая политика защитить себя. А у человека есть выбор — защищать государство или нет» (17 лет, муж., Москва).

В ходе интервью выяснилось, что этот парадокс отмечают и опрошенные эксперты: «... в современном обществе *слишком много говорят о правах и слишком мало об обязанностях*. Но это связано не только с особенностями современной молодежи. Это вопрос любого поколения. Другое дело, что именно в современной цивилизации право реализовывать себя без внимания к мнению общества впервые становится массовым. <...> *Молодежь признает также право на ошибку за теми, кто потакает их интересам»* (60 лет, муж., доктор наук). Другой эксперт дополняет

эту мысль: «Наша современная молодежь обладает интересной социально-психологической особенностью. Она считает, что общество и государство ей очень много должно. И вопрос прав человека, ответственности, самостоятельности рассматривается, на мой взгляд, довольно плоско. Право как обязанность государства, общества по отношению к молодежи. Право на свободу в первую очередь, право на удовольствие, то есть *гедонистический аспект*, упускается больше всего *право ответственности*, самостоятельности самой молодежи — это слабый момент» (33 года, жен., кандидат наук).

Выводы

Исследование показало, что в дискурсе распределения прав и обязанностей между государством и индивидом характерная для молодежи приверженность индивидуалистическим установкам выражается в *экстернализации «должного»* через инструментализацию взаимной ответственности. В политическом сознании молодых россиян фигурирует априорное различие *долга гражданина и долга человека* с явной симплификацией первого и приоритизацией последнего. Между тем их политический инфантилизм, выраженный в развитых *патерналистских ориентациях*, ярко контрастирует с демонстрацией собственного «Я» через эмоциональную *«негативизацию» свободы*, когда речь заходит о сфере личных прав и свобод.

Стоит отметить, что описанная выше система отношений между современной российской молодежью и государством вписывается в данное М.Ю. Урновым определение концепции *индивидуалистического патернализма* — «я имею право делать то, что мне хочется, у меня нет обязательств ни перед обществом, ни перед государством — зато общество и государство обязаны обеспечить мое благополучие» [10. — 15].

Можно предположить, что «потребительский» *modus operandi* современной молодежи проистекает из среды обитания, которая характеризуется неведомым предыдущим поколениям уровнем комфорта и, как следствие, неразвитым чувством ответственности. Сфера «должного» молодого россиянина редко выходит за пределы круга семьи и друзей, поэтому достаточно естественно, что ответственность за потребности стратегического масштаба (безопасность, мир, развитие страны и другие) делегируется наиболее легитимному властному субъекту — государству.

В любом случае данный нравственный релятивизм позволяет нам говорить о корреляционном разрыве между реальной готовностью молодых россиян принять на себя большой груз ответственности и социальным запросом на таковую со стороны иных элементов общества. *Экстернализация «должного»* — это результат гипертрофированного «Я», выраженного в бегстве от ответственности и стремлении к единственной форме «позитивной» свободы — свободы для себя, но не «других». В политической логике этот «другой» — государство.

Литература

1. *Бабицкая Л.А.* Генезис понятий «ответственность» и «свобода» в научной литературе // Наука вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 2 (36). — С. 45–49.
2. *Байлук В.В.* Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 2. — С. 7–23.
3. *Веригин А.Б.* Нравственный долг, права и обязанности человека как социальные регуляторы общественных отношений: социально-философский анализ: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Веригин Андрей Борисович. — Краснодар, 2012. — 163 с.
4. *Евгеньева Т.В.* Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты / Т.В. Евгеньева., А.В. Селезнева, Д.Е. Антонов // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 11. — № 2. — С. 63–71.
5. *Зарубина Н.Н.* Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО. — 2012. — № 6. — С. 250–258.
6. *Майборода А.* Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России / А. Майборода, А. Саблина, И. Ясавеев // Социологическое обозрение. — 2021. — Т. 20. — № 3. — С. 71–97.
7. *Овчинникова Л.А.* Принцип взаимной ответственности государства и личности во взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина // Отечественная юриспруденция. — 2018. — № 2 (27). — С. 5–8.
8. *Селезнева А.В.* Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2019. — № 49. — С. 177–192.
9. *Селезнева А.В.* Политико-психологические особенности политического сознания современной российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2013. — № 3. — С. 128–136.
10. *Урнов М.Ю.* Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. — 2011. — № 6. — С. 5–17.
11. *Bauman Z.* Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity / Z. Bauman, L. Don-skis. — Cambridge: Polity Press, 2013. — 224 p.
12. *Inglehart R.* Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — 288 p.
13. *Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe. — NY: William Morrow and Company, 1991. — 538 p.

РОЛЬ МЕДИАФРЕЙМИНГА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается влияние технологии медиафрейминга на процесс современной политической коммуникации. Автор обосновывает необходимость применения данной технологии и обозначает ключевые факторы, влияющие на конструирование фрейма в медийном пространстве. В работе раскрывается сущность медиафрейминга, а также проводится подробный анализ его поэтапного деления. Автор приходит к следующему выводу: создание эффективного медиафрейма является одной из важнейших функций СМИ, однако в настоящее время потенциал указанной технологии недооценен. Соответственно, необходима тщательная и системная работа над формируемыми конструктами для осуществления успешной политической коммуникации в обществе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, медийное пространство, СМИ, фрейм, медиафрейминг.

Автор

Мария Сергеевна Назарова

Аспирантка факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В настоящее время СМИ являются наиболее удобным и приемлемым каналом коммуникации для искусственно созданных конструктов, облегчающих процесс передачи информации, к которым, например, относятся фреймы. Данный актор политической коммуникации представляется необходимым как для органов власти разного уровня, так и для общества. При этом речь идет не столько об информировании граждан о тех или иных событиях в различных сферах жизни, сколько о формировании интереса к произошедшим ситуациям. Кроме того, СМИ выступают инструментом власти или «независимых журналистов» для выстраивания необходимого им представления об объектах и субъектах политического мира. Для этого публикуемый материал должен содержать определенным образом визуально и содержательно структурированную и

отобранную информацию, что в разной степени успешно реализуется в рамках медиафрейминга.

Медиафрейминг как основная разновидность технологии фрейминга, применяемая СМИ, признается авторами необходимым для процесса политической коммуникации и обосновывается следующими феноменами [5. — С. 96–97]:

1. Необходимо отметить так называемое явление «ограниченного сознания», суть которого заключается в пренебрежении граждан важнейшей доступной информацией. Выбор осуществляется в пользу столь же доступной, но менее полезной для заданной ситуации. Так, акцент смещается с максимально полного и непредвзятого собрания фактов на узконаправленную «отборную» информацию.

2. Феномены «разумной достаточности» и «рационального невежества»

также являются обоснованием использования медиафрейминга. В данном случае речь идет о том, что в настоящее время то количество информации, которое выплескивается на человека, безотносительно тематики и канала трансляции, колоссально и, бесспорно, избыточно. Поэтому индивидом устанавливается барьер, определяющий необходимое для него количество информации. Выбранный набор фактов, в свою очередь, может быть бесполезным для заданной ситуации, либо неполным, либо ложным. Именно исходя из названного материала, индивид и будет делать умозаключения, которые могут расходиться с реальным положением дел.

3. Обосновывает необходимость использования медиафрейминга и «рациональность при недостатке информации»: индивид обладает жизненным опытом, паттернами для решения проблем и формирования суждений и умозаключений, именно поэтому, если предоставляемая СМИ информация неполная, человек способен ее обработать и сделать ряд выводов по поводу той или иной ситуации.

Таким образом, исходя из вышесказанного, уже можно сделать вывод о сущности медиафрейминга. В первую очередь, следует отметить, что названный феномен представляет собой конструирование определенной «рамки значений» медиасообщения, внутри которой происходит его интерпретация [7. — С. 139]. Следовательно, такие характеристики информации, как объективность, всесторонность, полнота, а часто и точность, отходят на второй план, уступая место обозначенной рамке, которая может не только «окружать» и собирать факты, но и трансформировать их.

В целом мы можем говорить о том, что *медиафрейм представляет собой письменное, устное, графическое или визуальное сообщение, отношение к которому коммуникатор использует*

для контекстуализации темы, такой как, например, личность или событие, или проблемы, передаваемой «получателям» через посредника. Термин «коммуникатор» определяет людей или группу людей, которые встроены в структуру официальной организации. Например, это справедливо в отношении лиц, работающих на телевидении. Категория получателей включает отдельных людей, формальные группы или группы людей, которые неформально связаны друг с другом, то есть являются членами аудитории. Текст реализует целостное отношение коммуникатора, использующееся в одном сообщении или серии сообщений [10]. Категория посредничества относится к производству и распространению печатной продукции, материалов кино, традиционных и интернет-СМИ, а также приложений. Следует определить и термин «контекстуализация», который представляет собой целенаправленное поведение, при котором коммуникатор устанавливает фрейм той или иной темы.

Продолжая рассуждения о медиафрейминге и результатах данного процесса, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о факторах, оказывающих влияние на указанный феномен. Во-первых, это социальные нормы и ценности, в рамках которых происходит политическая и иная коммуникация в конкретном обществе. Во-вторых, организационная среда, а также ее ограничения, что в большей степени влияет на работу, протекающую внутри СМИ как конкретной структуры рынка труда. В-третьих, давление властей и групп интересов, для которых необходимо представление в выгодном ключе тех или иных событий и объектов различных сфер жизни общества. В-четвертых, политические и идеологические предпочтения журналиста как человека, чье медиасообщение фреймируется и помещается в уже созданную систему фреймов [4. — С. 88]. Отсюда можно

сделать вывод об ограниченной роли властных структур, способных оказывать влияние на СМИ для публикации необходимого материала, в формировании медиафрейма, поскольку «заказ сверху» может быть не воспринят аудиторией в рамках тех или иных социальных норм или ограничений.

Следует также отметить, что продукт медиафрейминга обладает рядом характеристик. В первую очередь, это иерархичность — градация информационных элементов вышеназванного феномена от наиболее важных к наименее значимым. Вторым свойством является динамичность, позволяющая медиафрейму трансформироваться вслед за существенными изменениями окружающей среды. В-третьих, это структурированность, обеспечивающая возможность изучить элементы рассматриваемого нами явления, а также взаимосвязь между ними [3. — С. 141].

Безусловно, исследователями предпринимаются попытки классифицировать медиафреймы, однако единый критерий, который мог бы лечь в основу универсальной типологии, не определен. В таблице 1 представлены наиболее распространенные типологии.

В контексте рассмотрения классификаций медиафреймов стоит упомянуть концепцию «измерения фрейма». По мнению авторов, существует 14 «измерений», применяющихся для раскрытия любого политического вопроса через любой канал коммуникации. Исследователи приводят следующий список: экономические фреймы, фрейм способностей и ресурсов, мораль, справедливость и равенство, правовые рамки, ограничения и оценка политики, преступность и правосудие, безопасность и защита, здоровье, качество жизни, культурная идентичность, общественное мнение, политический фрейм, внешнее регулирование и репутационные фреймы [3. — С. 8]. Кроме названных «измерений», исследователи обезопасили себя от критики, касающейся неполноты данных критериев, введя понятие «иные фреймы», куда входят все сферы, которые не были указаны ранее. Безусловно, предложенные «измерения» могут быть объединены либо не учтены в зависимости от целей исследования. Таким образом, медиафрейм какого-либо политического вопроса можно «измерить» через названные составляющие, характеризующие

Таблица 1 — Типологии медиафреймов

Основание	Типы	Описание типов
Процесс построения умозаключений после трансляции медиафрейма	Эквивалентные	Логически выстроенное на базе предоставленной эквивалентной информации суждение
	Акцентные	Смещение внимания на качественно иное, более актуальное, часто даже эмоциональное суждение [12. — Р. 672]
Широта восприятия заложенной в медиафрейм информации [12. — Р. 109–110]	Родовые (общие)	Тематически широко применимые конструкты, устойчивые в течение длительного времени, понятные не только в заданном обществе, но и в любом другом
	Специальные	Конструкты, посвященные конкретным проблемам, иллюстрирующие как отдельные характеристики, так и конкретную ситуацию среди множества существующих
Формируемое представление о текущих проблемах [6. — С. 65]	Эпизодические	Представление социальных проблем определенными ситуациями и событиями
	Тематические	Представление о социальных проблемах в общем виде

рассматриваемую проблему с наиболее важных позиций.

Кроме того, исследователями была разработана модель конструирования медиафрейма как непрерывного феномена, в котором результаты процесса являются входными данными для последующих. Технология фрейминга в медийном пространстве разделяется на следующие этапы: построение фрейма, установка фрейма, эффекты фрейминга на уровне индивида и связь между индивидуальными фреймами и медиафреймами. Соответственно, перед нами встает необходимость рассмотреть данные этапы более подробно:

1. На этапе построения фрейма ключевой вопрос заключается в том, какие организационные или структурные факторы медиасистемы или индивидуальные характеристики журналистов могут повлиять на формирование информационного содержания. Выделяется несколько потенциальных источников влияния. Во-первых, это влияние, сосредоточенное на журналистах, которые активно создают фреймы, чтобы структурировать и осмыслить поступающую информацию. Формирование названных конструктов регулируется такими переменными, как идеология, отношения и профессиональные нормы, что в конечном итоге отражается на том, как журналисты освещают ту или иную тему. Вторым источником влияния — это выбор фреймов в результате таких факторов, как тип или политическая ориентация СМИ. Третий источник влияния представляет собой внешние субъекты давления, к которым относятся, например, политические деятели, группы интересов, то есть фреймы, предлагаемые последними, принимаются журналистами и включаются в их освещение проблемы или события.

2. Установка фрейма является его настройкой. Во многих случаях доступность и значимость фреймов отходят на второй план, хотя их значимость для

аудитории представляется ключевой переменной: фреймы влияют на мнения, подчеркивая конкретные ценности, факты и другие соображения, придавая им более очевидное отношение к проблеме. Важность фреймов в данном смысле означает их доступность или легкость, с которой можно вспомнить примеры или ассоциации.

3. Эффекты фрейминга на индивидуальном уровне подразумевают влияние медиафреймов аудитории на поведенческие, установочные и когнитивные переменные личности. Данная связь в основном сосредоточена на входах и выходах без рассмотрения процесса, связывающего ключевые переменные. Предполагается, что эффекты фрейминга на индивидуальном уровне устанавливают прямую связь между медиафреймами и результатами их влияния на индивидуальном уровне. Проблема состоит в том, принимает ли аудитория медиафреймы полностью или использует фреймы, аналогичные медиафреймам, при собственной обработке информации. Следовательно, остается открытым вопрос о посреднике в виде фреймов аудитории.

4. При взаимосвязи между индивидуальными фреймами и медиафреймами журналисты рассматриваются как потенциальная аудитория созданных конструктов. Репортеры и их аудитория в равной степени восприимчивы к фреймам, использующимся для описания событий и проблем. Процесс конструирования обычно концептуализируется как иерархический, исходящий от элит, групп интересов или средств массовой информации, при этом присутствует и взаимозависимость, которая не вписывается в принцип «сверху вниз». В данном случае ключевой является проблема зависимости журналистов от групп давления и интерпретации первыми того или иного события в рамках уже созданных фреймов [13. — Р. 114–117].

Продолжая вести речь о медиафреймах, мы можем заострить наше

внимание на двух феноменах, которые были рассмотрены в социологической концепции И. Гофмана, — это переключение и фабрикация. На наш взгляд, данные понятия могут быть гармонично встроены в рассуждения о процессе конструирования медиафреймов, так как оба явления относятся к способам искажения окружающего мира. И переключение, и фабрикация, вероятно, представляются в качестве инструментов медиафрейминга. Необходимо определить понятие ключа, которое, по мнению социолога, является важнейшим для анализа фреймов. Итак, ключ — это набор смыслов, которые вкладываются в ту или иную деятельность или ситуацию [1. — С. 44]. При этом данный феномен понимается в понятиях заданной системы фреймов: его значение должно быть доступным для всех субъектов коммуникации.

В свою очередь, деятельность, определенная заданным ключом, может трансформироваться в любой другой вид деятельности, соответственно, будет меняться и ключ. Данный процесс И. Гофман называет переключением [2. — С. 22], которое характеризуется рядом черт. Во-первых, названное явление представляет собой продолжение какого-либо действия, поскольку трансформирует изначальное понимание субъектов, объектов, действий и др. Во-вторых, переключение предполагает осмысленность данного феномена со стороны субъектов. Кроме того, сам феномен маркируется скобками, в рамках которых и происходит смысловая трансформация. В-третьих, рассматриваемый процесс определяет сущность реального происходящего — обеспечивает индивида тем, что он считает

реальным [1]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о применимости переключения в трансляции медиафрейма в СМИ.

С другой стороны, более явно в СМИ можно проследить процесс, названный И. Гофманом фабрикацией. По мнению социолога, фрейм считается таковым в случае целенаправленного введения в заблуждение некоторых участников коммуникации [1. — С. 45], то есть не все субъекты знают о процессе, происходящем внутри фрейма. Фабрикация умышленна и может быть изболита, причем это относится как к благонамеренным, так и к «эксплуататорским» видам названной деятельности. Безусловно, СМИ как канал политической коммуникации не способны избежать разного рода фабрикации, однако в данном случае их раскрытие ведет не просто к разрушению созданного медиафрейма, но и к потере доверия в целом, что обесценивает и оставшиеся конструкты.

Важнейшим критерием, позволяющим оценить качество сконструированного медиафрейма, является эффективность. Оценка по названному критерию исходит из того, что при прочих равных условиях один конструкт влияет на мнение людей в большей степени, нежели другой [9. — Р. 105].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главная цель медиафрейминга — конструирование эффективного в заданном медийном пространстве фрейма. Мы можем назвать данный процесс одной из ключевых функций СМИ, которая, несмотря на свой колоссальный потенциал, редко осознанно и успешно реализуется, что необходимо исправить для успешной политической коммуникации.

Литература

1. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. — М.: Ин-т социологии, 2003. — С. 7–57.
2. Вахштайн В.С. «Неудобная» классика социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 52 с.

3. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2010. — № 9. — С. 137–149.
4. Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Изв. Саратов. ун-та. — Нов. сер. Сер. Социология. Политология. — 2014. — № 4. — С. 85–90.
5. Пономарев Н.Ф. Медиафрейминг как ключевая дискурсивная стратегия // Власть. — 2013. — Т. 21. — № 9. — С. 93–97.
6. Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 3. — С. 62–67.
7. Сдельников В.А. Отображение современных отношений «Запад-Россия» посредством медиафрейма «учитель — ученик» // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2016. — № 404. — С. 138–142.
8. *Boydston A.E.* Identifying Media Frames and Frame Dynamics Within and Across Policy Issues. — Seattle, 2013. — URL: <http://faculty.washington.edu/jwilker/559/frames-2013.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).
9. *Chong D.* A Theory of Framing and Opinion Formation in Competitive Elite Environments / D. Chong, J.N. Druckman // *Journal of Communication*. — 2007. — № 57. — P. 99–118.
10. *D'Angelo P.* Framing: Media Frames // *The International Encyclopedia of Media Effects* / Ed. P. Roesser, C.A. Hoffner, L. van Zoonen. — Chichester: John Wiley & Sons, 2017. — URL: <https://clck.ru/UVS9E> (дата обращения: 19.12.2021).
11. *de Vreese C.H.* Framing politics at the launch of the euro: A cross-national comparative study of frames in the news / C.H. de Vreese, J. Peter, H.A. Semetko // *Political Communication*. — 2001. — № 18 (2). — P. 107–122.
12. *Druckman J.N.* Political Preference Formation: Competition, Deliberation, and the (Ir)relevance of Framing Effects // *American Political Science Review*. — 2004. — Vol. 98. — №4. — P. 671–686.
13. *Scheufele D.A.* Framing As a Theory of Media Effects // *Journal of Communication*. — 1999. — № 49 (1). — P. 103–122.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Многообразие форм и направлений добровольческой деятельности складывается сегодня в единый институт добра, который выполняет ряд ключевых функций и является одной из важнейших основ гражданского общества. Вклад добровольчества как созидательной силы трудно переоценить: положительный эффект добровольческой деятельности распространяется на различные сферы жизни общества. Осознание ценностного вклада добровольчества происходит на различных уровнях реализации волонтерства. В статье рассматривается региональный уровень на примере Краснодарского края, в котором динамично развивается система добровольчества как в количественном, так и качественном плане.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, доброволец, волонтер, добровольческая деятельность.

Автор

Сатеник Оганесовна Хачатурян

Студентка магистратуры Института права и политики
Российско-Армянского университета
(Ереван, Армения)

Добровольчество активно поддерживается и развивается на территории Кубани. В рейтинге субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных НКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг за 2019 год Краснодарский край занял 13 место с итоговым баллом 30,42 (46 место, балл — 20,88, 2018 г.) [1]. Также увеличивается общий объем финансирования: если в 2019 г. сумма равнялась 168 млн рублей, то в 2020 г. — более чем 211 млн рублей. Был принят ряд важнейших решений, цель которых — закрепить волонтер-

ство как краевой приоритет и обеспечить взаимодействие государственных и гражданских структур. Распоряжением главы администрации края № 161-р был сформирован Совет по развитию добровольческой деятельности [2] для выстраивания конструктивного диалога между органами всех уровней власти и организациями, занятыми в сфере добровольчества.

Для комплексного осмысления институционального положения добровольческой системы края было проведено глубинное интервью с 10 руководителями волонтерских сообществ в рамках онлайн-встреч.

Добровольчество как явление воспринимается в первую очередь с альтруистической позиции безвозмездной помощи другим. «Это помощь другим,

ближнему по собственной воле» (из интервью с руководителем организации, возраст — 30 лет, пол — женский). Однако можно отметить, что наблюдается изменение парадигмы восприятия в отношении волонтерства: это тенденция к уходу от простой аксиологической трактовки к осознанию преимуществ добровольческой системы. «Это искренняя деятельность со стороны человека, направленная на решение социальных проблем, и в целом помощь нуждающимся людям, природе, окружающей среде, животным» (28 лет, ж). Можно говорить о комплексном подходе к восприятию добровольчества как ценного ресурса развития общества. «В узком смысле — это организованная структура, которая направлена на улучшение социальной составляющей в обществе» (22 года, м).

Эволюционный путь волонтерства внутри субъекта обширен и уникален. Сложно выделить отправную точку, давшую толчок к развитию, но можно выделить два подхода, которые повлияли на институционализацию волонтерства: ментальный (исторический) и институциональный (олимпийский).

Согласно первому подходу, можно сказать, что добровольчество получило развитие, потому что мотивация к добровольческой деятельности детерминирована человеческой структурой. «Развитию добровольчества способствовал в первую очередь наш менталитет как гражданина России, его исторически сложившееся мнение об обществе, в частности об истории как умении самопожертвования и проявлении высших человеческих качеств» (35 лет, ж). «Все из-за менталитета граждан, который испокон веков направлен на то, что мы друг другу помогаем, мы никогда не оставляли одних соседей, когда у нас была царская Россия, когда был СССР. Это находится в историческом коде россиян» (22 года, м).

Второй же подход опирается на более прагматические характеристики, которые включают в себя нормативно-

правовую базу, институционализацию движения, развитие инфраструктуры, государственные и региональные программы. «Про волонтерскую деятельность стали говорить больше после Олимпийских игр. Уже при подготовке к Олимпийским играм мы стали больше узнавать о том, что есть волонтерская деятельность на мероприятиях, больше людей стало вовлекаться в волонтерскую деятельность. Все-таки толчком к развитию послужили Олимпийские игры, которые проходили в Сочи, поэтому наш регион стал развиваться раньше всех» (28 лет, ж). «У серебряного волонтерства все началось с Олимпийских игр. Мы не знали, что это такое, но нам было интересно. Каждый день на Играх подчеркивалось, что без нас не обойтись и мы одни из главных действующих лиц. Мы чувствовали свою значимость. Эта открытая возможность в совокупности с поддержкой со стороны государства и президента дает возможность развитию. Общество сказало: это нужно нам. Президент сказал: это нужно обществу. Олимпийские игры — это эволюционно-революционная веха в развитии волонтерства (63 года, ж). Но с другой стороны, существует ряд проблем, которые не позволяют выстраивать сообщество системных волонтеров на уровне всего края. Часто это отдельные сообщества, у членов которых профессиональная идентичность соотносится с волонтерством. «Добровольческое движение в целом не получило своего развития, определенные направления развитие получили, но сознательных волонтеров на постоянной основе гораздо меньше» (35 лет, ж).

На Кубани добровольчество принимает разнообразные формы и реализуется в различных направлениях волонтерской активности. «Сложно сказать, какие наиболее востребованные, потому что, если форма добровольческой деятельности появляется, значит, она востребована» (22 года, м). Наиболее востребованными и популяр-

ными направлениями волонтерской деятельности в крае оказались социальное, событийное и экологическое волонтерство. *«Максимально развито событийное, потому что сейчас у нас проходит очень много мероприятий, на которые активно ведется набор волонтеров, плюс на это выделяется объемное по масштабам финансирование. Второе — это экологическое, после Года экологии стало очень актуальным. Еще можно выделить инклюзивное и патриотическое волонтерство»* (24 года, м). Неудивительно, что одним из востребованных направлений оказалось социальное волонтерство, которое является механизмом преодоления социальных проблем. Наряду с государством, гражданское общество в виде добровольческого движения выполняет социальную функцию для увеличения благосостояния края и помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. *«На сегодняшний день, в первую очередь, это социальная помощь друг другу, это развито. Чувствуется государственный рычаг как напоминание обществу об исторических корнях самопожертвования. Это проявляется через СМИ: все каналы подхватили волну распространения информации о фондах помощи людям. Этот государственный рычаг как обращение к нации, популяризация через продавливание социальных норм»* (35 лет, ж).

Можно сказать, что любое сообщество, выполняющее ряд задач и оказывающее помощь, уже успешно как одна из ячеек гражданского общества. *«Все успешны: волонтеры-медики, экологи, защитники животных, волонтеры исторического наследия, нет ни одного волонтерского движения, которое было бы бесполезно»* (63 года, ж). Особенно выделяются ресурсные центры как совокупность добровольческих организаций, успешность которых проявляется во взаимодействии волонтеров по всей стране. В данном случае работает закон синергии: об-

щее всегда больше суммы его частей. *«Очень успешна ассоциация волонтерских центров. Она аккумулирует всю деятельность добровольческих организаций и определяет вектор развития волонтерской деятельности в стране. У нас в Краснодарском крае достаточно сильные ресурсные центры и некоммерческие организации. Общими усилиями мы добиваемся новых высот (28 лет, ж). Тем не менее прогосударственные организации имеют больше ресурсов для реализации своей деятельности. «Успешными являются проправительственные организации, которые создаются на федеральном уровне с подачи органов власти, они более успешны, потому что у них больше возможностей, у них лучше финансирование, у них есть информационная и административная поддержка. Им помогают, их развивают»* (35 лет, ж).

В разветвленной системе добровольческого движения края существуют сложности с точным расчетом волонтеров. Данные официально числящихся волонтеров и принимающих участие в мероприятиях разнятся. Это связано с самой спецификой добровольчества: событийность не предполагает официальной регистрации каждого акта помощи. *«Ребята многие обращаются: хочу стать волонтером, мне нужна волонтерская книжка. Тут такой момент: кому-то нужна волонтерская книжка, а кто-то хочет стать волонтером»* (29 лет, м). По информации администрации, численность волонтеров в крае достигает 60 тыс. человек (4 место в РФ) [3]. По последним данным «Центра молодежных инициатив», количество добровольцев в крае практически достигло отметки в 138 тыс. человек [4].

Описать портрет стандартного волонтера края представляется задачей затруднительной, потому что в добровольческое движение включены различные категории граждан с совершенно разными биологическими и социальными характеристиками.

«Волонтер — это молодой активный человек, который желает заниматься добровольческой деятельностью во всех направлениях. Доброволец — универсальный солдат» (30 лет, ж). Образ усредненного волонтера зависит от направления и типа добровольческой организации, но можно выделить личностные характеристики, присущие всем волонтерам, независимо от направления добровольческого движения: например, это всегда добрый, открытый и равнодушный человек, желающий быть полезным и оказывать помощь другим. *«Наш волонтер — это человек, который чувствует душевную мотивацию к тому, чтобы приходить на мероприятия и их организовывать. Второе — это чувство долга: как я не пойду? Просыпаются внутренние чувства: социальные и человеческие. Просто пойти помочь своим друзьям, при этом я помогу обществу, при этом спасу планету. Это связка факторов: от маленькой песчинки до всего мира» (35 лет, ж).*

Аксиологическая система добровольчества, несмотря на его многообразие, заключается в одном слове — добро. Отличные друг от друга системы ценностей находят точки соприкосновения именно в проявлении доброты и сопричастности. *«Можно сказать одним предложением: ценность — это то, что добро должно стать нормой жизни. Этот девиз мы несем через все наши проекты и действия» (22 года, м).*

Несмотря на восприятие волонтерства через призму альтруизма и проявления доброты, поведение человека детерминировано социальными и экономическими факторами. В данном контексте, как бы парадоксально это ни звучало, добровольческая деятельность — выгодное для самих волонтеров явление. *«Первое — в волонтерство идут за мотивом достижения: выполняя работу, люди видят перед собой мотивацию получить какую-то грамоту, сертификат, пополнить портфолио. Второе — это*

выгодная социализация» (24 года, м). Однако «выгода» в рамках волонтерской деятельности не носит негативной коннотации, «выгода» является более комплексным фактором осмысления механизмов вовлечения людей в добровольчество. *«У нас один активный волонтер (ей около 55 лет), у нее слабое здоровье, но, по ее словам, если бы не волонтерство, то она давно бы уже умерла. Волонтерство — это выход из тупика. Если мы берем волонтерство в серебряном возрасте, то вопрос самореализации становится остро: когда человек выходит на пенсию, он теряет нить, связывающую его с обществом. Такой вид деятельности помогает ему быть активным не только социально, но и физически и интеллектуально (63 года, ж).*

Несмотря на типы организаций, повестки дня в добровольческих организациях формируются как при взаимодействии с властными структурами и другими организациями, так и при самостоятельном определении с опорой на «запросы» граждан. *«Так как мы государственная структура, запрос спускается “сверху”, но с обязательным определением потребностей граждан» (30 лет, ж).* *«Мы можем ориентироваться на план работы “Ассоциации волонтерских центров”, но у нас есть региональная повестка, свои направления деятельности в организации. Все равно мы стараемся учитывать интересы всех. Краевые мероприятия опираются на интересы волонтеров, ребята заинтересованы в этом, нет такого, что мы заставляем, ребята сами откликаются» (28 лет, ж).*

Организация добровольческой деятельности по решению конкретных проблем происходит в типичном управленческом ключе без особой новизны. *«Мы взаимодействуем с администрацией, коллегами из министерств, есть постоянные партнеры и среди некоммерческих организаций. Допустим, к нам обращаются за помощью в организации субботника, соот-*

ветственно мы должны понимать, кто предоставляет инвентарь, определить место, способ продвижения. Мы даем объявления по различным каналам коммуникации, что нам нужны волонтеры на акцию, прописываем все сервисы и требования. Соответственно, волонтеры отписываются» (28 лет, ж). Не секрет, что иногда складывается ситуация, идущая вразрез с главной идеей добровольчества, и методы вовлечения граждан носят «добровольно-принудительный» характер, однако такие методы оказываются действенными не только для самих управленцев, но для людей, открывающих для себя мир волонтерства. *«Наверное, самый масштабный способ, который используетя всеми, и я считаю, что он самый эффективный, — это принудительное вовлечение больших масс, из которых, например, 50 человек, придя на первое любое мероприятие, принимают, куда они идут, но они не чувствовали еще ни разу этого ощущения, что такое делать добро. Из этих 50 половина ощущает эту внутреннюю отдачу. Приходят потом и второй, и третий раз и становятся частью сообщества» (35 лет, ж).*

На удивление, по результатам экспертного интервью можно сделать вывод, что ресурсная база добровольчества Краснодарского края в значительной степени удовлетворяет запросы добровольческой сферы. Но можно сказать, что от типа и уровня организации колеблется и уровень этой удовлетворенности. *«Мы федеральный орган власти. Мы, наоборот, являемся основным источником ресурсов для остальных. В нашем случае финансирование не является проблемным ресурсом» (22 года, м).* На уровне региона организации различных типов хоть и нуждаются в финансировании, но научились покрывать эту нужду через гранты и взаимодействие с федеральными органами. На сегодняшний день нужны ресурсы другого уровня: *«Все, что нужно для работы, есть, и все, что*

нужно было бы ребятам для реализации их идей и проектов. У нас достаточно хорошее медиасопровождение. "Ассоциация волонтерских центров" в этом плане всех участников поддерживает, есть возможность через них информировать. А чего бы нам не хватало, может, где-то для обмена практик, — я бы еще назвала экспертный ресурс» (28 лет, ж). Однако на уровне муниципалитетов основной проблемой является неразвитая инфраструктура: отсутствие центра как базы обучения и профессионального обмена опытом и информации. *«У нас есть муниципальная программа, в рамках которой заложены бюджетные средства на реализацию волонтерских инициатив. Если что-то нужно, у нас есть официальные средства. Но основные нужды средства есть. Но нам не хватает помещения, у нас нет молодежного центра в стандартном понимании. Похвастаться хорошим досуговым местом для ребят сейчас я не могу. Это основной момент, который хотелось бы победить (29 лет, м).*

Пока ни в России в целом, ни в Краснодарском крае нет единого подхода к расчету экономической выгоды волонтерства, хотя в обществе появляется осмысление полезности. Но пока в крае расчеты имеют обычные характеристики, свидетельствующие лишь о количестве волонтеров и мероприятии. *«Эффективность добровольческой организации определяем по количеству вовлеченных в добровольчество человек, мы ведем отчеты, мы их анализируем, по каждому мероприятию ведем отчет со статистикой. Каждый волонтер прописан: сколько мероприятий отработал, количество часов» (28 лет, ж).* Уже сегодня можно наблюдать трансформацию определения эффективности добровольческой деятельности. Некоторые организации пытаются переводить свою полезность в денежные показатели для осознания ценности вклада в общества. *«Мы как-то считали деньги по волонтерам:*

трудозатраты. Мы показывали, что такое волонтер в денежном эквиваленте, волонтерство во время пандемии. Цифра зашла за 6 миллионов рублей. Если мы берем среднюю заработную плату, высчитать час работы, отнять налоги, получается определенная сумма. Если взять всех тех людей, которые были вовлечены в оказание помощи во время пандемии, то экономическая сторона невероятная: это столько трудозатрат, которые по сути экономит государство» (35 лет, ж). Но существует и иное мнение: эффективность акта волонтерства определяется его существованием. «Я не даю оценку эффективности деятельности, это

лишнее. Если человек волонтер — он уже молодец» (29 лет, м).

Таким образом, добровольческая система Кубани является одной из наиболее динамично развивающихся среди субъектов РФ. С каждым годом увеличивается количество организаций, проведенных мероприятий и самих волонтеров. Добровольчество края претерпевает не только количественные, но и качественные изменения: происходит трансформация восприятия добровольчества от примитивной трактовки альтруистического характера к глубинному осознанию ценности ресурсного потенциала волонтерства.

ПРИЛОЖЕНИЕ А:

Экспертный опрос «Добровольческое движение в Краснодарском крае: состояние, проблемы и ресурсы развития»

Эксперт _____

Добровольческая организация/сообщество _____

Возраст _____

Пол _____

Опыт добровольческой деятельности _____

Управленческий опыт в добровольческой деятельности _____

Вводная часть:

– Что Вы понимаете под добровольческой деятельностью?

– Почему, на Ваш взгляд, добровольческое движение получило свое развитие в России? В Краснодарском крае?

– Какие, по Вашему мнению, формы (в виде организаций или самоорганизованных сообществ) и направления добровольческой деятельности наиболее востребованы в современных условиях? Объясните, пожалуйста, почему Вы так считаете?

– Какие добровольческие организации или сообщества, по Вашему мнению, являются наиболее успешными? Почему Вы так считаете?

Основная часть:

– Расскажите, пожалуйста, историю становления/образования добровольческой организации/сообщества, которую Вы представляете.

– Кто является формальным лидером добровольческой организации/сообщества, которую Вы представляете? В чем заключаются функции формального лидера? Кто является неформальным лидером? В чем заключаются функции неформального лидера?

– Какова численность Вашего добровольческого сообщества? Опишите участников Вашего добровольческого сообщества (типичные социальные и личностные характеристики представителей).

– Существуют ли в Вашем добровольческом сообществе общие нормы, ценности, разделяемые всеми его участниками? Если да, то расскажите о них, пожалуйста.

– Как Вы рекрутируете/вовлекаете новых людей в Ваше сообщество? Какие из перечисленных способов рекрутирования/вовлечения являются наиболее эффективными?

– По каким причинам (мотивам) граждане включаются в добровольческую деятельность? Какие формы деятельности для добровольцев являются наиболее привлекательными? Почему?

– Откуда Вы получаете информацию о необходимости «включения» Вашего добровольческого сообщества в решение публичных проблем? Как формируется повестка дня в вашей добровольческой организации (*определяете самостоятельно, взаимодействуете с властными структурами и другими организациями, действуете по «запросам» граждан*)? Каким образом организуется деятельность Вашей организации по решению конкретных проблем (*мобилизация добровольцев, поиск эффективных технологий решения проблемы, организация командной работы, направленной на достижение результатов, оценка эффективности деятельности*)?

– Какие у Вашего сообщества есть ресурсы для реализации добровольческой деятельности? В каких ресурсах Вы нуждаетесь?

– Проходят ли обучение Ваши добровольцы? Если да, то где и в каких формах?

– Каким образом участники добровольческого сообщества осуществляют коммуникацию между собой? С внешней средой, с заинтересованными группами?

Заключительная часть:

– Готовы ли Вы расширять свои направления деятельности или, наоборот, сконцентрироваться на каких-то специфичных видах помощи?

– Есть ли потребность объединения сообщества с другими добровольческими организациями и сообществами? Если есть, то что это даст Вашей организации?

– По каким критериям Вы оцениваете эффективность деятельность добровольческой организации?

– Как Вы оцениваете эффективность деятельность Вашего добровольческого сообщества?

Литература

1. Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства за 2019 год. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_sostavlen_reyting_subektov_rf_po_aktivnosti_podderzhki_nko.html.
2. Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.06.2019 № 161-р «О Совете по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности на территории Краснодарского края». — URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54136993>.
3. Число волонтеров на Кубани достигло 60 тысяч человек // ПИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20201204/volontery-1587743593.html>.
4. Аналитическая справка о состоянии добровольчества (волонтерства) в Краснодарском крае. — Центр молодежных инициатив — Государственное казенное учреждение Краснодарского края. — 2020.

СПЕЦИФИКА ГОСКОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КИТАЯ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЛОББИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СЫРЬЕВЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация

Государственные корпорации Китая в последние два десятилетия прошли через ряд последовательных рыночно-оптимизационных реформ, в результате которых оформились некоторые значимые элементы корпоративных структур «западного» типа, а также были определены предпосылки для развития полноценной и благоприятной среды лоббирования собственных интересов, которую особенно активно развивает руководство предприятий сырьевого сектора. В частности, наличие такой среды проявляет себя в стратегиях рентного поведения, имеющего место после развития системы преференций и юридического закрепления стратегических статусов за крупнейшими государственными предприятиями. В рамках данного исследования предпринята попытка проследить пореформенный путь в госкорпоративном секторе и сопоставить его с предпосылками, необходимыми для развития GR-деятельности со стороны государственных сырьевых корпораций.

Ключевые слова: государственные корпорации Китая, экономические реформы КНР, преференциальные льготы, госкорпоративное лоббирование, рентное поведение, нефтегазовый сектор.

Автор

Кирилл Дмитриевич Серебряков

Аспирант факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Государственные компании в КНР относятся к организациям с государственным участием, где ключевое публичное образование является основным либо единоличным акционером, и выступают на протяжении нескольких десятилетий декларируемым драйвером экономического благополучия страны. С годами позиционирование видоизменилось, и акценты были расставлены вокруг образа госкорпораций как ключевых глобальных игроков в своих отраслях. Подтверждением тому можно считать список Fortune Global 500 (2020), где из 124 китайских корпораций более $\frac{3}{4}$ были отнесены к компаниям с государ-

ственным участием с тенденцией их большей представленности в каждой новой генерации рейтинга [5].

Госкорпорации признаны в КНР «руководящей силой национальной экономики» и «ключевым звеном в реформировании экономической системы». По этой причине они рассматриваются руководителями страны как базовое звено перехода к инновационной модели развития народного хозяйства, что требует усиленного контроля за их деятельностью, а от самих компаний — проявления поведения, позволяющего в рамках требований китайского правительства стать «агентами» этой трансформации [14].

Характеристиками предъявляемых требований в этом случае являются обязательный выход на международные рынки, нахождение для каждой отрасли за рубежом конкретной доли собственности и капитала для обеспечения максимально диверсифицированного представительства китайских интересов, разработка долгосрочного планирования с ориентацией на структурные изменения показателей ВВП, поскольку в последние годы китайская экономика начала проявлять тенденцию к снижению своих темпов. В обмен такие предприятия получают доступ к ресурсам, создающим благоприятные со стороны государства условия для ведения деятельности — субсидирование, возможность кредитования в государственных «политических» банках, а при наличии обязательной экспортной дисциплины, соответствующей целевым показателям, — это также получение льгот, особых налоговых режимов и дополнительная возможность реструктуризации внешних долгов [12. — Р. 234].

Деятельность госпредприятий сырьевого сектора до 1990-х годов реализовывалась по т.н. «двухколейной» модели, заключавшейся в поисках баланса плановой и рыночной экономик, что стало возможно с 1982 года благодаря инициативе Дэн Сяопина. В тот период для такой модели вводилась двойная система контроля — рыночная часть контролировалась профильным министерством или ведомством, а командно-административная — местными администрациями, определявшими планы для предприятий по выпуску продукции, получению прибыли, выделению излишков и т.п. Однако такие преобразования быстро показали свою неэффективность, поскольку между Пекином и регионами давно сложилась политика ресурсного самообеспечения, когда Центр направляет только кредитные средства, которые региональные и местные власти должны будут

вернуть. Это стало приводить к тому, что выплаты по кредитам осуществлялись за счет ресурсов «приписанных» компаний, что снижало их плановые показатели и возможности роста [10. — Р. 4–5]. Для решения данной проблемы было предпринято несколько реформ с целью оптимизации деятельности государственных корпораций: например, после реформы 1994 г. было разделено управление и владение компанией, апробирована новая форма акционерного предприятия, которой воспользовалась CNPC, сформировав свой первый совет директоров, что позволило переориентировать «двухколейную» модель с уклоном в рыночные свободы и автономию для высшего менеджмента [4], что мы можем считать отправной точкой складывания среды, предполагающей лоббирование интересов со стороны высшего (и нового для китайской экономики) класса корпоративных управленцев.

Изменения в выборе формы собственности на первых этапах носили заявительный характер (к концу 1995 года ситуация изменилась), а потому привели к формированию в китайском законодательстве двух отличающихся в акцентах друг от друга терминов: 国企 — компания, управляемая государством, и 国有企 — компания во владении государства [14]. Однако данное нововведение носило половинчатый характер, поскольку после открытия каналов для поиска ресурсов извне сохранилась и даже усилилась под двойным нажимом регуляторная составляющая деятельности корпораций [6].

С разразившимся финансовым кризисом 1998 года и приходом к управлению Госсоветом КНР Чжу Жунцзи, перед которым стояла задача сохранения высоких темпов роста китайской экономики и которому были переданы исключительные полномочия по формированию экономической повестки, начала развитие новая волна реформ,

носящих оптимизационный характер. В результате произошла консолидация государственного сектора за счет поглощения крупными компаниями мелких и избавления от экономически неэффективных игроков: примерно 35 тыс. государственных предприятий унитарного типа были переданы муниципалитетам с целью приведения их к оптимизационным показателям, что лишь усугубило долговую нагрузку на региональном уровне, побудив местные власти к приватизации и постепенной продаже собственности местным предпринимательским и фермерским сообществам. За период реформы общее число госпредприятий сократилось почти в 4 раза (со 118 тыс. шт. до 25 тыс. шт.) [12. — Р. 186].

В это же время за счет некоторых переданных нефтедобывающих активов у CNPC в 1998 году формируется современный каркас интегрированной нефтяной корпорации — Sinopet, ставшей флагманом технологических изменений в госсекторе последних лет за счет развития проектов альтернативной энергетики, в том числе солнечных батарей (Китай на данном рынке последние девять лет держит уверенное лидерство) и геотермальных источников, получив от государства более 620 млрд юаней для реализации проектных инициатив в данной сфере [1. — С. 131].

К концу реформ премьер-министра Чжу в 2003 году оформилась политика введения KPI в духе нового государственного менеджмента, за выполнение которых компании вступали в т.н. стадию «преференциальных условий» получения господдержки в виде искусственных конкурентных преимуществ для своего роста, ограничений проникновения иностранных игроков в стратегически важные сферы (только в рамках согласования и инвестиционной доли, остающейся за китайской государственной корпорацией) и нетарифных преимуществ, а также полу-

чения ускоренного права закупки особо ценных технологий производства за рубежом Госсоветом КНР. При этом те игроки госкорпоративного рынка, которые не могли выполнить условий эффективной организации рынка, выводились из-под государственного регулирования, а их собственность распределялась между другими государственными корпорациями, что часто и обеспечивало диверсификацию портфеля рисков. Все это происходило на фоне инвестиционного «бума», искусственно поддерживаемого правительством Китайской Народной Республики с целью стимулирования бизнес-игроков из разных сфер и разных форм собственности к кооперации в основном по аутсорсинговой модели распределения мощностей предприятий либо «преференциальных» инициативных и добровольных поглощений фирм частного сектора или унитарного госкорпоративным с целью получения права участия в акционерной деятельности на Шанхайской и Шэньчженьской фондовых биржах (причем доля таких предприятий из числа зарегистрированных составила рекордные 44%) [2. — Р. 31–32].

По сути, за десять лет реформ в государственном секторе экономики 2/3 предприятий были выведены из подчинения властям и переданы частному сектору с целью перехода к фактически рыночным отношениям, тем самым «очистив» сектор от «нестратегических» активов [3. — Р. 5]. Указанные выше подвижки привели к оптимизации и развитию «одноколейной» регуляторной модели управления госсобственностью, где в результате при Госсовете на особых условиях функционирования был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом (SASAC), а для небанковских государственных финансовых институтов была образована Государственная инвестиционная компания (Central Huijin Investment Ltd)

[10. — Р. 8]. Можно отметить, что формат государственного вмешательства приобрел форму координации деятельности, что стало вторым этапом формирования лоббистской инфраструктуры для руководителей госкорпораций.

Современная модель государственного управления корпорациями заключается в том, что центральное правительство в сфере работы SASAC сконцентрировало вокруг себя активы наиболее эффективных и значимых корпораций, чью деятельность Комитет и контролирует. Если к концу 2003 года было более 200 подконтрольных предприятий, то в последние годы под государственным управлением находится только 97 корпораций, при этом общая стоимость этих компаний превышает 5,9 трлн долларов в КНР и более 750 млрд долларов за рубежом [8. — Р. 86]. Комитет делит все находящиеся в его собственности предприятия на две группы: «важные основные государственные компании», куда входит 53 корпорации, обеспечивающие стратегический экономический рост и глобальное присутствие в сферах электроэнергетики, нефтегазовой отрасли, телекоммуникаций, авиации и т.п. (именно сюда входят и CNPC, и Sinopet), а также прочие крупные компании, известные за рубежом в нестратегических отраслях, и даже исследовательские институты [15].

В силу иерархически строго организованной партийной дисциплины при принятии стратегических решений в Китае неудивительно, что госкорпорации рассматриваются как инструмент структурной перестройки экономики. В сфере государственной риторики это выражено в том, что корпорации из «ключевой» группы названы «национальными чемпионами», т.е. юридическими лицами, достойными передачи стратегических функций из-за их исключительных отраслевых показателей, призванных стать примером для деятельности других предприятий в

КНР. При этом «стратегический» характер функций предполагает большую ответственность, так как вместе с управленческой автономией высшего менеджмента передается часть социально-экономических, научно-технологических государственных задач, что создает поле для ограниченного формирования органичной GR-среды. Особенно данная модель получила актуализацию с принятием «Государственного средне- и долгосрочного плана развития науки и технологий (2006–2020)», приоритетами которого обозначены внутренние инновации и создание экономики знаний [13. — Р. 56]. Привлечение госкорпораций в этом случае закономерно, поскольку именно их приоритетная ресурсная инфраструктура, налаженные связи с органами государственной власти определили их как актора коммуникации по развитию инноваций на рынках.

По сути, такие корпорации имеют возможность обеспечить трансфер западных технологий на национальный рынок, что стратегически необходимо хозяйствующим субъектам на данном этапе развития экономических отношений. Также это возможности получения перспективных зарубежных инвестиций и развития собственных НИОКР. Более того, государство расширило автономию действий, предоставив для развития технологических процессов новые «преференциальные условия»: льготный доступ к кадровым государственным ресурсам, что само по себе является беспрецедентным шагом навстречу бизнесу (пусть и госкорпоративного типа), внешнее финансирование за счет государственных целевых программ, открытие возможности реструктуризации кредитной истории в «политических» государственных банках и т.п. [2. — Р. 28]

Получив такое стратегическое и дополнительное ресурсное преимущество, государственные корпорации крайне неравномерно подошли к на-

ращиванию технологических мощностей. Только до 2011 года, например, наблюдался умеренный рост заявок на патенты в пределах как своей юрисдикции, так и международной (РСТ), а также заказов на покупку Государственным советом авторских прав на технологические разработки западных корпораций в стратегически значимых областях. Затем рост сменился умеренным снижением показателей патентной активности, имеющим место до сих пор. Такие провалы объясняются проблемой «низкого старта» (при обширной господдержке в середине 2000-х гг. $\frac{3}{4}$ корпораций элементарно не располагали инфраструктурой для инноваций) [9. — Р. 17–18].

Второй проблемой считается рентное поведение игроков: несмотря на то, что реформа 1998–2003 годов была нацелена на создание олигополистических условий, побуждающих «национальных чемпионов» к противостоянию друг с другом, монополизм начал о себе заявлять после серии поглощений в рамках SASAC, когда компании перестали конкурировать, а предпочли договариваться о распределении влияния в отраслях. Наконец, в качестве третьей проблемы можно выделить сохранившее свою значимость избыточное контрольно-надзорное партийно-государственное регулирование госкорпораций, что со временем стало требовать поддержания более тесных связей с органами государственной власти, а не стремления к повышению показателей операционной прибыли.

Приход к власти Си Цзиньпина, обеспеченного падением экономических показателей в стране и максимально ориентированного на захват внешних рынков, ознаменовал новый виток реформирования госкорпоративной экономики, объявленный в 2013 году и операционализированный Государственным советом КНР через два года в программе комплексной технико-технологической модернизации «Сделано

в Китае 2025» [7]. Новая реформа лишь продолжает и углубляет рыночные начинания двух предыдущих десятилетий и также сохраняет за госкомпаниями структурно-определяющую роль драйверов экономического развития. Тем не менее к 2025 году предлагается разделить госкорпорации на две категории: «общественные» (ориентированные на повышение общественного благосостояния) и «коммерческие» (нацеленные на обеспечение высоких коммерческих результатов — компании нефтегазовой отрасли отнесены сюда).

Реформа очевидно направлена на точечное улучшение управленческого воздействия именно коммерчески эффективных корпораций, предполагающее повышение и конкретизацию критериев эффективности и поставленных стратегических целей, усиление автономии советов директоров, но с включением в его работу государственного советника в качестве надзорной инстанции, а также укрепление практик смешанной формы собственности компаний через консолидацию экономического сектора в целом и создание полного производственного цикла за корпорацией.

Комментируя положения реформы, премьер-министр КНР Ли Кэцян отметил, что подготовленная программа, в первую очередь, нацелена на усиление глобальной конкурентоспособности государственных корпораций, а также рост их экспортных мощностей, что полностью согласуется с экономической риторикой Председателя КНР Си Цзиньпина. Подзадачами, как отметил глава Государственного совета, также являются борьба с коррупцией, изменение государственной политики по вопросу ценообразования, поиск эффективных моделей управления [8. — Р. 90–92; 11. — Р. 12], а для их решения при реализации программы «Сделано в Китае 2025» был создан специальный венчурный фонд с капиталом более 30 млрд долларов, призванный поддер-

живать те корпорации государственно-го сектора, которые будут показывать наиболее эффективные результаты своей деятельности [7].

Подводя итоги, отметим, что становление сырьевых госкорпораций в Китае прошло через стадию последовательных реформ рыночного характера (1994, 1998–2003, 2015–2017 гг.), призванных обеспечить среду, ориентированную на достижение высоких показателей, поскольку корпорации объявлены структурными элементами национальной экономики, «национальными чемпионами» в своих отраслях, и им передана часть стратегических функций, в том числе социально-экономического и научно-технологического характера. Многие современные государственные предприятия прошли через процесс приватизации, поэтому в подчинении центрального правительства находятся только самые эффективные структуры из стратегически значимых экономических областей, поддержавшие требования государства по глобальному присутствию в

отрасли и экспортной дисциплине и получающие за это т.н. «преференциальные» льготы, создающие богатую ресурсную инфраструктуру, специальные налоговые режимы, нетарифные ограничения для конкурентов, возможности кредитования в «политических» банках и т.п.

Складывание благоприятной для лоббизма среды стало возможно с введением института совета директоров, последовательного повышения льгот и автономии высшего менеджмента. Правда, это создало основу для рентного поведения и договороспособности между корпорациями для сохранения позиций, выживания на рынке и получения льгот. В свою очередь, получение таких льгот возможно через институты поддержки (венчурные и инвестиционные фонды), а также посредством «прямого» лоббирования интересов в Комитете по контролю государственного имущества, после реформы 2003 года осуществляющего надзор за ведущими государственными корпорациями и координацию их деятельности.

Литература

1. *Вавилов Н.Н.* Некоронованные короли Красного Китая. — М.: Концептуал, 2019. — 200 с.
2. *Cheng L.* Does the expansion of Chinese state-owned enterprises affect the innovative behavior of private enterprises? / L. Cheng, Z. Lei // *Asia-Pacific Journal of Accounting & Economics*. — 2015. — Vol. 22. — No. 1. — P. 24–54.
3. *Fang L.* Intellectual Property Rights Protection, Ownership, and Innovation: Evidence from China / L. Fang, J. Lerner, C. Wu // Working Paper 17-043, 2016, November 21. — 54 p. — URL: <http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/17-0431ef8c8f7-1a51-49f6-8e3a-76333b195e4e.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
4. *Gang F.A.N.* The role of state-owned enterprises in the Chinese economy / F.A.N. Gang, N. Hope. In: *US-China 2022: Economic Relations in the Next 10 Years* // The China-US Exchange Foundation, 2013. — URL: http://www.chinausfocus.com/2022/index-page_id=1480.html (дата обращения: 20.05.2021).
5. Global 500. *Fortune*. — Retrieved August 10, 2020. — URL: <https://fortune.com/global500/2020/> (дата обращения: 20.05.2021).
6. *Grieger G.* State-owned enterprise (SOE) reforms in China: A decisive role for the market at last? // European Parliamentary Research Service. — May, 2016. — 4 p. — URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/583796/EPRS_BRI\(2016\)583796_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/583796/EPRS_BRI(2016)583796_EN.pdf) (дата обращения: 19.05.2021).
7. *Hsu S.* China Pushes For Innovation In State-Owned Enterprises, But Is Change Possible? // *Forbes*, 2016, Aug 22. — URL: <http://www.forbes.com/sites/sarahsu/2016/08/22/china-innovation-state-ownedenterprises/#3f7d6ceb5110> (дата обращения: 20.05.2021).
8. *Leutert W.* Challenges Ahead in China's Reform of State-Owned Enterprises // *Asia Policy*. — 2016. — No. 21. — P. 83–99.

9. McGregor J. China's Drive for 'Indigenous Innovation'. A Web of Industrial Policies // The U.S. Chamber of Commerce, 2014. — 45 p. — URL: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/100728china-report_0.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
10. State-Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence. OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets. — 26 January, 2009 // OECD. — 19 p. — URL: <https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceofstate-ownedenterprises/42095493.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
11. State-Owned Enterprises: Catalysts for public value creation? // PriceWaterHouseCoopers, 2015. — 48 p. — URL: <https://www.pwc.com/gx/en/psrc/publications/assets/pwc-state-owned-enterprise-psrc.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
12. *Studwell J.* How Asia works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. — N.Y.: Grove Press, 2013. — 320 p.
13. *Szamosszegi A.* An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China / *A. Szamosszegi, C. Kyle.* — U.S.-China Economic and Security Review Commission. — October 26, 2011. — Washington, DC: Capital Trade, Incorporated, 2011. — 122 p. — URL: http://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/10_26_11_CapitalTradeSOEStudy.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
14. The Institute of Contemporary China Studies. 中国共产党于国有企展与改革的探. — URL: <http://www.iccs.cn/contents/401/11928.html> (дата обращения: 20.05.2021).
15. Xinhua. “国有重要骨干企”有哪些? -新网. — 2015, Jan 30. — URL: http://news.xinhuanet.com/video/sjxw/2015-01/30/c_127440169.htm (дата обращения: 20.05.2021).

SUMMARY

SECTION I. HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT AND PHILOSOPHY OF POLITICS

Conflicts of the post-reform era in the novel «Virgin Soil» by I.S. Turgenev

Abstract: The article attempts to understand the socio-political context of the novel «Virgin Soil» written by I.S. Turgenev, dedicated to the populist movement of the mid-70s of the XIX century. In this novel, Turgenev raised the question of the legitimacy of the populist ideology and its implementation in practice, and also offered his alternative to the program of revolutionary populists — «gradualism from below» and enlightenment.

Keywords: I.S. Turgenev, «Virgin Soil», narodnichestvo, Tkachev, Lavrov

Author:

- Zhivotova Polina Andreevna, Graduate student of the Department of History of Socio-Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The concept of state security in the socio-political thought of V.N. Klembovsky

Abstract: The article examines the views of military general, intelligence theorist and counterintelligence V.N. Klembovsky on ensuring the security of the state from an external enemy. Events of the Franco-Prussian War of 1870–1871, the Russo-Japanese War of 1904–1905. They testify to the expansion of the scale of the “secret war”, a situation when opposing states use spies to find out secret information about the enemy in order to inflict maximum damage to him. General V.N. Klembovsky, participant the Russo-Japanese War, using these historical examples, proves the need for systematic intelligence activities to obtain secret information about the enemy’s preparations for the upcoming war and at the same time — the need for counter-espionage to counter the influx of enemy agents, which is a single process. According to V.N. Klembovsky, such systematic intelligence and counterintelligence activities should ensure the security of the state from an external threat.

Keywords: intelligence (espionage, espionage), counterintelligence (counter-espionage), spy

Author:

- Romanov Roman Evgenievich, Student of the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The idea of Russia as an original civilization: an international political analysis of classical eurasianism and post-soviet neo-eurasianism

Abstract: The article examines the foundations of the idea of Russia as an original civilization in the works of some representatives of classical Eurasianism of the 1920s — 1930s and post-Soviet neo-Eurasianism of the 1990s-2000s and their practical

and legal implementation today. The author comes to the conclusion that the ideologists of classical Eurasianism (N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky) in their works developed a model of the ideocratic Eurasian empire, which is a cultural and economic connecting element between the West and the East. Some representatives of Neo-Eurasianism (A.G. Dugin, A.S. Panarin, V.L. Tsymbursky) rethought the postulates of classical Eurasianism in the new conditions of post-Soviet construction of Russia. At the practical and political level, we can find some “Eurasian” provisions in the basic foreign policy documents of the Russian Federation: opposition to the West and its “Westernized” value paradigm, preservation of spiritual and moral values of national culture, rapprochement with integration associations (Eur) Asia for mutually beneficial cooperation and cooperation.

Keywords: classical Eurasianism, Russia, local development, ideocracy, neo-Eurasianism, EAEU

Author:

- Shcherbakov Ilya, Master’s degree student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, Coordinator of the Expert Council of Young Political Scientists of the journal «Russian Political Science» (Moscow, Russia).

General trends in the development of nationalism in Europe, late XX — early XXI century

Abstract: There is the analyzes of the current stage of development of nationalism in European in the article. The author considers the main trends that have changed the ideology: the disappearance of the link between the state and the nation and, as a consequence, the danger of the activities of nationalist groups for governments; the active development of ethno-nationalism, advocating the fragmentation of political space; the transformation of civic nationalism into a reactive ideology, that opposes the processes of globalization and migration, that dilute the national identity.

Keywords: ideology, nationalism, nation-state, globalization, ethno-nationalism, Europe

Author:

- Belyakov Gleb Sergeevic, 4th year undergraduate student Faculty of political science Moscow State University (Moscow, Russia).

Modern insurrectionary anarchism: the Black Bloc in the Yellow Vests movement

Abstract: Among the interpretations of anarchism, its insurrectionary manifestation has survived to this day, which does not carry positive effects both for the ideology in general and for the political situation of specific countries. The article attempts to study modern insurrectionary anarchism and its impact on society using the example of the Black Bloc, whose activity was most clearly manifested in the Yellow Vests movement. In the course of the study, it turns out that, despite the lack of open cooperation between the Black Bloc and Yellow Vests, anarchists successfully integrated into the protest wave and caused serious damage to France by their actions — over the years of protests, the country lost several billion euros in losses. Despite the fact that the actions of the Black Bloc activists damaged the reputation of anarchists around the world, their activity reminded the public of the existence of anarchism and its ability to influence the socio-political situation.

Keywords: anarchism, insurrectionary anarchism, “black bloc”, “yellow vests”, protest

Author:

- Brekhov Gleb Sergeevich, Postgraduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

**The idea of Russia's messianism in the works
of V.F. Odoevsky and A.I. Herzen**

Abstract: There is the attempt to discover the origins of the Russia's messianism idea in the article. It is shown the importance of the issue to detect Russia's role in the world in the first half of 19th century. The West is opposed to Russia like old decrepit world is opposed to young one. Russian thinkers and philosophers believed that the West has played its great role and now has to leave and give way to Russia. Besides, the author come to conclusion that the idea was further developed as the part of Russian conservatism and Russian revolutionary movement, that suggests revising the traditional approach to both current of social thought.

Keywords: V.F. Odoevsky, A. I. Herzen, the "Death of the West", the "Element of Universality", the "Russian socialism"

Author:

- Solodov Evgenii Alexandrovich, Student of Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

**SECTION II. INTERNATIONAL POLITICS, TRANSFORMATION
OF THE WORLD ORDER AND INTEGRATION PROCESSES**

**Central Asia: the clash of ideological
and value constructs and the interests of Russia**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the ideological factor in the development of Central Asia. The author proceeds from the fact that the Central Asian region has become a space for the development of a number of ideological constructs competing with each other. The author considers three ideologies: pan-Turkism, Islamism and nationalism. The article analyzes the origins of these ideologies, their current level of development, as well as the impact on the interests of Russia. The conclusion is made about the harmfulness of the presented ideologies for the development of the region and the need for Russia's creation of its own ideological and value constructs.

Keywords: Central Asia, ideology, pan-Turkism, Islamism, nationalism

Author:

- Guzaerov Razil Ilshatovich, Student of the Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University, Junior Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences.

**Migration management in Africa:
international and regional approaches**

Abstract: Recently, in the context of the global refugee crisis, migration from Africa to Europe has attracted tremendous attention from the public and political circles, especially in Europe. Whether the focus is on migrants and refugees arriving

on European shores or on improving border security in African countries, the International Organization for Migration has always played an essential role in managing migration processes. On the other hand, in the context of increasing (sub) regional migration, great importance is given to regional organizations. Within the framework of the presented research, the author analyzed the activities of IOM and the main regional organizations in Africa in order to identify the role played by IOM and regional associations (ECOWAS and IGAD) in the process of managing migration flows, as well as to determine the main directions of work of organizations in this area, assuming that their activities vary depending on the field of migration policy.

Keywords: migration, Africa, ECOWAS, IGAD, MOM, migration management, migration policy

Author:

- Andrianantenaina Hasinavalona Patricia, 2nd year master's degree Department of Comparative Political Science Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

The influence of religion on political relations in Mali

Abstract: This article deals with the growing influence of religion on socio-political life in Malian society. The role played by religious leaders in political decisions, governance, and the pacification of the social climate between the State and the population. Understand in the Malian context the growing power of religiosity day by day, and issues related to religion that are sometimes perceived in society as taboo. Collaborative relations and policies between the State and religious groups in the governance of the country. The aim of this article is to assess the prospects for the resurgence of influence of religious leaders on political power and administrative authorities.

Keywords: The influence of religion in Mali, Religious leaders, Political authority

Author:

- Soumaila Kanoute, PhD Student of Comparative Politics Department, Social and Humanitarian Faculty, People's Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

The problem of construction of supranational authorities of the Union State of Belarus and Russia

Abstract: Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation is based on common racial and cultural ties, as well as interaction within a number of integration associations such as the Union State, the Eurasian Economic Union, zation of the Collective Security Treaty. The Union State is the most important direction in Russian-Belarusian relations. The problem of creating developed supranational authorities in the Union State remains unresolved. Belarus and Russia have repeatedly developed tools for solving the problems of implementing the agreement "On * the creation of the Union State" of 1999 *, where the main authorities are the Supreme State Council, the Council of Ministers, Parliament, the Court of the Union State and the Accounts Chamber. In*2018–2021* Minsk and Moscow resumed the discussion and implementation of the construction of supranational governing bodies leniya.

Keywords: Union State, Belarus, Russia, supranational bodies management

Author:

- Zhimanov Yan Rafailovich, Master student of the Department of Political Science of the Belarusian State Economic University (Minsk, Republic of Belarus).

SECTION III. THE NEW DIGITAL AGE

Internet as a tool of communication activity of the parties of the republic

Abstract: The paper is devoted to the analysis of career trajectories of the heads of district executive committees in the Republic of Belarus. The relevance of the issue lies in the fact that the quality of the “personnel corps”, its ability to solve the tasks under the conditions of the decision-making process largely affects the efficiency of social programs implementation for the benefit of the society. A civil servant is a link between the institution of power and society and his activity is considered to be the organizational core of the political-administrative system.

Keywords: political parties, political communication, Internet representation, official websites, social networks

Authors:

- Tsybulkina Marina Andreevna, student of the Department of Political Science of the Belarusian State University of Economics (Minsk, Belarus).
- Kazak Oleg Gennadievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Belarusian State University of Economics (Minsk, Belarus).

The use of information technologies in shaping the electoral behavior of citizens

Abstract: This report examines various approaches to defining the concept of “electoral behavior” in order to comprehensively understand the problem raised. The analysis of specific examples of the use of information technologies in the formation of the electoral behavior of citizens. It is stated that the construction of electoral behavior via information technologies contradicts one of the principles of democracy: the freedom of choice. It is illustrated that the development of the information society will inevitably lead to the transformation of the institution of democracy, in particular, the logic of electoral processes will change.

Keywords: Electoral behavior, information technology, democratic elections

Author:

- Antonyan Ani Rafikovna, 1-year PhD of Political Science, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia).

Digital technologies as a tool for attracting citizens to the management of the region on the example of the Orel region

Abstract: The article examines the phenomenon of digital technologies as a tool for citizen’s participation in the management of the region. The experience of Europe and Russia is analyzed. Special attention is paid to the digitalization of civil participation in the Orel region as an example of the use of these technologies in the regions of the Russian Federation. The authors believe that electronic methods of civil participation in the regions are at a significantly lower level compared to Moscow. The work identifies the problems of the development of digital tools in the regions of the Russian Federation and presents the prospects for their use.

Keywords: digitalization, civil participation, digital technologies, region management, Internet, democracy

Authors:

- Korolev Ilya Nikolaevich, Student of the Faculty of Philosophy Oryol State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia).
- Chabanyuk Velimir Albertovich, Student of the Faculty of Philosophy Oryol State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia).

SECTION IV. ENVIRONMENTAL POLICY**Evolution of the approach to Japan's environmental policy**

Abstract: The article analyzes the evolution of Japan's environmental policy over the past forty years. Based on the analysis, it is concluded that Japan's environmental policy has undergone fundamental changes in the direction of strengthening the country's role at the global level and reducing the role of the economic lobby within the country. The proposed analysis shows that Japan has become one of the first countries in the world to implement the principles of sustainable development in practice. The author comes to the conclusion that at the end of the XX — beginning of the XXI century, Japan became more responsible in the field of ecology, which is associated with the increasing role of environmental factors in international relations, as well as with increasing attention to environmental issues within Japan itself. Japan has become one of the most active participants in the process of forming a new global environmental architecture; secondly, Japan is one of the leaders in taking measures to mitigate the effects of climate change.

Keywords: Japan, environmental policy, lobbying, sustainable development

Author:

- Kukresh Dmitry Sergeevich, 2nd year Master's student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Public Administration, Department of Political Analysis (Moscow, Russia).

Economic factors of Canada's peacekeeping activities in Mali

Abstract: In this work the author analyzed the communications of lobbying organization (Mining Association of Canada) with governmental officials during the alleged period when the governmental announcement of Canada's participation in the UN peacekeeping mission in Mali (MINUSMA) was being prepared. Some Canadian media informed that Canada has recently participated in MINUSMA to protect the assets of the Canadian mining companies which operate in this country. There is a limited range of tools that would help achieve the complete possible picture of the situation. One of the tools is to explore the networks of the communications between the lobbyists representing the mining companies and the public officials. Having obtained data on the communications, the author applied network analysis. According to the evidence obtained, the likelihood that the Canadian mission was lobbied for by the Mining Association of Canada is high.

Keywords: Canada, peacekeeping, Mali, MINUSMA, Canadian mining companies, network analysis

Author:

- Timofeev Vladimir Vladimirovich, PhD student at the Department of American Studies, School of International Relations St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

SECTION V. POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC

Restrictions on freedom in democratic regimes during the COVID-19 pandemic in the context of the political philosophy of G. Agamben

Abstract: The article examines the impact on political life of restrictive measures introduced in democratic countries in the context of the coronavirus pandemic in 2020-2021, through the prism of the political and philosophical ideas of G. Agamben. This work is tailored to identify the implications of these measures for socio-political life. Due to the continued spread of coronavirus infection political norms, practices and public consciousness are being transformed.

Keywords: G. Agamben, restrictions on freedom, pandemic, COVID-19, human rights

Author:

- Kuznetsova Vasilisa Andreevna, Student of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow, Russia).

Political and socio-economic consequences for the United States as a result of the COVID-19 pandemic

Abstract: The article provides an analysis of the political and socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic for the United States. In the course of the study, the prerequisites and causes of these phenomena were considered, as well as the dynamics of changes in the actions of the US state apparatus to eliminate the identified problems. The factors underlying the further development of the situation in the domestic political and domestic economic situation in the United States at the end of 2021 and in 2022 are highlighted.

Keywords: COVID-19, pandemic, political impact, socio-economic impact

Author:

- Lamash Maksim, Bachelor of Arts in Political Science from Pepperdine University (California, United States).

Impact Of The COVID-19 pandemic on rewiring globalization and multilateralism

Abstract: This article examines the impact of the COVID-19 crisis on globalization and multilateralism in various dimensions, which are ways of interconnection and interdependence of people and countries around the world, because the changing trend of globalization will have a huge impact on foreign affairs, especially, in the context of multilateral diplomacy, in particular, the evaluation of the response to crises by global governance systems such as the United Nations (UN), the World Health Organization (WHO), and the position of the superpowers also had a profound impact on the success of the UN and WHO actions. For the result of the study, the author found that the COVID-19 crisis, which has added dynamics and strength to “the deglobalization” and globalization in the post-crisis, will lead to “a rewiring globalization”. While the rewiring globalization and global governance is immensely regressing, unilateralism is also increasingly being put forward in front of scenario as a complement and alternative for multilateralism. Therefore, Unilateralism plays an additional role in global governance and helps correct the shortcomings of multilateralism.

Keywords: COVID-19, OOH, WHO, Globalization, Multilateralism, Unilateralism

Author:

- Mafuang Supatat, Master's degree student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

SECTION VI. SCIENTIFIC, DIGITAL, CULTURAL, SPORTS AND OTHER TYPES OF DIPLOMACY IN THE MODERN WORLD

Digital diplomacy is a tool of the foreign policy of the Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the use of digital diplomacy in the foreign policy of the Russian Federation. The article describes the development of digital diplomacy, the presence of the Russian Foreign Ministry on the Internet, threats and challenges faced by the country in the information space. Special attention is paid to the digitalization of the Russian Foreign Ministry. Based on the analysis of the article, conclusions are drawn about the further development of the information sphere in the politics of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, digital diplomacy, foreign policy, information technology, digitalization

Author:

- Cherniavskaia Karina Yurievna, Student of the Historical Faculty of Donetsk National University (Donetsk, DNR).

Transforming the Chinese approach to public diplomacy amid the COVID-19 pandemic

Abstract: The article examines the implementation measures of the China's public diplomacy mechanisms during the COVID-19 pandemic. The author addresses the Chinese approach to the concept of "soft power", the current mechanisms of public diplomacy in the PRC and analyzes the transformation of measures to implement public diplomacy during a pandemic. This article defines the role of public diplomacy in the humanitarian component of the PRC's foreign policy during the COVID-19 pandemic and identifies limitations in the implementation of public diplomacy mechanisms. Based on the results, the authors conclude if the pandemic had an impact on the Chinese approach to public diplomacy, and whether the implementation of this mechanism was successful in overcoming the foreign policy crisis caused by the COVID-19 pandemic.

Keywords: China, public diplomacy, pandemic, COVID-19, soft power, foreign policy

Author:

- Kokoreva Aleksandra Igorevna, BA, Graduate of The Faculty of Politics and International Relations of Siberian Institute of Management — a branch of the ANEPA (Novosibirsk, Russia).

SECTION VII. REGIONAL POLICY AND PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION OF LOBBYING

The main actors of the regional politics: change of the elites in the midst of the transfer of power (Tambov region, 2010 to 2018)

Abstract: To determine the composition of the members of the ruling elite, to study the nature of the connections between its specific representatives and to clarify the number of power resources controlled by them, the reputational technique in iden-

tifying elites is used. The analysis of the visibility of the influential subjects of power relations at the regional level, whose influence is not segmented and extends to the entire region, has shown that this category is represented by a narrow circle of people. In the Tambov Region, they are less than 10 persons. The set of positions occupied by them can be divided into several groups. Depending on the control point of the study, their number and occupancy are different. It is noted that some representatives of the ruling elite do not have a sufficient amount of private or state capital, but at the same time, they have a significant influence in the region. This is possible if a person is well-connected.

Keywords: reputational method; influence; regional political regimes; regional elites

Author:

- Solovyov Dmitriy Anatolievich, Research Fellow The Center for the Study of Political Transformation Derzhavin TSU (Tambov, Russia).

Project management in public administration in the example of the implementation of national development goal in the Moscow oblast

Abstract: In the current financial and economic situation to modernize the economy and give it an innovative direction, as well as increase the level of social welfare it is very appropriate to use a project management. The article examines the main theoretical and legal foundations of this approach in the prism of national development goals until 2030 using the example of the Moscow oblast. Moscow oblast is one of the largest subjects of the Russian Federation which underlines the importance of the findings.

Keywords: National development goals of the Russian Federation, national projects of the Russian Federation, project management, project, public administration, economy

Author:

- Khusnatdinov Ildar Akhmetovich, 3th year student of The Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Moscow, Russia).

Institutionalization of lobbying in political systems of different types: world and Russian practice

Abstract: The goal of the article is to analyse lobbying as an institution of the political system. Lobbying functions and its role in the political process are listed as well. Comparative analysis of existing ways to institutionalise lobbying in different political systems is presented in the article (the USA, continental Europe, Russia). The question of the lobbying development is considered separately in terms of political systems transformation and increase in its level of transparency. The process of lobbying institutionalisation in Russia is also characterised.

Keywords: political systems, institutions, lobbying, interest groups, transparency

Author:

- Stafeichev Anton Alexeyevich, Student at the department of Public Policy at the Faculty of Political Science Moscow State University (Moscow, Russia).

SECTION VIII. POLITICAL PSYCHOLOGY AND COMMUNICATION ISSUES

Externalization of «due» in the political consciousness of modern Russian youth

Abstract: The transitive nature of Russian society determines the relativism of the moral guidelines and values of its elements. Among these values, «duty» deserves special attention. Determining the boundaries of «due» is fundamental to any polity. Of particular interest here is the youth, whose political consciousness is characterized by fragmentation and inconsistency. The results of the empirical study showed that in the discourse of the distribution of rights and duties between the state and the individual, the adherence to individualistic attitudes characteristic of young people is expressed in the externalization of the «due» through the instrumentalization of mutual responsibility. In the political consciousness of young Russians, there is an a priori distinction between the duty of a citizen and the duty of a person, with a clear simplification of the former and prioritization of the latter. Meanwhile, their political infantilism, articulated in developed paternalistic orientations, contrasts sharply with the demonstration of one's own «Self» through the emotional «negativisation» of freedom when it comes to the sphere of personal rights and freedoms.

Keywords: Russia, youth, political ethics, morality, duty, due, responsibility

Author:

- Sokriukin Alexei Viktorovich, Graduate Student of Faculty of Political Sciences at Moscow State University (Moscow, Russia).

The role of media framing in political communication process

Abstract: The article examines the impact of media framing technology on the process of modern political communication. The author justifies the need to use this technology and identifies the key factors that influence the design of a frame in the media space. The study reveals the essence of media framing, and also provides a detailed analysis of its stage-by-stage division. The author comes to the following conclusion: the creation of an effective media frame is one of the most important functions of the media, however, the potential of this technology is currently underestimated. Accordingly, careful and systematic work on the constructs being formed is necessary for the implementation of successful political communication in society.

Keywords: political communication, media space, media, frame, media framing

Author:

- Nazarova Maria Sergeevna, PhD student at the Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SECTION IX. SOCIO-ECONOMIC POLICY AND VOLUNTEERING

Institutional features of volunteer activity in the Krasnodar region: the condition and problems of development

Abstract: The variety of forms and directions of volunteer activity is formed into a single institution of good, which performs a variety of important functions and is one of the most important foundations of civil society. The contribution of volunteerism as a constructive force cannot be overestimated: the positive effect of volunteerism extends to various spheres of society. Awareness of the value contribution of volunteerism occurs at various levels of volunteerism. Using the example of the Krasnodar

Region, the article analyzes the regional level of volunteerism, in which it is dynamically developing both quantitatively and qualitatively.

Keywords: volunteering, volunteerism, volunteer, voluntary, volunteer activity

Author:

- Khachaturian Satenik Ogenesovna, Student of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University (RAU) (Yerevan, Armenia)

Features of the state-owned corporate sector in the Chinese economy and the formation of a lobbying structure for commodity companies

Abstract: China's state-owned corporations have gone through a series of consistent market-optimization reforms over the past two decades. The result of these transformations was the creation of some management structures and elements that are characteristic of Western corporations. The prerequisites for the development of a full-fledged and favorable environment for lobbying their own interests were identified. Commodity enterprises have begun to develop such an environment. This was reflected in the active use of rental behavior strategies, which was the result of securing certain legal strategic statuses for the largest state-owned enterprises and the introduction of preferential benefits. The author attempted to trace the post-reform path in the state-owned corporate sector and compare it with the prerequisites for the development of GR-activities on the part of commodity enterprises.

Keywords: state-owned corporations in China, China's economic reforms, preferential benefits, state-owned corporate lobbying, rental behavior, commodity sector

Author:

- Serebryakov Kirill Dmitrievich, Graduate student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале.

Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания. Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только затекстовые библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок не допускается.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках. Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила

составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su>

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КОРНИЛОВИЧ ВЛАДИМИР АДАМОВИЧ — директор программы факультета государственного и муниципального управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, руководитель мета-проекта реформирования системы государственного стратегического управления в России, доктор социологических наук

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук

МАРИАН ВАЛЕРИЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ — заведующий кафедрой иностранных языков дипломатической Академии МИД России, профессор, кандидат исторических наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук

ПИРОЖЕНКО ОЛЬГА ВИКТОРОВНА — PhD в области коммуникационных наук, директор Российско-испанского центра образования и сотрудничества ИГСУ РАНХиГС при Прези-

денте РФ, исполнительный директор Русского центра Университета Валенсии (Испания), руководитель Секретариата Альянса российских и испанских университетов

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

СЕЛЛМАНН ДЖЕЙМС — профессор философии, декан колледжа гуманитарных и социальных наук Гуамского университета (Гуам — не инкорпорированная организованная территория США)

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

БОЛДИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ — ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian Political Science», председатель АНО «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕЖОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

БОБРОВСКИХ ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

ПОЛУЛЯХ ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ — кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

РУДНИЦКАЯ АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА — заведующий кафедрой рекламы и человеческих ресурсов факультета управления Московского университета имени С.Ю. Витте, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

- ГОРОХОВ АНДРЕЙ** — главный редактор
ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА — заместитель главного редактора
СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора
КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора
ЗУРНАДЖЯН ГОР — советник по взаимодействию с органами государственной власти и общественными организациями
СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям
ШАДСКАЯ МАРИЯ — советник-лингвист по переводу текстов (английский, французский)
АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер
ХЛУПИНА МАРИЯ — корректор, литературный редактор
ВОЛОБУЕВ СЕРГЕЙ — советник
СОБОЛЕВ ВЛАДИМИР — научный консультант
МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник
ЩЕРБАКОВ ИЛЬЯ — координатор Экспертного совета молодых политологов журнала «Русская политология — Russian Political Science»
САВИН ТИМОФЕЙ — советник по взаимодействию с политологами, государственными и общественными организациями города Москвы

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

- МАКОЕВА ДЗЕРАССА** — руководитель отдела
ПОДОБУЕВА ВЕРОНИКА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

- ДАШКИНА ИРИНА** — руководитель отдела
МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — советник отдела

Отдел редакции по работе с итальяноязычными политологами

- ЛОЩИЛИНА МАРИЯ** — советник отдела

*Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77-66809*

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77-66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 2(19), 2021 год
Подписано в печать	20.12.2021.
Цена	Бесплатно

*Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77-67389*

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77-67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 2(19), 2021 год
Подписано в печать	20.12.2021.
Цена	Бесплатно

© 2021 «Русская политология — Russian political science».

При цитировании обязательна ссылка на журнал «Русская политология — Russian political science»